

ლიტერატურა

ტრუზია

9

1977

Литературная Грузия

საქართველოს
საბჭოთაო კავშირი

*Ежемесячный
литературно - художественный
и
общественно-политический
журнал.*

Орган Союза писателей Грузии

9

СЕНТЯБРЬ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 77
ЦК КП ГРУЗИИ

ქართველი
წიგნწერები

«ლიტერატურული გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 9

სექტემბერი 1977 წ.

საპარტველოს საბოთა მწარლეების კავშირის ორგანო

Издается

с июня 1957 года

АДРЕС РЕДАКЦИИ

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная —	99-06-59
Главный редактор —	93-65-15
Заместитель главного редактора —	93-13-57
Ответственный секретарь —	93-31-28

ОТДЕЛЫ

Отдел прозы (редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —	93-31-43
Отдел поэзии и искусств (редактор ЗИНИНА В. Б.) —	93-31-43
Отдел критики и литературоведения (редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —	93-65-19
Отдел публицистики и очерка (редактор БРАЙЛОВСКАЯ Е. И.) —	93-65-19

Главный редактор

Гурам АСАТИАНИ

Редакционная

коллегия:

Тенгиз БУАЧИДZE,

Гиви ЖВАНИЯ,

Марк ЗЛАТКИН,

Исидор КОЗАЕВ,

Георгий ЛОМИДZE,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДZE

(заместитель главного редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Эммануил ФЕЙГИН,

Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание:

ГЕОРГИЙ НАТРОШВИЛИ. По мысли и воле народа . . . 4

ПОЭЗИЯ

ШОТА НИШНИАНИДЗЕ. Песнь о капитане. Геройская
эпитафия. «Везде...». Перевод Валерия Краско.
«Не сочти, что это — только...». Перевод Леонида
Темина. Жатва на Алгети. «Ты мастер...». Перевод
Михаила Синельникова . . . 7
ИЗА ОРДЖОНИКИДЗЕ. Май. Картли. Утро. Сквозняк.
Каменное изголовье. Мтацминда. Счастье. Не обе-
щай.. Письмо. Перрон. Идиллии. Разговор с дочерью.
«Хочется...» Перевод Марины Кудимовой . . . 9

ПРОЗА

ГУРАМ ХАРАИДЗЕ. Повесть о моем предке. Окончание.
Перевод Виктории Зининой . . . 13
РЕЗО ЧЕИШВИЛИ. Запоздалый ответ. Нобель. От-
крытое письмо. Новеллы. Перевод Гины Че-
лидзе . . . 35

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

СЕРГИ ЧИЛАЯ. Великий Октябрь и грузинская лите-
ратура . . . 44

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

КОБА ИМЕДАШВИЛИ. Трудный путь к добру . . . 49
ГУРАМ КАНКАВА. Нравственность и свобода человека . . . 55

К 140-ЛЕТИЮ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

ГЕОРГИЙ ДЖИБЛАДЗЕ. Илья Чавчавадзе . . . 59

НАУКА

ШОТА ДЗИДЗИГУРИ. Баски и грузины. . . . 68

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНИ

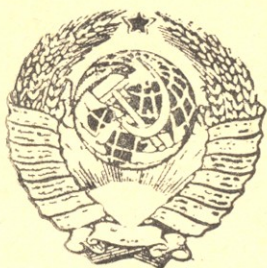
ЛЕВАН МАЧАИДЗЕ. Школьная отметка: вчера, сегодня,
завтра 75

В МИРЕ КНИГ

Р. ШАМЕЛАШВИЛИ. Для желающих изучить язык Ру-
ставели 81
ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ. Звук осторожный... . . . 83

ИСКУССТВО

ГАСТОН БУАЧИДЗЕ. Греза Фрески 85

П О М Ы С Л И

НАД ТРИБУНОЙ в зале заседаний Верховного Совета Грузинской ССР висит плакат, с предельной точностью выражающий самую суть нашего советского образа жизни:

«Советские люди — интернационалисты, такими воспитывает их партия, такими воспитывает их вся наша действительность».

Слова эти принадлежат Генеральному секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Леониду Ильичу Брежневу, и каждый из нас с гордостью произносит их. Да, мы — интернационалисты. И это получило отражение в проекте новой Конституции Советского Союза, первая же статья которого говорит о нерушимой дружбе народов Советской Отчизны. Вторая его статья начинается словами: «В Советском Союзе вся власть принадлежит народу». Наша Конституция беспрецедентна по своей демократичности. В ней выражен дух народа, его мечты и устремления, наибольшее значение из которых во все времена имела тяга к свободе и братству.

И тут, думается, уместно обратиться к истории. Еще две тысячи триста лет назад поэт античной эпохи сказал: счастлив тот, кто видел хотя бы тень истинного друга. На протяжении всего своего существования человечество воспекает дружбу, братство, любовь. Великие мечтатели, радевшие о светлом будущем человечества, подобно Жан Жаку Руссо, составляли конституции и хартии дружбы и братства. Но все их попытки законодательным путем закрепить права человека оставались неосуществленной мечтой.

Идеал свободы и братства своими корнями уходит в далекое прошлое. В духовной жизни грузинского народа он также нашел свое отражение еще в давние времена. Об этом свидетельствует сохранившееся с тех пор стихотворение, в котором мудрый стихотворец, народный сказитель выразил философию своей истории, безбрежный интернационализм своего народа. В этом стихотворении говорится о том, что все мы люди, что азербайджанцы и армяне — наши братья. И если ты понимаешь это, твоя душа чиста. Если же нет — то разве ты тогда — человек?!

Это — целая философия, целый моральный трактат.

Социалистический интернационализм и советский патриотизм, разумеется, являются идеологией нашей новой, октябрьской эпохи, эпохи социалистических революций, а экскурс в прошлое понадобился нам лишь для того, чтобы показать, как глубоки корни, традиции интернационализма и демократизма. И отражение их не только в народ-

И воле народа

ном творчестве и произведениях великих поэтов прошлого, но и в официальных летописях, таких как, например, «Картлис цховреба» («Жизнь Картли»), свидетельствует об их силе и жизненности.

Проходили столетия, страдали и истекали кровью народы. Но вот наступил долгожданный день, когда была произнесена самая значительная в истории человечества клятва, которую братство народов превратило впоследствии в Основной Закон нашей жизни. Это был день создания Советского государства, рождения братской семьи советских народов. Осененная ленинской рукой, ленинской партией клятва, данная шесть десятилетий назад, устояла перед натиском многих бурь и сильных врагов.

Леонид Ильич Брежнев сказал: «Решение в проекте вопросов национально-государственного устройства обеспечивает подлинно демократическое сочетание общих интересов многонационального союза и интересов каждой из образующих его республик, обеспечивает всесторонний расцвет и неуклонное сближение всех наций и народностей нашей страны».

Содержательна и плодотворна жизнь в условиях взаимопонимания и уважения. Наша страна сильна и нерушима благодаря тому, что основой ее жизни является взаимная любовь народов, ее населяющих. Об этом еще раз неопровержимо свидетельствует проект нашей новой Конституции.

Сегодняшняя грузинская литература по праву гордится замечательными произведениями, созданными на тему дружбы народов. Стихотворение «На русских полях» Григола Абашидзе, поэма «Русское сердце» Хута Бериулава, стихотворения «Илья Муромец» и «Другу поэту» Шота Нишнианидзе и много других произведений могли бы составить не один том, посвященный этой благородной теме.

И сегодня, знакомясь с проектом новой Конституции, развертывающей перед нами грандиозную историческую панораму ленинской дружбы народов, мы с гордостью осознаем, что в ее создание и утверждение, в морально-идейное воспитание народа и грузинская литература внесла свой значительный вклад. Именно в этом и заключается ее историческая заслуга перед партией и народом.

Зачинателем, как и во многом другом, здесь был Галактион Табидзе. Восторженный трепет его стихотворений, посвященных революции, передавался читателю и неизменно вызывал в нем горячий отклик:

**Оркестр грянул Интернационал,
И дрожь пробрала меня...**

Своим служением народу и партии поэт всегда был и остается для нас высоким примером.

На ста различных языках Востока,
На общем для несчетных языков,
Хранить свободу как зеницу ока
Мы дали клятву на века веков.
Постигли мы народов наших чаянья,
Мечты вольнолюбивые и сны,
Сто языков различного звучанья
В язык Свободы объединены, —

пишет Ираклий Абашидзе, и в этом — подлинная картина единства народов нашей многонациональной страны. Это стихотворение перекликается с тридцать шестой и сорок пятой статьями проекта новой Конституции, в которых речь идет о значении родного языка в жизни народа. Ведь овладение своим, родным языком является фактом, подтверждающим жизнь народа. Это — его паспорт перед историей и вечностью.

Проект новой Конституции освещает писателю путь, дает простор его фантазии. Сразу же после его опубликования, положившего начало всенародному обсуждению этого исторического документа, каждый из нас ощутил прилив энергии, необходимой для осуществления своих замыслов и планов по освещению всех сторон нашей созидательной жизни. Мы и впредь будем вторгаться во все сферы деятельности советского трудового народа, строящего коммунизм, чтобы достойно отразить ее в своих произведениях.

В июльском постановлении ЦК КПСС (1976 г.) о задачах партийной организации Грузии, отмечая успехи рабочих, крестьян и интеллигенции нашей республики, ленинская партия дала высокую оценку вкладу грузинских писателей и работников искусства республики в дело идейно-политического и нравственного воспитания трудящихся. Но тогда же отмечалось, что проведенная работа — лишь начало большого пути, который должны пройти грузинская литература и искусство. Высокие результаты деятельности партийной организации республики создают необходимые условия для успешного претворения в жизнь всех задач, поставленных перед нами XXV съездом КПСС.

На пути строительства коммунизма нашему народу, нашей интеллигенции, нашей литературе предстоит много и хорошо потрудиться. Это обеспечит выполнение высоких задач, поставленных партией, поможет росту благосостояния и культуры советских людей, чьи права и обязанности законодательно закреплены в проекте новой Конституции Советского Союза, созданной мыслью и волей всего советского народа, коллективным гением нашей мудрой ленинской партии.

Георгий НАТРОШВИЛИ.

ПЕСНЬ О КАПИТАНЕ

1

Папаха — горой, сапоги не по росту:
 Встречал его, памятью детства горя, —
 В кино? Или в книге? А, может быть,
 просто
 Во сне? — просыпается детства зоря...

Все время взъерошенный и
 непокорный,
 Со взрослыми рядом — ну прямо
 Гаврош!
 Упрямый и добрый, серьезный и
 вздорный.
 Послушай, малыш, на кого ты похож!

Бинокль пирата? Звезда конармейца!
 Дешевое чтиво? Но «Овод», «Спартак»!
 Задор шахматиста и эпикурейца
 Футбольного поля и уличных драк.

Кровь из носу?—боже, какая потеря!—
 Ты был для борьбы, для победы
 рожден,
 А если проигрывал — требовал, веря
 В победу —
 Не веря, что ты побежден:

— Не в счет! Не по правилам!
 Снова! Сначала!
 Тогда — понарошку, теперь — от
 души!
 Боишься? — скажи, если силушки
 мало,
 А если сильней — еще раз докажи!

Любил воскрешать улетевшие бури,
 Гражданские войны —
 Страницами книг
 Парил — парусами — над бездной
 лазури
 И, красных любя, ненавидел иных.

И если — в игре — у ночного причала
 Тебя настигал «смертоносный металл»,
 Кричал: «Не по правилам! Снова!
 Сначала!»

«Сердились ребята: «Ты мертв,
 капитан!».

— Не мертв! Не по правилам —
 честное слово! —
 Ведь красные не умирают зазря! —

И все революции — заново! снова! —
 Вершил, атакуя врагов Октября.

И тысячу раз ты показывал кукиш
 Карге, что ползла за тобой по пятам...

2

Умчались года — не догонишь,
 не купишь....
 Ты был под Берлином убит, капитан!

В реальном окопе
 Реально отмерил
 Реальные сроки
 Реальный свинец.

Уже не в игре — умирая — не
 верил
 Фанатик «сначала!», что это — конец.
 Еще не привыкшая к смерти, кричала
 «Сначала!» душа, но уже лепетал
 О смерти свинец, отрицая «сначала»...
 И плакали парни: «Ты жив,
 капитан!»

По правилам мглы — между адом и
 раем —
 Сияла улыбка твоя: «не по пра...»

Да, ради Отчизны не раз умираем.
 Рождая — не раз — громовое «ура!»

Кричу: «Не по правилам! Снова!
 Сначала!»
 Не верь клевете темноты, капитан!..»

3

Я тоже хочу — не с конца, а с начала—
 Участвовать в битве, как ты, капитан!
 И если терплю поражение, верю
 В победу — с улыбкою не по летам:
 Любую ошибку, любую потерю
 Встречаю ершисто, как ты, капитан.

Поверженный ложью —
 Мольбой и угрозой
 Добьюсь своего у хохочущей лжи:
 — Сразимся, судьба, как поэзия
 с прозой,
 А если сильней — еще раз докажи!

Я — миллионер — миллионом
 «Сначала!»
 Победа — пожизненный мой капитал.

А коль суждено у ночного причала
 Уйти за тобой —
 Я готов, капитан!..

Геройская эпитафия

1

*Памяти погибших
в катакомбах Керчи*

Когда безумным наважденьем пронзил
сердца кровавый смерч,
Была и сном, и пробужденьем, и
братскою могилой Керчь.
Туда — в подземные пределы —
земные продолжать бон
Живых колонной поределой сошли
защитники твои.
И там — над бездною провала в Аид—
геенною без дна
Нас навсегда замуровала — живых
с погибшими — война.
С годами ставшие камнями, мы
переплавлены в гранит.
Былыми ранами над нами звезды
распятые горит.
Но стоит только прикоснуться к земле
раскаяньем пера —
Бойцы подземные проснутся грозой:
«За Родину! Ура!»
Пусть знают: если неземною звездой
воскреснуть не смогли —
По зову Родины стеною теней
восстанем из земли!

2

Приписка автора:

Благословен борьбы булат —
непобедима Родина!
Благословенна кровь солдат — любви
во имя, Родина!
Благословенны слезы близких: «Да
будет проклята война!»
Благословенны обелиски и незабвенны
имена!
Бойцы — не ваша ли работа, что,
жажду битвы утоляя,
Блестя от трудового пота, спокойно
вертится Земля?..

* * *

Везде,
всегда,
во всем —
во сне и наяву,
ласкаю ли листву
иль созерцаю бездну
созвездий и руин,
грядущее ль зову
иль тьму небытия, в которой
не исчезну —

везде —
в листве,
в звезде —

земного тяготенья
послушный раб,
я жду подземного толчка:
преодолеть мгновением века,
не отличив полета от паденья,
и — вознестись..

Перевод Валерия КРАСКО

* * *

Медее Кахидзе

Не сочти, что это — только
Слов игривый поворот:
Но твой стих вошел осленком
В город, словно — в огород!
Был он ветреник, невежа,
Трогательный дурачок,
И принес с собою свежий
Деревенский сквознячок —
Дух плетня или корытца
И фиалок аромат...
Звонко цокали копытца,
Ударяя об асфальт.
И поняв, что не по нраву
Здесь шум ему и стих,
Мигом разогнал ораву
Он собратьев городских!
А иные — подсобили
В этой схватке боевой,
Подошли, с руки кормили
Свежей строчкой, как травой,
Ловко прикрутили хвостик,
Отыскали тонкий прут —
И пошел веселый ослик
В дальний путь!
За все лучшее на свете
Осушая рог до дна,
Прочитали мы Кахети —
Эту Библию Вина!
В памяти минуты эти
Многокрасочней парчи...
А тебя там дэв приметил,
Сразу в сказку заточил,
Где работать трудновато —
Недосуг и не с руки,
Но с тобою оленята:
Золотые две строки.
Как ласкаются и хнычут!
И который день подряд
Все тебя на волю кличут —
Пободаться, поиграть,
Позабавиться погоней...
И готовы оба—два
Слизывать с твоих ладоней
Соли полные слова...

Перевод Леонида ТЕМИНА

Жатва на Алгети

* * *

Бадри, Усуп, Амирани, в Алгети
мы собирались втроем...
Нами хлеба бесконечные эти скошены—
по окоем.
В пенистой мы окрестились купели,
в шумной дубраве легли.
Дали обед принесла, и взлетели
вечера тени вдали.
Вышла на крышу Камар, и в смятении,
в ужасе мы отбежали, как тени
Нагородил урожай Амирани —
выстроил стог за стогом.
Тулова дэвов безглавых кабаньи
выставлены кругом.
...Плыли, поигрывая светотенью, над
глубиной деревень
Быль и сказание, явь и виденье, миф и
сегодняшний день.
Кто же там, жнущий побольше раз
в девять и поднимающий стог?!
И побледнел сын Дареджан — что
делать, — и потягаться не смог.
В сказках чудней он не слыхивал чуда,
стал слабосилен и мал.
Может быть, он незнакомца за удаль
крестным отцом посчитал?
— Эго-ге-гей, эй, алгетские львята! —
крикнул прохожий тогда...
Руки громадны,
бела и космата, словно руно, борода.
Сноп развалился, колосьями брызнув,—
солнце осыпало светом отчизну.

Ты, мастер,
Ты, воин,
Ты, инок,
Когда набегала орда,
Со смертью ты вел поединок...
Но что там — за глыбой труда?!
Ведь жил ты, удачи не чая,
Но, словно мне путь облегчая
За гранью грядущего дня,
Сражался и пел за меня...
Сражался и пел — за меня!
Все — чтобы не знал я беды...
Как рог для «алаверды»,
До старости сам ты не дожил.
Не зная меня и любя,
Ты жизнь подарил мне... И что же:
Я буду стареть за тебя!
Тебе и достоинство мужа
И львиное сердце дано.
Убит за меня... Почему же?
Ведь умер бы ты все равно.
Ты умер, а я и взаправду
В долгу за Дидгори, Марабду;
Ты дал мне взаймы, не солгу,
За фрески и башен громаду
О юноше с тигром балладу,
За жизнь и за смерть я в долгу.
С тобой
И с собою,
И с богом
Мне — мериться силой борца,
Сравниться мне в подвиге строгом,
Пройти мне по многим дорогам,
Работая в поте лица,
Чтоб — где-нибудь перед итогом —
Весь выплатить долг до конца!

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Иза ОРДЖОНИКИДЗЕ

Май. Картли

Пока тропка не вывела в лето,
А весна расстелилась ковром,
Глинобитную хижину эту
Окружи, как надеждой, двором.
Деревенщиной стань,
и открыто
Ты слезу подолом промокай,
Нить сучи, ставь на лавку корыто
И квашне подходить помогай.
Трогай бусины на колыбели,
Грудь ребенку дай, чтоб не ревел, —
И придет из небесной купели
Лунный луч, словно божий привет...
Ты к порогу приделай подкову,

Чтобы все было как у людей,
Дай цесарке воды родниковой
И остатки на землю пролей
Против сглаза от демона злого.
И не мысли себе, и не зарься:
Мол, иная бывает судьба,
И на выжженных пыльных базарцах
Сохраняют фиалки себя...
Сердце,
ведь ты
о судилище грезило?
Чтоб обласкать,
не найдется протак...
Будто бы палец,
случайно порезанный,
саднит у губ моих
алый мак.

Утро

Как вымя,
туча набухала.
Роса блестела.
Передо мной краюха улеглась.
Передо мной вода благоухала.
А лошадь на дугу паслась
и за свою меня считала.
Несбыточного не существовало,
хотя природа опустела.
Однако щель в дверях оставил крот,
И вел в его хоромы этот ход.

Сквозняк

Я сама про это знаю:
я уже воспоминанье,
пусть главы и не склоняю
для моления, упования.
Пустотою дом отметив,
настежь дверь тепло оставит.
Босиком гуляет ветер,
ветер численник листает...
Дверь сниму, как раму, с петель.
Образ твой сбежал отсюда,
как с иконы оскверненной.

Каменное изголовье

В обжитом жилище
помню стену,
давно не беленную,
и одиночную мою кровать,
не разделенную.
Как любовника сон
женщина истомленная,
ночь я спешила прервать.
За окном
почтальоншей стояла вселенная...
Все, что за день подметила,
я под подушку совала.
Словно пленная,
ногти я о стену ломала.
А за что воевала?
Бабы цепи не поддались:
Знать, на совесть работал кузнец.
Вы, отважные воины,
в дальней дали,
в недрах
вам не понятных земель и сердец
вдруг наткнетесь на стену,
как на мираж,
как на белое небо,
наткнетесь,
где — не важно.
Вы, отважные воины,

не отрешивайтесь,
позабудьте кураж:
это муки моей
упавшая башня.

Мтацминда

Как на ладони
отсюда город.
Как на ладони
земли раскаленной...
Там разгоравшиеся споры
здесь остывают определенно...
Тут, где ровесники —
плиты и горе —
будут сердца равномерно спирать,
плющ на стене
шелохнется в дозоре,
но не разбудит уставшую мать...
И, как волхва,
я обочь присяду,
так же
истерзанная зазря...
Выкосят
кроны,
тени
и взгляды
место,
где охладевала заря.
Слушаю я
продолженье спора,
снизу
ушедшего в небосклон...
Медленно в гору
движется город, —
путь в пантеон
выверяет он.

Счастье

В колодец я решительно курнула
бадью с сухим растрескавшимся ртом,
Она там побарахталась, нырнула,
перепугавшись, цепь я потянула,
ну, а потом...
Потом себя я ощутила птицей!
И сверх воды
мне дали клоч небес
и множество холмов,
зеленых что твой лес,
округлых, точно кокон шелковицы.
Кувшину на плече не привыкать,
и капли заискрили, разлетаясь,
и принялись сверкать,
как засверкал бы взгляд,
ответить мне пытаюсь.
Остановлюсь
и наступлю в свой след.
На все четыре улыбнусь.
чтоб выглядеть невинней.

Да мне семнадцать лет!
Мне равных нет!
И у меня вселенная в кувшине.
Но если изнутри закрыта дверь,
тогда бешусь,
и хочется скандалить...
Луна на придорожной мураве,
как сброшенная путником сандаля.

Не обещай...

Не обещай,
не надо,
я ничего не возьму.
Как погремушку,
не почку к ветвям привязали —
весну.
Эту весну нелепую,
космы ей растрепля,
чтобы меня взбудоражить,
придумывала земля.
Это земля придумала
небо, как сливки,
и голубя,
прохладу сиюминутную,
где нищие склонят головы,
сердца издержав в скитаньях,
соскучившись в переходах,
поэты и фантазеры —
сборище сумасбродов!
Все эти
мятые, клятые,
с огненным смерчем в крови,
те,
кто стоять на подхвате
отдал меня
к любви...
Взрыв!
Это не из почки
выпустили весну —
это же сердце вдребезги!
Не обещай,
не надо,
весны от тебя не возьму...

Письмо

Жизнь
уникальна, как майский воздух,
срок ее —
сахара белый кристаллик...
Хочется чуда —
чтоб в брошенных гнездах
капли безжалостно
не хлестали.
Бревна под ливнем
гниют беспечно.
Женщина ищет
в земле коренья...
От голосов
в тишине заречной
можно свихнуться

в такое время...
Сказки глотаю,
как с неба манну,
и улыбаюсь во сне на рассвете:
видимо,
ангел слетел неожиданный,
ливень
пожаловал вслед за этим.
Жизнь
уникальна,
как майский воздух,
срок ее —
сахара белый кристаллик...
Хочется чуда —
чтоб в брошенных гнездах
капли безжалостно
не хлестали.

Перрон

Я забираю с собою
остатки теплыни.
Город привычно раскрашен
цветами разлук.
Ты, вероятно, изведаль,
как движется лавой
звук,
который наружу просится,
но
который не произнесешь.

Идиллии

Утро воскресное, выходное,
крут подъем,
но не запыхалась.
Стога уже сметаны
и отдыхают.
Гуси, на кладбище вторгшиеся,
чистое небо не раздражают.
Дерево ропщет,
и ропщет птица,
что жизнь плохая...
Двое.
Один могилу роет,
другой
примостил кувшин на обочине
и глаз нацелил
на снесь сочную,
разложенную на надгробье...
Око у неба незамутненное,
ветер безмолвствует неутомный.
Можно ли высмотреть из поднебесья
эту могилу —
вот интересно...
залезть бы для пробы...
Утро бездельное, выходное,
тяжко раскачиваются колосья,

брешет собака,
на синем раскачивается ястреб.
Неподалеку жилье родное,
источник милый,
запах от хлеба ясный.
В гору пока что моя дорога.
А за деревней
роют могилу.

Разговор с дочерью

Хочется, чтобы ты испытала
то же, что груша, когда опала,
то же, что все здесь, не досаждая,
тишь неохватную сопровождает.

Этот ручей раздарил свои воды,
будто реке ненасытной в угоду.
(Руки твои из пальто, как из кожи,
лезут, на прутик айвовый похожи).

Хочется, чтобы ты испытала
то же, что сучья, горящие ало,
то же, что тот, кто стезю свою ищет,
глядя, сощурилась, солнцу в глазищи...

Чтобы спросила:
как так бывает? —
ближе к вершине
небо взлетает,
а на вершине
небо отпрянет,
канет,
навсегда мечтою ранит.

Кедр —
почему он вечнозеленый,
гулкий, как гром,
и такой же озонный,
или чего там орлу не хватает,
что он стервятиной тело питает?

Чтобы спросила,
чтобы спросила:
как столько судеб переносила,
как отстояла времени потребу
эта земля,
восхитившая небо?

Чтобы спросила:
так почему же
гор недоступных
заманчивей души,
или сьятому грузинскому слову,
битому, клятому,
молятся снова?

Вот наилучшее из пожеланий:
приобретений тебе,
расставаний...
Если, найдя, потеряешь —
так что же?
Змеи меняют старую кожу.
Новая шкура —
старые силы...
Хочется, чтобы ты это постигла.

* * *

Хочется...
Мы выбираем дороги,
падаем,
души сбиваем и ноги,
но не идем,
не проверив уключин,
к риску излучин.

Перевод Марины КУДИМОВОЙ

Повесть о моем предке Тад

... ДВА ПОЛУМЕСЯЦА — Турция и Иран, обручем обхватив Кавказ и все ту же сжимаая кольцо, грозилась задушить его. Беспорядки в стране, политические страсти, бесчисленные внешние враги и честолюбивые тавады вконец расшатали трон. Продажность, коварство, зависть, всеобщая растерянность, безнадежность, страх... Такова атмосфера в Грузии тех лет.

Обесиленная и раздробленная страна была похожа на оторванный от древа листочек, гонимый ветром. А ветер беспощаден. И неизвестно еще, куда он пригонит этот беспомощный листочек, в каком кустарнике он превратится в

прах, и без того измученный и вываленный в грязи...
У царя не было власти, у тавадов — совести и единения, у крестьян — хлеба... и сил оплакивать свою судьбу.

Судьба не дала мне
Жить так, как мне хотелось бы.
Солнце поднялось, подступило

К горам и долинам,
Но меня его лучи
Никогда не согрели...

Молодому Вахтангу, как никому до него, необходим был советник и помощник. Необходим был умный и опытный единомышленник, который помог бы Вахтангу в его стремлении возглавить национальное возрождение, преодолеть интеллектуальную застой и, наконец, освободить грузинский народ от ига мусульманства.

С болью в душе наблюдал Орбелиани за деятельностью своего воспитанника. Годы, проведенные в Давид-Гареджской пустыне, еще более остепенили спокойного, сдержанного и прежде Сулхана.

А Вахтанг пылал как огонь. Находиться рядом с ним — значит сгореть. И не каждый смертный мог выдержать напряженный, непосильный труд во имя торжества справедливости, во имя дней грядущих. С годами поседел Орбелиани, но сердце оставалось у него молодым, и не иссякала жажда трудиться, приносить пользу отечеству. Сулхан-Саба хорошо знал своего воспитанника — его горячая, страстная натура не дает ему покоя. Но мало того, что сам он не может жить спокойно. Горя, он зажигает и других.

У Вахтанга множество планов и целей, но нередко в этом бесчисленном множестве задач ему трудно узреть первейшую, самую главную задачу.

Больно было Сулхану Орбелиани видеть молодого царя — он трепыхался как рыба, выброшенная на берег, и если надежная добрая рука вновь не бросит ее в воду, она погибнет под лучами знойного солнца.

Не раз встречали вместе рассвет учитель и его ученик. В спорах, трудах и заботах проходило время. Наконец-то разоренная страна ощутила руку заботливого хозяина. За короткое время были восстановлены и проведены новые оросительные каналы в Нагеби, Кца, Машавера, Лиси, Шола, Салтвиси. Восстали из руин и заселились «издана разоренные» края — Триалети, Гуджаретское ущелье...

Реставрированы храмы в Мцхета, Урбниси, Тбилиси, дворцы в Коджори и Гори. Крестьянин вернулся к своей древней земле... Создана наемная армия, задача которой состояла в утверждении царской власти.

Окончание. Начало в № 7.

Я, младший из братьев,
Названный Вахтангом,
Воскресил в четыре года
Михеу, Урбниси.
В Тбилиси я возродил Сиони,
Для себя дворец зеркальный
Выстроил для пиров,
Создал типографию, как в Валахии,
В которой размножал книги,
Отвел ручей из реки Кца,
Оросил поля по ту сторону,

А ручьем Машаверу
соединил с озером,
Пустил туда множество рыб,
Охотился в горах,
Стрелял ланей, волков,
Создал свод законов —
Судья должен быть честен,
Переписана книга
«Вепхисткаосани» —
С прилежанием и старательно...

(Подстрочный перевод)

К грузину возвращались его традиции и обычаи, а ведь еще недавно Сулхан-Саба Орбелиани с горечью писал: «изменялись обычаи грузин...», «следовали в основном обычаям низилбаши и всяческим бесчинствам...».

Был издадн сборник государственных законов или «Книга права» — кодекс феодального права Грузии. Сборник состоял из семи частей: 1) Моисеевы законы — извлечения из Библии; 2) Византийские законы; 3) Армянские законы, переведенные из Судебника Мхитара Гоша; 4) Законы царя Георгия Блистательного; 5) Уголовные законы атабегов; 6) Законы католикосов; 7) Уложение самого Вахтанга.

Все это не мешало, однако, Вахтангу отдавать много времени своему любимому делу — поэзии. Улучив свободную минуту, он переносил на бумагу огненные строки, а потом с трепетом показывал их учителю.

...Наконец-то прибыл в Тбилиси Иштванович, человек, которому Антимоз Иберийский доверил такую важную миссию, как основание в Грузии первой типографии. С тех пор только и видели царя Вахтанга с руками, вымазанными типографской краской. Орбелиани с удивлением и любопытством рассматривал станок и грузинский шрифт, привезенные Иштвановичем.

После бессонных ночей рабочие едва держались на ногах. Иштванович сдержанно улыбался, наблюдая за тем, как царь и его учитель никакого дела не чурались, работая наравне с простыми рабочими.

Закладывалась основа великому национальному делу — грузинская типография в скором будущем приступит к печатанию книг...

Именно здесь познакомился Сулхан-Саба Орбелиани с одним из славных сыновей грузинского народа — князем Давидом Гурамишвили...

Шло время, Вахтанг набирался опыта в управлении государством. Стал он мечтать о прочном союзе Грузии с Россией. И не только мечтать, но и стремиться к осуществлению этой мечты.

...Проснулся от долгого сна северный сосед. Отголоски разрушения старой боярской жизни дошли и до Грузии, будоражили умы лучших ее сынов.

Вскоре между соседями завязалась переписка. Были сделаны решительные шаги с обеих сторон, но Россия пока что не в силах была сражаться с двумя сильнейшими державами. Вахтанг не терял надежды. Верил, что единоверная Россия могла бы протянуть руку помощи измученной и обессиленной Грузии.

Попытка Вахтанга сблизиться с Россией не осталась незамеченной врагами.

«...По этому поводу хан высказал нам свое недовольство, кахетинский правитель и султан разгневаны, но мы не хотим быть верными им и служить, как бы то ни было нас к этому принудили. Лишь бы случилось то, что задумано нами, Вахтанг послал письмо в Россию через гонца».

Но прошло время, и зазвонили тревожно колокола. Безмолвно, словно оглушенный громом сидел в кресле Сулхан-Саба Орбелиани, обуреваемый мрачными мыслями. Знал старик, что, чем дольше мир в стране, тем более коварным может оказаться будущее...

Вахтанга VI спешно вызывали к хану...

Закрылась еще одна страница счастливого будущего Грузии.

Огромен, великолепен, богат, грязен и беден город Исфаган. Ранним утром просыпается он, и с того самого мгновения безмолвный многоголосый гомон не прекращается даже с заходом солнца.

Неограниченной властью наделен шах Хусейн. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в неделю два раза перед шахским дворцом на площади палач нанизывает на копья отсеченные головы в богатых чалмах. Эти головы еще вчера подобострастно склонялись перед шахом. Сегодня же ледяными, застывшими глазами удивленно и печально смотрят на толпу, сгрудившуюся на площади. А новые копья ждут новых жертв.

...Больше полугода «почетным гостем» шаха живет при дворце Вахтанг VI со своей свитой. У них всего вдоволь. Несведущие и в самом деле приняли их за гостей, таким почетом и вниманием окружены «гордые гюрджи».

Немало таких «гостей» помнит шахский дворец. Но ни один из них не вернулся на родину, не изменив вере, не приняв ислам. Упрямцы же навсегда оставались на дворцовой площади.

Для христиан, желающих покинуть шахский дворец, существуют лишь эти две дороги.

Знал обо всем этом молодой царь. Ничего обнадеживающего не мог посоветовать своему воспитаннику уже старый Орбелиани. Дни и ночи напролет беседовали они, строили новые планы, пересматривали старые. Волновался Вахтанг. Обнадеживал царя Сулхан-Саба Орбелиани. Обнадеживал, а сам не верил ни во что.

...Никто не приглашал аббата Жана Ришара. Он сам не спеша подошел к ним и предложил познакомиться. Сухопарый, невысокого роста Жан Ришар с каким-то необъяснимым изяществом носил монашескую рясу, умел владеть собой, был вежлив и обходителен. Умные глаза смотрели на собеседника доверчиво. К тому же Ришар был великолепным собеседником. Не прошло и часа, как грузины так привыкли к нему, словно знали его уже много лет. Иностранец миссионер человек больших знаний, опыта и такта, Ришар пользовался большим влиянием, как при дворе шаха, так и среди иностранцев. Вахтанга и Сулхана-Саба Орбелиани он в первый же день знакомства покорила своей откровенностью. Так началась их дружба.

Отныне не было дня, чтоб Жан Ришар не повидал «гостей» из Грузии. Они по долгу сидели вместе, беседовали, вместе искали для Вахтанга пути спасения из плена.

Незаметно, исподволь, с помощью множества аргументов миссионер-лазарист убедил грузин в том, что в создавшейся обстановке единственный для них выход — опереться на католическую церковь. Вместе с тем он считал, что следует установить связи с королем Франции — «королем-солнцем» Людовиком XIV.

Призадумался Вахтанг. Молча поглаживал бороду Орбелиани. Во мраке их нынешнего существования засветилась какая-то искорка. Жан Ришар не торопился сам и не торопил грузинского царя. Зерно было брошено в плодородную почву, и теперь не надо было особых усилий, чтоб оно дало всходы. Хорошо знал об этом опытный миссионер.

До поздней ночи беседовали учитель и его ученик. На следующий день тема их беседы была та же, и на третий день тоже. А Жан Ришар при встречах с ними этой темы не касался вовсе. Просто во время беседы как бы невзначай рассказывал порой какой-либо эпизод из жизни французского короля или римского папы.

Жан Ришар великолепно разбирался также в политической обстановке Европы. Грузины были удивлены способностью монаха делать правильный, объективный анализ явлений.

Да, зерно было брошено в плодородную почву... и вскоре должно было дать всходы.

Вслед за этим между Вахтангом VI и французским королем завязалась переписка.

В ожидании ответа снова велись долгие и интересные беседы. А шах Хусейн ждал, когда Вахтанг VI даст свое согласие на принятие мусульманства.

Была поздняя весна. Уже чувствовалось, что лето будет безжалостное, знойное. Приятно было бродить по усеянному кустами роз саду, сидеть возле фонтанов, пить кофе и шербет, но неволя, будь она в холодной и мрачной келье или в окружении душистых цветов, остается неволей.

...В то утро Жан Ришар был взволнован больше обычного. И не пытался даже скрывать этого.

Вчера вечером он получил специальное задание от шаха. Миссионер должен был отправиться во Францию, чтоб отвезти ответное письмо иранского правителя к Людовику XIV. Шах желал, чтоб вместе с Жаном Ришаром отправился и персидский посол, который должен был присоединиться к миссионеру в Ереване. Это задание шаха заметно осложняло осуществление плана Вахтанга и Орбелиани (несколько дней назад они решили, что Сулхан-Саба со специальной миссией посетит Францию и Италию). В тот день они долго беседовали и, наконец, пришли к следующему: Орбелиани отправится в Грузию и будет ждать Жана Ришара в Гори. А миссионер постарается избавиться от шахского посла и прибыть в Грузию.

В том же, 1713 году, в августе, Жан Ришар и Сулхан-Саба Орбелиани должны были приступить к осуществлению задуманного.

Разнесся слух, что Сулхан-Саба Орбелиани изменил православной вере и принял католичество. Как и всякая ложь, весть эта постепенно разбухала, передаваясь из уст в уста, и наконец завладела умами всех в городе. Одни осуждали «отца Грузин», другие удивленно пожимали плечами, были и такие, кто этот шаг Орбелиани объяснял поисками пути спасения для страны, народа.

Вспокоились служители бога. В своих проповедях все больше вспоминали они Иуду и Фому неверующего, осуждали действия «известного духовного лица», но называть его по имени все еще воздерживались — Орбелиани пользовался неограниченным влиянием при царском дворе. Многие, разумеется, понимали, о ком идет речь.

Бушевали в своих крепостях спесивые тавады и не жалели оскорбительных слов в адрес «первого советника царя». Как моськи, тьякали они, поддакивая своим покровителям.

К Орбелиани же невозможно было подступиться, он был недосягаем, как скала. При его появлении вновь низко, с почтением склонялись головы. Он по-прежнему был великим Сулханом...

...Прибыв в Тбилиси, Сулхан скинул дорожную одежду и в сопровождении одного из своих слуг отправился к царице.

Он шел знакомыми улицами и площадями. Большой серебряный крест на груди приковывал к себе взгляды прохожих. Удивленные, уступали они дорогу старому писателю, недоумевая: если верить слухам, Орбелиани изменил вере, но ведь они воочию видят крест у него на груди!

...Бросилась ему на грудь царица Грузии, сквозь слезы спрашивала о Вахтанге. Старец неторопливо рассказал ей обо всем. Обнадежил — царь здоров и, видимо, скоро вернется на родину. Только... Ему поставлено единственное условие — принять магометанство.

Побледнела царица. Тяжело опустилась в кресло:

— А я... я, его жена, после всего должна оставаться христианкой?!

Орбелиани умел владеть собой в любых обстоятельствах, но на сей раз ему чуть было не изменило это качество — он едва сдержал смех.

В самом деле, положение царицы было весьма курьезным. Она была дочерью черкесского князя. После бракосочетания с Вахтангом она, мусульманка, приняла христианство и стала горячей поклонницей новой веры. Теперь же... Неужто ей снова менять веру?!

Орбелиани как мог утешил растерянную женщину.

— Если даже Вахтанг согласится на условие шаха, это не значит, что он изменяет вере. Это вынужденный акт. Таким образом он избежит плена, сердцем и душой он по-прежнему будет христианином. Георгий XI ведь тоже принял мусульманство, но когда его предательски убили в Кардаани, у него, у первого полководца шаха, на груди обнаружили икону богородицы...

Царица, казалось, немного успокоилась. Она смотрела на учителя и друга своего мужа огромными печальными глазами.

— Служба богу требует от каждого смертного послушания и терпения... Нам, грузинам, никогда не жилось легко. Несчастья преследуют нас с колыбели. И все равно никто не сможет убедить меня в том, что для нас настал час скорби, час печали...

Царица по-прежнему не сводила с него пытливых глаз.

— Во всем христианском мире не найдется, наверное, святого, который страдал бы больше нашего царя... Молиться, молиться нам надо... В Исфагане, безбожном и порочном, в заложниках наш царь. Боже, помоги ему! Молиться нам надо за него, молиться... Но это не значит вовсе, что мы не должны думать о судьбе нашей земли. Если сейчас мы не соберем все силы и не придем к верному решению, злой рок раздавит и грузинского царя, и весь наш народ. Истекшая кровью Грузия нуждается в сильном союзнике, царица, потому что...

— В поисках этого союзника мы уже испускаем дух. Так где же, где этот союзник?!

Орбелиани долго молчал. Смотрел мимо царицы, в окно. Темная грозная туча была готова разразиться ливнем. Сулхан Орбелиани машинально теребил серебряный крест, висевший у него на груди.

— Уже давно в Грузии все лучшие, мыслящие умы поглядывают на север... В единой России наше спасение... У этого народа большое будущее, очень большое. День ото дня набирает он силу и скоро сильной медвежьей лапой повергнет ниц старого магометанского льва. Но пока что русскому царю не до Грузии. Россия измучена бесконечными войнами, внешними и внутренними... Нет, бог не покинет нас... — Орбелиани помолчал, глубоко вздохнул и с надеждой улыбнулся: — Пока что наше спасение в Европе! Велик король Франции Людовик XIV...

— Но Франция за девятью горами...

— Велик король Франции Людовик...

— За девятью горами!.. Мне даже страшно думать об этом...

— Но могущественный король Франции...

Царица встала. В задумчивости прошлась по залу и остановилась перед Орбелиани. Она, видимо, хотела сказать ему что-то, но не решалась. Наконец, смотря ему прямо в глаза, спросила:

— Может быть, потому ты изменил православной вере?

Орбелиани не отвел глаза, отвечал спокойно:

— Садись, царица, успокойся. Если я и сделал это, то только ради Грузии. Сильна католическая церковь... Безгранична власть римского папы... И может быть, католичество принесет спасение всей Грузии.

— Никогда!

— Дай бог, чтоб ты всегда была так верна своему народу... Но если это поможет Грузии, не все ли равно, как креститься — справа налево или наоборот?! Бог свидетель, это повелитель наш — царь Вахтанг знает, почему я сделал этот шаг. Не подумай, царица, что без ведома Вахтанга послал я письмо в Рим... Наконец-то я получил ответ от кардинала, прочту тебе, если не устала ты от беседы со стариком.

«...Отцу Сулхану-Саба, монаху ордена Святого Базилия, 17 апреля. Написанное Вами в 1714 году, 11 числа прошлого месяца послание обрадовало, ибо узнали мы о Вашем стремлении распространять католическую веру, которую Вы уже приняли, не только в Грузии, но и в провинциях вне ее. Обо всем этом я уже доложил господам кардиналам, которые благословляют Вас и готовы всячески содействовать исполнению Ваших благих желаний. Поэтому здесь ждут Вас, чтоб услышать обо всем этом из Ваших уст. Святейший папа по Вашей просьбе просит своего наихристианнейшего короля помочь царю Грузии. Письмо папы мы пересылаем нунцию, чтобы он передал Вам и Вы собственноручно вручили письмо Его королевскому величеству. Вместе с тем мы попросили папского нунция всячески содействовать Вам. Засим прошу Вас поминать меня в своих молитвах».

Орбелиани спрятал свиток за пазуху и загадочно улыбнулся...

— Может быть, рассеются на небе облака... Я вижу луч надежды...

Царица остановилась перед окном. Окинула взором развалины Нарикалы, потом перевела взгляд на Сионский собор. Совсем рядом увидела минарет мечети. Шумела Кура, неся свои мутные воды, и сердито кружила в водовороте возле Мегехи огромные бревна. Орбелиани молча наблюдал за царицей.

— Неужели в этом спасение царя и Грузии? — не поворачиваясь к собеседнику, словно про себя, проговорила царица.

— Только в этом... Сегодня только в этом...

Словно двадцать-тридцать лет сбросил с плеч Орбелиани. Как родного брата обнял Жана Ришара. Миссионер, разумеется, устал с дороги, но на отдыхе не было времени. Через день, семнадцатого августа, надо пускаться в путь.

...Ни жара, ни усталость не остановили послов. На третий день они уже были в Западной Грузии. Здесь они вынуждены были оставаться сорок дней. Католикос Григорий, образованный и дальновзорный человек, тотчас узрел пользу от союза с Европой и одобрил этот единственный для спасения Грузии путь.

Почти каждый день почетных гостей навещали самые влиятельные и родовитые князья. Сулхан-Саба понимал, что присылает их Григорий. Известный во всей Грузии писатель, взявший на себя миссию посла, знакомил их с положением дел, рассказывал о решении царя Вахтанга избавиться от мусульманского ига. Большинство князей разделяли их взгляды, но от принятия католичества воздерживались. Ни католикос, ни Орбелиани не навязывали своих мнений. Вывод для себя должен сделать каждый — но добровольно, без нажима с их стороны. Жан Ришар сидел поодаль, перебирая четки, и слушал их долгие беседы.

Было решено — вместе с Орбелиани и Жаном Ришаром в Европу поедет Давид Мегрели, как представитель православной церкви Западной Грузии.

Жан Ришар писал во Францию: «...Мы нашли кратчайший путь для наших французских купцов, которые пожелают из Константинополя по Черному морю добраться до Грузии и Персии. Мы руководствовались советами, данными нам католикосом Григорием... Патриарх Мегрелии... проводил нас до Черного моря... Он попросил прислать для его края миссионеров...».

...Наступил последний день пребывания в Западной Грузии. Орбелиани выглядел бодрым. Надежда на доброе завершение его миссии удесятерила силы. Накануне отъезда Сулхан-Саба Орбелиани присутствовал на обедне, которую служил сам Григорий. Коленопреклоненные прихожане затаив дыхание слушали горячую проповедь старого католикоса.

А на пристани судно уже ждало посланцев Грузии.

Ветер раздувал паруса. Судно рассекало волны. Словно чувствовала прихода, что спешит посол Грузии, и потому не жалела ветра...

Через несколько дней показались минареты Константинополя. Еще не-многих — и судно, ловко маневрируя, прокладывало себе путь среди множества других судов, все ближе и ближе подходя к берегу.

Французский посол в Константинополе граф Дезалор встретил гостей с большим почетом. В богатых каретах они были доставлены в резиденцию посла. Через несколько дней, 28 ноября, Сулхан-Саба Орбелиани сообщил Вахтангу VI о благополучном прибытии в Константинополь.

Граф Дезалор оказался весьма приятным человеком. Окружил своих гостей заботой и вниманием, всячески развлекал их в ожидании письма из Версаля. Наконец пришла долгожданная весть — посланцев Грузии ждут в Версале!..

Из множества судов, стоящих на пристани, лишь один шел из Стамбула в Марсель. Рабы нагружали судно товаром — через день ранним утром оно выйдет в море.

Капитан смахивал на пирата. Среднего роста, коренастый, крупнокопный. На голове ярко-красная феска, левый глаз, видать, потерян в драке на каком-нибудь постоялом дворе. В рыжих усах — трубка, которую он не вынимал изо рта, даже разговаривая. Хитрый и жадный, он тотчас смекнул, что монахи торопятся, и потому заломил неслыханную цену.

Торговались долго. Разошлись. Снова встретились, и снова шла долгая, горячая торговля. У посланцев Грузии денег было в обрез, каждая копейка на счету. В течение трех часов не могли прийти к соглашению, но наконец договорились.

Солнце зашло. На Стамбул опустились сумерки. Подул ветерок и донес до путников смешанный запах разноликого города.

Сулхан-Саба шел по кривым улочкам к центру города, к мечети Айя-София. Некогда это был один из прекраснейших монастырей в Константинополе. Теперь город назывался Истамбул и христианские церкви превращены в мечети. Не очень был изменен облик этого великолепного храма. Убрали лишь колокола, да вместо крестов насадили огромные полумесяцы. По соседству с Айя-Софией на городской площади собирались обычно купцы и караваны, отправляющиеся в разные концы мира. Гул здесь стоял невообразимый. Говорили на многих языках и наречиях. Наверное, в древнем Вавилоне творилось нечто подобное. Вчера Сулхан-Саба повстречал грека, который намеревался отправиться в Тбилиси и должен был так же, как и Сулхан-Саба, выехать из Стамбула послезавтра утром.

Орбелиани попросил его отвезти письмо. Купец охотно согласился исполнить его просьбу. Он рад был возможности познакомиться в Тбилиси со знатными родственниками грузинского монаха.

От пристани до Айя-Софии шел не спеша. Старые дома хранили отпечатки христианского зодчества. Новые носили сугубо магометанский характер.

Не трудно было представить, как ходили по этим улицам, вымощенным плитами, константинопольские жители. Каждый был занят любимым делом, и мог ли кто-либо из них подумать, что придет время — и распрощается с христианством этот город-жемчужина. А кривая сабля мусульманства уже угрожала столице Византии, ее многовековой истории и культуре.

Не трудно было представить также, как гордо входили в город воины могущественного некогда на Востоке государства — Грузии.

Когда-то было это. Сегодня же константинопольская земля покрыта саваном ислама и отсюда вставал полумесяц. Бывало, он сталкивался с другим полумесяцем, из Исфагана, и вступал с ним в смертельную схватку. Ареной этих кровавых битв служила Грузия...

...На каждом шагу встречались нищие. Рабы в оковах, согнутые под тяжестью ноши. Орбелиани боялся встретиться с ними взглядом. Боль и сострадание к ним переполняли все его существо.

Прозвительный крик разносчика воды. Нуга и рахат-лукум, гранат и пестрые ткани, нюхательный табак и поддельное золото, поддельный жемчуг и поддельные деньги... Здесь все продавалось. Казалось, в домах никого не осталось — все вышли торговать на улицы. Торговать награбленным в разных краях земли. Шум на улицах невообразимый. Орбелиани шел вдоль узкого и грязного оросительного канала. Обойдя Айя-Софию с восточной стороны, он внезапно вышел к кладбищу. По всей вероятности, это было старое, давно заброшенное кладбище. Заросшая мхом низкая ограда кое-где развалилась. Орбелиани без труда перешагнул через нее.

Наконец-то уши его не слышат резких воплей торговцев, глаза не видят пестрой толпы. Он уже было почувствовал себя в полном одиночестве, как вдруг заметил возле ограды нищего. Видимо, силы совсем покинули беднягу, иначе не сидел бы он на самом солнцепеке, а пересел бы чуть поодаль, в тень тополя. А может быть, несчастный греет свои старые кости?..

Сулхан-Саба Орбелиани встречал на своем пути не мало нищих и уже не удивлялся ничему. Но что с ним случилось, почему он вдруг остановился как пораженный громом и уставился на старика в лохмотьях?.. На голове у нищего он увидел старую вылинявшую войлочную кахетинскую шапку...

Старик дремал. Он был бос. Штанины брюк изодраны, в дырах. Темные, грязные, распухшие голени, как раздутые бурдюки, лежали в пыли. Бескровные, худые руки беспомощно покоились на ногах, голова откинута на каменную ограду.

Старик, почувствовав присутствие постороннего, открыл глаза, поднял дрожащие руки к седым бровям и, затенив глаза от солнца, взглянул на не-прошеного гостя.

— Проявите милосердие, господин, — произнес он по-грузински, потом те же слова повторил по-турецки.

Орбелиани беспомощно опустился на каменную плиту.

— Ты грузин?! — спросил он дрожащим голосом.

Старик вздрогнул. Попытался встать, но не смог. Лишь как рыба на суше стал жадно глотать воздух. Руки его бессмысленно шарили по груди, в глазах, устремленных на прохожего, неожиданно затеплилась жизнь.

— Грузин... Грузин я...

Сулхан-Саба пытался успокоить старика:

— Ты не волнуйся, не бойся, старик... Я свой, не обижу тебя... Не только не обижу, несчастный, но...

— Грузин я, грузин... Господин мой... — повторял старик, и слезы градом катились по длинной бороде.

— Ты не волнуйся, говорю тебе, не волнуйся... И плакать тебе незачем... Я тебе брат, слышишь, и, чем смогу, помогу. Не бойся... Успокойся, старик...

Некоторое время они сидели молча. Саба успокаивал старика, а сам не мог удержать горьких слез.

— Как ты оказался здесь?

— Как я здесь оказался?! — повторил старик. — Из Грузии я, продали меня в рабство.

Сулхан-Саба так и думал. Проданный, измученный, потерявший в рабстве последние силы, он сейчас валялся у кладбищенской ограды, уже ни на что в жизни не надеясь.

— И что же? Никто не смог тебя выкупить? Нет у тебя семьи? Родственников, близких, никого не осталось «там»?

— Нет у меня никого... господин... Одинокий я... Как бездомный пес. Ни семьи у меня, ни бога... Когда они были, не смог сообщить им о себе, теперь же... В живых, наверное, там никого не осталось... А меня, горемычного, и смерть не берет... Умер, наверное, сам Микел-Габриэл!... Или же и он забыл про меня... Наверное, мне уже за сто лет, труп я, а все еще живу, доживаю век другого человека.

Старик уже не плакал. Глаза смотрели на собеседника даже со злостью. И руки его уже не шарили беспомощно по телу.

— Неужто ты не пытаешься бежать? — поинтересовался Сулхан-Саба.

— Бежать? — горько вздохнул старик. — Как не пытаюсь... Но всякий раз меня ловили и избивали до полусмерти...

Чувствовал Сулхан-Саба, что своими вопросами он берedit у старика больную рану, но молчать не мог.

А старик продолжал:

— Сперва купил меня один мельник... Ад был это крошечный, а не мельница... Дважды бежал я от него... Потом он продал меня кузнецу. И от него я бежал... Наконец попал к еврею... Он торговал пуговицами и булавками... Упокой бог его душу... Хороший был человек, добрый... Умер недавно... Дети его дали мне свободу, и вот я валяюсь здесь, как паршивый ишак... Когда были силы... не смог я добраться до родины, а теперь...

— Да, но где ты живешь, что ешь, бедняга?

Старик усмехнулся, протянул руку к кладбищу.

— Нашел я заброшенный склеп... Дождь не заливает, и ветер не дует... Как крот, лезу я в землю... Укутаюсь в свои лохмотья и засыпаю. Ходит тут ко мне мальчуган, грузин, проданный, как и я, в рабство... Золотое сердце у паренька... Он работает у пекаря. Вот он и приносит мне кое-какую еду, а больше мне ничего и не надо... Зато я учу его читать и писать по-грузински... Пишет он тут же, на песке. Умный, жадный до учения оказался паренек.. Грек, у которого он работает, живет неподалеку отсюда и отпускает мальчика ко мне...

— А откуда ты сам знаешь грамоту? — спросил Сулхан-Саба.

¹ У грузин — ангел смерти.

Старик долго смотрел на собеседника. Сначала было разозлился, потом вдруг печально улыбнулся:

— Господин мой... Было время... Да, было время, когда таких трагических людей, как я, не много было в Грузии... Знаю грузинский и армянский... Персидский и русский... Латинский, еврейский... Многие достойных сынов воспитал я у себя на родине... Даже царской фамилии...

Орбелиани вскочил как ужаленный.

— Георгий... Иашвили... — проронил он.

Старик вздрогнул, снова затенил дрожащей рукой глаза и внимательно посмотрел на собеседника.

— Откуда тебе известно мое имя, господин?..

Всю ночь не сомкнул глаз Сулхан-Саба Орбелиани. Ходил беспокойно по комнате, как сумасшедший вслух разговаривал сам с собой.

Едва забрезжил рассвет, он направился к кладбищу.

Вчера до полуночи он был с Георгием.

Не захотел старый учитель идти вместе с Сулханом, сказал, что еще одну ночь проведет в склепе, а завтра... завтра он вместе с караваном, как этого желает Орбелиани, отправится в Тбилиси. Вот не думал он, что ему выпадет счастье умереть на родине...

Рассвело, когда Сулхан подошел к кладбищу. Узнал по тополю то место, где вчера встретился с Георгием. Старика не было видно. Видимо, он тоже не спал всю ночь и сейчас только вздремнул. А на ограде Орбелиани увидел мальчугана лет десяти. Заметив монаха, мальчик спрыгнул со стены и низко склонил голову.

Догадался Сулхан, кто перед ним. Ласково погладил мальчика по головке.

— Так это ты ученик дедушки Георгия?

— Я, господин...

— Молодец, сынок. Это хорошо, что ты любишь ученье... Бог милостив, вернешься домой и... Твой учитель еще не приходил?

Мальчик опустил голову. Потом со страхом посмотрел на Орбелиани. Отошел чуть в сторону и вдруг зарыдал:

— Ушел... Ушел дедушка Георгий... Не послушался меня... Я бросился ему в ноги... Молил его... Но он ушел... Просил передать вам вот это, — рыдая, мальчуган вытащил из-за пазухи лоскут, на котором углем было написано:

«Господин мой, Сулхан! Не ищи меня. На родине я больше не нужен. Если можешь, выкупи мальчика».

...Небо обрушилось на Стамбул. Потом на Сулхана. Медленно опустился на землю тополь. Черные птицы закружили в небе.

У Сулхана пересохло в горле.

Он вдруг остро почувствовал запах старины и пыли в библиотеке Ашотана. Тихо трещит камин. На дворе разъяренный ветер кидается на стены замка. Азнаур Георгий Иашвили сидит в кресле перед камином и читает «Комментарии».

— Еще рано братья за латынь, мой Сулхан, тебе еще многому надо учиться. — говорил юному ученику Георгий Иашвили, а погода, задумавшись, рассказывал ему притчу о кошке и льве. И предупреждал: запомни эту басню хорошенько.

Понял сейчас Сулхан, что имел в виду Георгий, когда наказывал ему запомнить эту притчу.

И в этот раз Иашвили оказался мудрее своего ученика. Последнее слово оказалось за ним. Он принял верное решение — уйти, сотворив добро для мальчика, у которого еще все впереди...

«Не ищи меня» — Сулхан-Саба до боли сжал в руке лоскут. Наконец глаза его стали что-то различать. Он увидел, как из тумана медленно выплывал силуэт мальчика.

— Он... больше ничего не просил передать? — с трудом произнес Орбелиани.

Мальчик молчал. По-прежнему робко, с почтением смотрел на старика.

...Потом Сулхан-Саба снова брел по узким улицам, ничего не слыша и не замечая.

Солнце стояло в зените.

За Орбелиани шел кучерявый босоногий мальчишка. Он следовал за старцем на расстоянии, словно боялся наступить на тень своего спасителя.

Они зашли к пекарю-греку. Орбелиани, не торгуясь, заплатил за мальчика столько, сколько у него попросили, и терпеливо ждал, пока грек нацарапает расписку.

Потом завернули в узелок «имущество» мальчугана и направились к площади. Пекарь оказался сердобольным человеком. Он проводил их и подарил на прощание мальчику золотую монету.

Орбелиани и мальчик шли молча. На них то и дело кто-то натывался. Что-то спрашивали. Предлагали купить. И не дождавшись ответа, отходили. Шумел, волновался Стамбул. Чадили жаровни, стоявшие на улицах.

На каждом шагу встречались нищие. Сулхан-Саба старался не смотреть на них... По-прежнему мерещилась ему старая пыльная войлочная шапка.

...Вдруг Орбелиани резко повернулся, схватил мальчика за руку, посмотрел в глаза, улыбнулся, погладил по головке и пошел вперед, решительно раздвигая толпу.

Не прошло и часу, как они нашли купца, который отправлялся в Грузию.

Луи Филипп, граф де Поншартрен, генеральный инспектор финансов, государственный секретарь департамента морского флота и королевского двора, в тот год был назначен также и канцлером. Несмотря на свои семьдесят лет, выглядел он весьма бодро. Многие молодые могли позавидовать его работоспособности. Умный, образованный, великодушный дипломат, он был ближайшим другом автора прекрасных басен — Жана Лафонтена. Говорили, что поэмы «Адонис» и «Психея» в подлиннике первым читал граф и даже дал писателю кое-какие полезные советы.

О миссии Орбелиани граф уже слышал, а недавно от графа Дезалора получил два письма. Проницательный дипломат, он тотчас узрел большие возможности в использовании «золотого руна» из страны иберов и соответственно, с присущим ему безошибочным тактом, подготовил Людовика XIV к достойной встрече. Он напомнил королю, где находится эта далекая страна, и, уловив искорку интереса в глазах короля, призвал на помощь Гомера и Еврипида. Сообщил также сведения, полученные от французских миссионеров.

А вчера он получил эпистолу от римского папы и тотчас передал ее королю.

«Возлюбленному сыну Христа, наихристианнейшему королю Франции Людовину.

Папа Клементий XI.

Возлюбленный сын наш! Мир тебе! Всему христианству известно, как много Вы сделали для защиты и распространения католической веры. Мы ежедневно воздаем Вам хвалу за это. Поэтому мы не сомневаемся, что Вы возьмете под Ваше могущественное покровительство и протянете руку помощи царю Грузии, который в настоящее время находится в плену у персидского шаха.

Как нам известно, по возвращении на родину он будет доброжелателен к католикам и всячески будет их поддерживать. И потому мы питаем надежду на то, что в Грузии с помощью бога день ото дня будет крепнуть католичество. Об этом нам подробнейшим образом сообщил монах ордена святого Базилия Саба-Сулхан Орбелиани, который является родственником царя Грузии и который передает Вам это письмо с упованием на бога и надеясь на Ваше королевское покровительство. Мы с высочайшей мольбой просим Ваше величество с присущей Вам благостью выслушать его и оказать всяческую поддержку в освобождении упомянутого нами царя. Воистину это дело достойного внимания Вашего величества, Вы принесете нам великую радость, и бог благословит Вас... ибо нет на земле более достойных деяний, чем деяния ради возвеличвания бога...

Рим, 13 апреля 1714 года».

С улыбкой человека, знающего цену ожиданиям, встретил Сулхан-Саба Орбелиани весть: король Людовик XIV ждет его! Вот уже больше недели живут послы из Грузии в монастыре близ королевского дворца. Дни проходят в мучительном ожидании встречи с королем и потому кажутся особенно долгими. Как ни ждал Саба этого приглашения, оно все-таки оказалось для него неожиданным.

Свое волнение он постарался скрыть улыбкой и медленно опустился на стоящий подле стул.

— Боже, только на тебя мы и уповаем! Будь нашим спасителем и защитником! — сказал это, а мыслями он был совсем в другом месте. Сжалось сердце.

— Неужели настал конец нашим мытарствам? — тихо спросил, побледнев, Давид. — Неужели пришло наше спасение? А знает ли кто-нибудь в этой огромной стране о Грузии?

Саба не ответил. Он сидел неподвижно и в узкое оконце смотрел на пролетающих мимо птиц.

«А если даже и знает... — подумал он. — Кому охота ломать себе голову из-за такого крохотного осколка христианства, как Грузия? Что с того, что гиена ислама заглатывает нас первыми. Если будет так продолжаться, ислам проглотит все христианство... Завтра соседом Османского и Персидского царств будет другое государство... Послезавтра — третье... Придет время, и может наступить черед Франции.. Поймет ли это король?»

Сулхан-Саба встал.

— Отче наш, иже еси на небеси! Да святится имя твое! Да придет царствие твое, да будет воля твоя... — бормотал Давид Мегрели.

Саба бросил взгляд на старца и... вспомнил слова Георгия Иашвили: «Грузин не рожден ни для того, чтоб вымалывать, ни для того, чтоб отнимать что-либо у других...». Он перекрестился и быстрым шагом вышел из кельи.

Сулхан-Саба шел на прием к королю. Шел без каких-либо бумаг, ибо все, что он собирался сказать королю, он давно уже как следует обдумал и взвесил. Вскоре он подошел к воротам дворца.

«Грузин не рожден для того, чтоб вымалывать...». А ведь именно ради этого он и прошел этот бесконечный путь.

Сулхан-Саба Орбелиани бодро поднялся по широкой лестнице дворца. Нет, не был он похож на сына страны, достойной жалости, или на сироту-христианика!..

Он шел с гордо поднятой головой, не оглядываясь и не смотря по сторонам. Золото, хрусталь, скульптуры, роспись на стенах — все это растворилось в пространстве...

Наконец перед ним распахнули последнюю дверь. Он не остановился даже на мгновение. Ни бога не вспомнил, не перекрестился, не преклонил колени и даже не склонил головы.

— Ваше величество! — обратился он к королю. — Мы имеем честь вручить Вашему величеству эпистола, которую святой отец, папа римский, изволил прислать нам, обратив свой милостивый взор на Вахтанга, царя Грузии. Мы благодарим вас за милостивое повеление святого отца предстать пред Вами. Этой милости достаточно, чтоб быть обязанным Вам. С особой радостью мы будем вспоминать наше путешествие и в том случае, если провидение не пожелает, чтоб наше путешествие принесло нам желаемый результат. Какое это блаженство — иметь возможность сказать, что мы имели счастье лицезреть то, на что другие могут с восторгом смотреть лишь издали, и узреть в Вашей величайшей августейшей личности не только сомонову мудрость и блистательность, но также убежденность Давидову и благочестивость. Благодаря именно этой глубокой вере в бога, Ваше величество, Вы становитесь защитником и покровителем веры такой далекой от Вас страны, как Грузия...

Людювик сидел неподвижно. С интересом слушал представителя, сурового на вид посла. «Если у них такие послы, то какие же у них войны?...» — подумал король, встал с кресла и подошел к Орбелиани.

— Я много слышал о вашей образованности и уме, мсье. Сожалею, что раньше не мог принять вас, вы знаете, наверное, что я был нездоров.

Король тяжело вздохнул и молча развел руками — что поделаешь, не все, мол, во власти королевской...

Сулхан-Саба сочувственно произнес:

— Да, мне сообщили эту печальную весть!..

— Хотя я и избавился от одного недруга — болезни, но на меня свалился другой враг — старость. Это нелегкое дело, когда тебе перевалило за шестьдесят... (хитрил Людювик, в самом деле ему было за семьдесят).

— Ваше величество! Вы с таким великолепием носите свои годы, что каждый пожелает быть в вашем возрасте!

Людювик бросил на него быстрый взгляд и... вдруг просиял.

— Браво, браво, монах!.. В самом деле, счастлив тот правитель, у которого такие подданные! (стоящий неподалеку Поншартрен вспомнил, как на эту же жалобу короля голландский посол с соблюдением всех правил этики ответил: «Король, в этом возрасте бывают все!». Тогда Людювик целый день был мрачен и раздражителен).

Но Поншартрен уловил и то, что король старается обходить острые углы.

Первая встреча короля Франции и посла Грузии — Сулхана-Саба Орбелиани была безрезультатной.

Обнадеживающая улыбка... Кивок головы, похожий на обещание... Вздох, якобы выражающий сочувствие...

Из Версаля Саба вышел в полдень. Ветер трепал его волосы и бороду. Он шел широким шагом мимо мушкетеров, мастеровых, нищих, продавцов каштанов... В конце улицы на него чуть не налетел какой-то всадник.

...А в келье беспокойно шагал из угла в угол Давид Мегрели.

— Ну что?..

— Не спрашивай... Пока еще я ничего не знаю... Обещал принять еще раз... Но сердце подсказывает...

— Что? Что подсказывает тебе сердце? Говори же, не мучай меня, ради бога!

...Полночь. В молельне горит единственная свеча. Огромная тень Сулхана-Саба расплзлась по всей стене и раскачивается вместе с пламенем свечи.

— Заступница усердная, мати господа вышняго! Молю тебя заступиться за истекающую кровью, истерзанную, усталую отчизну мою. Обрати на нас свой взор, смилуйся над нами, всевышний! Наверное, реже всего ты слышишь молитву грузин... Не гневайся... Нет на молитвы времени у несчастной Грузии!... Ты можешь увидеть грузина в кандалах, скитающегося по белу свету, и не молиться сн только потому, что ему не до этого в его горемычной жизни! Я обошел множество стран, но нигде не видел пахаря с оружием в руках. В чем же провинился грузин?.. Одной рукой он держит плуг, другой — оружие!.. Когда же ему преклонить колени, чтоб молиться? Потому-то среди обращающихся к тебе с мольбой людей меньше всего грузин. Кто знает, быть может, проданный в рабство, он даже шлет тебе проклятия... Не гневайся, боже! Прости пребывающих в несчастье! Ты ведь бог и должен уметь прощать... Принеси нам мир, помози побороть врагов, и тогда грузин всю жизнь будет благословлять тебя!

...Встречал ли ты священника в шлеме?! Чтoб был он и защитником креста, и воином? Грузия распята на кресте! И некому снять ее с креста! Остра сабля мусульманская, всевышний! И полумесяц их, острый как сабля, приставлен к нашей шее... Мы стоим на самой границе христианства. Мы первые стражники веры... Но ведь надо распределять все поровну, боже! Поровну между детьми своими делить мир и добро! В чем же мы провинились?.. В чем согрешили? Не сгибается, всевышний, грузин, нет! Тем более он достоин внимания твоего!.. Мне ли учить тебя! Боюсь, чтоб не сломался грузин, очень боюсь! Даже думать об этом страшно! Молю тебя за свой народ, за царя, лишеного родного крова, царя-ученого, мудрого и бесстрашного, за Вахтанга! Только за себя одного не прошу тебя, всевышний! Пусть падет на меня немилость твоя, только дай увидеть мне Грузию — единую и сильную!.. Я не прошу милости лишь к себе, ионаху поневоле, послу поневоле, воину поневоле и поневоле вынужденному просить милостыню...

Таяла свеча. Со стен святые с удивлением внимали великану, страстно шепчущему что-то на непонятном им языке...

Людовик XIV, как правило, после легкого завтрака переходил в «голубую комнату». Здесь он устраивался поудобнее в мягком шезлонге и брал на колени самое любимое им на свете существо — огромного, как львенок, ангорского кота.

Кот мурлыкал от удовольствия, жмурил глаза, подставлял расслабленной руке хозяина то одно ухо, то другое. Бывало Его величество засыпало, рука его расслаблялась, падала и всей тяжестью ложилась на кота. Оскорбленный невниманием к себе, кот резко соскакивал, направлялся к камину и располагался на мягкой шкуре медведя. Король открывал глаза, сидел некоторое время неподвижно, потом брал со стола атласную голубую папку и приступал к чтению. Это повторялось изо дня в день, из года в год. В соседней комнате ждали своего часа личный секретарь, врач и Поншартрен — король не мог жить без этой троицы и любимого кота.

...Людовик не отрывал взгляда от окна. Кто знает, может быть, он хотел представить себе ту страну, народ, сын которого только недавно ушел из Версаля. Потом, очнувшись, подергал за шелковый шнурок и едва слышно прошептал

— Поншартрен...

Минуту спустя в двери показался Поншартрен.

— Вчера в меморандуме вы напомнили мне... В меморандуме, Поншартрен!.. Не притворяйтесь, будто плохо слышите... А если плохо слышите, подойдите поближе... Мы говорим это вам в день десять раз... В меморандуме о Грузии...

Поншартрен осторожно приближался к королю. Он останавливался, склонял голову в поклоне и все ближе подходил к королю, сидящему в конце огромной голубой комнаты.

— Подойдите ближе, Поншартрен, ближе! Мы говорим это вам десять раз на день... Если доклад долгий, садитесь! И это мы говорим вам неоднократно... Не притворяйтесь, будто вы забывчивы... Читайте громче... Вы ведь знаете, что после болезни я вре-мен-но (слово «временно» Людовик произнес по слогам) плохо слышу. Но в отличие от вас я в самом деле слышу плохо... Начинайте, любезный Поншартрен...

Хорошо поставленный голос Поншартрена заполнил комнату. В беседе с Людовиком обладающий сотней модуляций голос Поншартрена сочетал чрезвычайную приятность с едва уловимой резкостью. Во время прогулок по саду в голосе его появлялась уже другая интонация. В кабинете короля — иная. В комнате для совещаний — еще другая. Здесь же, в голубой полурабочей комнате, голос его приобретал некий голубой оттенок.

«Меморандум относительно того, что можно сделать для распространения католической веры и установления торговых отношений с Грузией и соседст-

вующими с ней народами, а также для распространения власти короля и торговли Франции в Левантии и на Востоке, в частности с турками и персами.

Разговор вновь касался известных Людовику тем. Далее же, которые нам следует ожидать, частично почти уже созрели и готовы для того, чтоб их собирать... Следуя этому меморандуму, многие убедятся в его пользе и станут ярыми его сторонниками...

Сулхан-Саба Орбелиани, как видно, пользуется влиянием среди народа Грузии и при царском дворе. Также явственно, что душой он расположен к римской католической вере, надеясь с ее помощью объединить все народы своей страны, которые являются схизматиками.

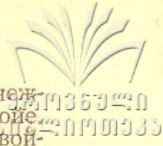
...Царь Вахтанг со стороны жены родственен трем черкесским князьям, которые являются братьями царицы... Легко было бы в дальнейшем обратиться в нашу веру все те народы, которые им подвластны и которые занимают весьма значительную и трудно доступную часть страны — земли за Кавказским хребтом. Можно надеяться, что привлечь эти народы будет еще легче, ибо они честны, спокойны и сдержанны, радушно принимают иностранцев, вместе с тем у них нет единой веры. Одни называют себя христианами, другие — магометанами, и ни один не знает, что представляет собой тот бог, которому, по их словам, они поклоняются... Возможно было бы таким образом исподволь обратиться в веру столько же народу, сколько живет сейчас во всей Франции, провозить через Грузию шелка, которые производят в провинциях Персии... Король Франции может потребовать, чтоб частная торговля производилась французскими судами, которые нагружались бы в Мегрелии или Абхазии... Венецианцам весьма нравилось, что несколько лет назад они имели возможность свободно торговать по всему этому морю на своих судах. На всякий случай возможно было бы вести такой разговор с царем Грузии или с тем, кто вместо царя взял на себя эту миссию. Выгода в пользу мануфактуры Франции на 50% будет больше сегодняшней... Все фабрики голландцев будут разорены или же, во всяком случае, число их намного сократится... К торговле шелком возможно прибавить торговлю воском, шерстью, свинцом и кореньями, из коих получают красящее вещество красного цвета и кои, как говорят, в изобилии на рынках Грузии... Ни турки, ни персы не дали бы ей (Грузии) этой возможности... Ибо владения царя (Грузии) вклиниваются в их владения, и они никогда не позволили бы царю высвободиться из-под их влияния. Однако следует отметить, что хотя царь (Грузии) и является подданным султанов, но не илотом. Дед нынешнего царя без помощи со стороны, только своими силами и при поддержке сына своего Арчила сумел стать хозяином трех провинций, граничащих с его владениями, в частности абасидзевскими... Даже сами турки не смогли их подчинить...

...Если новая вера сумеет создать союз прочнее существующего, если обращенные в католическую веру черкесы войдут в этот союз и все будут помогать друг другу, никакая сила в мире не сможет побороть их — горы Кавказа одинаково оградят их с двух сторон. Ничто не могло бы помешать решению Его величества поддержать распространение среди этих народов истинной веры... принимать ежегодно более достойных представителей из княжеской среды, которые прибывали бы во Францию в возрасте 16 лет по своему желанию или по желанию своих родителей... Здесь можно было бы поначалу объединить их в какой-либо армии, а два года спустя по два-три человека перевести на флот, в артиллерию, где их постепенно выдвигали бы и где они служили бы в течение десяти лет, чтоб изучить досконально военное дело... Воспитать их, чтоб двенадцать лет спустя, возвратясь из Франции на родину, они смогли бы сами воспитывать других... В конце первых двадцати лет Грузия стала бы получать плоды от молодых саженьев, возвращенных во Францию, что постепенно дало бы ей возможность получить корпус офицеров, способных и деятельных, ибо народ этот очень мужествен и во многом похож на французов...».

Поншартрен бросил взгляд на короля... Людовик сидел в шезлонге, опираясь локтями о колени, и внимательно слушал. Слушал уже довольно долго, но не выказывал усталости, ни разу не прервал Поншартрена. Проект был весьма интересным, рискованным, но выгодным для Франции. При союзе с Грузией значительно ослабевали Турция и Персия. Настолько, что могли стать вассалами Франции и Грузии. Значительный урон претерпевали Голландия и Португалия. Новая торговая и политическая коалиция костью застревала в горле многих стран...

«Июля пятнадцатого числа 1711 года¹. Мы выехали из южной окраины Франции, называемой Антиб-городом. Проехали десять миль, и кончилась Франция. Ницца — город в Италии, принадлежащий владетелю Савойи. Правитель Савойи раньше назывался дюком. После заключения мира ему отдали Сицилию. Прежде она была у короля Испании. Теперь это большое королев-

¹ Здесь и далее цитаты из «Путешествия в Европу» Сулхана-Саба Орбелиани даются в переводе Фатьмы Твалтвадзе.

ство и правительство его называется королем. Вдали видны высокие снежные горы, скалистые кражи с глубокими ущельями, принадлежащие Савойе. Прошли еще пять миль и добрались до небольшой бухты у маленького савойского города. Крепость хорошо укрепленная, сильная, но, когда французы посерились с савойцами, они изрешетили ее из пушек. Крепость взяли, но разрушить ее не смогли. После заключения мира она была возвращена.

Тут мы вышли пообедать. Король савойский, проведав о нашем приезде, выслал к нам воеводу, который ждал нас. Он немедленно явился к нам, любезно побеседовал с нами, приглашал нас к савойскому королю... Я ответил с достойной вежливостью. Поехать к нему мне было невозможно. Король прислал нам в подарок хорошие вина, фрукты, апельсины, лимоны. Таких черешен и абрикосов нигде раньше я не видел. Мы пообедали и поехали дальше. Нас проводили салютом. Выстрелили из шести пушек, оказывая нам положенные почести и внимание...

...Мы проехали еще десять миль мимо трех-четырех сильных савойских крепостей... Попадались редкие леса. Множество оливковых деревьев, виноградников, но мало пашен. Дул встречный ветер. Судно наше с трудом продвигалось вперед. Прибыли в город Монако. Здесь одна скала вдается в море, подобно тбилисскому Метехи. С трех сторон его омывает море...

...Город-крепость стоит на возвышенности. Мы же остановились в домах у берега моря. К нам прислали человека, который пригласил меня к королю. Но я торопился, хотел уехать пораньше. Извинившись, я сослался на утомление и послал к нему с поклоном господина Ришара. Последнему оказали большие почести. Страну эту не назвали бы богатой, она вся скалиста, пахотных земель мало, но зато много оливковых деревьев, фруктов, инжира, поморанцев и цитрусов. Хорошая гавань...

...Рано выехали... Снова стреляли из семи пушек...

...Прибыли в генуэзские владения... С рассветом прибыли в город Сан-Ремо... Уехали оттуда. Миновали множество сильных крепостей и сел. В этих местах на большом пространстве были погублены виноградники. Местные жители к террасам подвели стены, подровняли края и разбили на них виноградники. Но все они погибли. Я спросил, почему это произошло. Мне ответили, что земля здесь непригодна. Да, но если земля непригодна, почему разбили на ней такое множество виноградников? Местность напоминала Гегути¹.

...Июня двадцать третьего прибыли в Ливорно. Ливорно находится в ста двадцати милях от Генуи. Город небольшой, но хороший. Сорок тысяч душ. От границы Ливорно начались низменности. Местность похожа на Одиши — лесистая и низменная. Вдали виднеются высокие горы... Лес сплошь оливковый... В Ливорно же находились четверо грузинских граждан...

...Дул злой ветер. Не могли плыть. Уже за полдень, а мы едва достигли вод римской реки. Оставалось плыть еще сорок миль. Но у устья реки нас поджидали две кареты его святейшества папы... По приезде усадили нас в коляски... В Риме же святейший папа в собственной коляске выслал навстречу нам своего племянника, кардинала Альбана...

...Было около двух часов ночи, когда, наконец, мы въехали в город Рим. Нас поместили в монастыре святого Лазаря...

...Июля первого пришел французский кардинал. Он не дал мне ни выйти ему навстречу, ни проводить за порог. Обласкал меня и ушел.

...Июля второго пришел проведать меня настоятель святого Василия. И другие епископы и отцы пеклись о нас. Приходили многие и любезно беседовали с нами.

...Июля третьего святейший папа изволил прислать карету. Поезжайте, мол, сначала посмотрите господ моего и потом навестите меня. Повезли меня в собор святого Петра...

...Июля пятого меня повезли к святейшему папе. Он жил в летнем дворце, в центре Рима. Собор святого Петра находится в начале Рима, в низине, а летний дворец папы стоит на возвышенности. Много хвалебного написано о дворце, и вы, вероятно, сами знаете, что дворец папы не может быть хуже других дворцов. Начиная с самого входа во дворец все устлано красными камковыми коврами, густо расшитыми золотой каймой. В порядке по чину стоят придворные и вельможи. Потом священники и епископы. Из кардиналов никого не было, так как он принял нас запросто, не парадно. Меня ввели к нему. Он сидел в малом зале.

...Он обнял меня. Там полагается стоять на коленях. Но он не позволил опуститься на колени и заставил встать. Я хотел стать поодаль, но он позвал меня к себе и поставил рядом с собой. Расспрашивал, беседовал со мной любезно. Я доложил ему: «Святой отец, с тех пор, как сын твой² — истинный

¹ Местность в Западной Грузии.

² Речь идет о Вахтанге VI.

христианин — обратил свои упования к тебе, сердце мое преисполнилось надежды на исполнение всех моих чаяний. Но дальнейшее промедление может оказаться губительным для Вахтанга. В лихом месте находится он теперь». Он же изволил ответить мне: «Если ты попросишь крови моей для пользы Вахтанга и страны твоей, и то я пролью ее для них». Я поблагодарил и продолжал: «Я вижу, что отсутствие Вахтанга приносит ущерб христианству в моей стране и от возвращения его будет зависеть преуспевание праведной веры. Только эта одна забота и есть у меня. Молю тебя, яко старец Симеон: «ныне отпускаеши». Он улынулся и изволил ответить: «Я молю господа за тебя, чтобы даровал он тебе жизнь долгую, через тебя многое хочу совершить». Я ушел от него...

...Июля девятого святейший папа осведомлялся о нас. Изволил прислать нам фрукты и гостинец. Меня повели туда, где распяли святого Петра...

...Одиннадцатого июля святейший папа прислал нам священника... После обеда взяли меня осматривать монастырь.

...Июля двенадцатого пришел проведать нас настоятель доминиканского ордена. Мы тоже пошли его проведать. Осмотрели его монастырь...

...Пятнадцатого июля меня повезли в сад Бургонского принцепала...

...Июля шестнадцатого мы пошли осматривать другой монастырь — святого Доминика...

...Июля тридцать первого святейший папа просил пожаловать к нему. Я пошел, приложился к его стопам. Он осведомился обо мне: «Я и завтра бы повидал тебя, но сам ты видишь, что не смогу». Много приятных слов говорил он мне. Собственноручно пожаловал мне животворящее древо, хорошо сделанное, агатовые четки, оправленные золотом, и на них золотая икона, святые мощи во отпущение грехов. Изволил сказать: «Рад, что в Риме о тебе добрая слава, что хорошо и умно ведешь себя». Долго любезно беседовал. Пришлю, мол, тебе святых мощей и карету, в которой едешь сам, и ты в этой карете объезди семь церквей и помолись об отпущении грехов...

...Пятнадцатого августа святейший папа изволил прислать за нами, чтобы мы прослушали мессу и приняли причастие из его рук. Мы пошли, послушали обедню в его маленькой внутренней часовне. Он служил обедню сам и дал нам причастие из своих рук. После того совершена была литургия, нас завели в его помещение. Папа сел. Он сказал мне, чтобы я посмотрел обитель пресвятой богородицы, и предложил, что, если пожелаю, он напишет, чтобы меня поместили в его дворце и оказали те почести, которые оказываются обычно грандуку и другим вельможам, чтобы показали мне все, что можно там осмотреть. Я поблагодарил...».

Велик Рим. Велик и блистателен. Версаль величествен, но дворец римского папы не уступает ему. Тут какое-то скрытое, сдержанное богатство удивляет человека. Золотое изображение Христа, золотая богоматерь, золотые кресты, святые мощи в золотой оправе и камни чистой воды... Их великое множество, этих камней...

Церкви, кажется, соревнуются друг с другом в изяществе и богатстве. Одна церковь прекраснее и величественнее другой. Служители бога ходят покорно, опустив очи долу, медленно, как во время траурной процессии. У них вид невинных, наивных детей, и на лице каждого написаны муки христовы... А в душе каждого гнездились бесы и сплетались сети интриг.

Ни от кого не слышал здесь Орбелиани четкого, прямого ответа. Монастыри, церкви, святые места, молитвы, причастия... И снова монастыри, и снова церкви. Водят служители бога посла незнакомой страны по святым местам, обхаживают, подбострастничают, пытаются не выпустить из рук лакомый кусок — Грузию, превратить ее в опору католичества на Кавказе, взамен же...

Ходил Сулхан-Саба Орбелиани, ходил по Риму, наблюдал, приценивался — что может пригодиться его стране, что можно перенять, что подойдет Грузии и его народу. А святейший был в раздумье. Чувствовал, что не вяжутся сближение Грузии и Европы. За последнее время иранский шах Хусейн активизировал переговоры с Людовиком XIV. Почти одновременно с Сулханом-Саба Орбелиани в Париж прибыл персидский посол Мохаммед Риза-хан, которому был устроен пышный прием. Было очевидно, что прибыл он туда, чтобы сорвать миссию грузинского посла. Персидская дипломатия достигла цели, тем более что в ту пору Франция не могла ради Грузии поступиться относительно налаженными коммерческими и дипломатическими связями с Персией. Монахи-лазутчики сообщали, что Франция пожертвует многим, только бы были налажены добрые взаимоотношения с Ираном. Согласие между двумя могущественными державами было выгодно как одной, так и другой стороне. Грузия же...

Никто не хотел защищать интересы маленькой страны. Чувствовал папа, что миссия этого умного и доброго монаха не будет иметь результата, если взаи-

моотношения Франции и Ирана будут развиваться тем же путем. Единственная польза от приезда Орбелиани была бы в освобождении царя Вахтанга. Хотя это было под вопросом.

Орбелиани же продолжал бродить по Риму. Это был человек щедрой и неиссякаемой фантазии. Его вера в жизнь и справедливость, которая то и дело сталкивалась с ложью и лицемерием, была чиста как у младенца. Посол не хотел верить, а кто знает, может быть, он и не верил, что на свете существуют ложь и вероломство. Он был человеком слова и верил другому.

Уставший от множества впечатлений, он, бывало, закрывал глаза и мечтал о будущем. А в комнате, украшенной красными коврами, иконами и крестами, сидел другой монах. Нахмурившись, долго смотрел на лежавшие перед ним на столе чистые листы бумаги. Потом, взяв гусиное перо, придвинул чернильницу.

«Блестящему и могущественному Вахтангу, царю азиатской Иверии, Клементий XI. Блестящий и могущественный царь, мир тебе и божья милость. Нельзя высказать словами, как обрадовал нас прибытием в этот знатный город наш любимый сын, Саба-Сулхан, монах ордена святого Базилия и Ваш родственник. Он рассказал нам о многом, что будет способствовать успеху католической веры в этом крае. Узнав о Вашем пленении правительством Персии, мы весьма огорчились, ибо католическая вера пытается помочь Вам, поэтому мы приложили все усилия, чтобы Вам посчастливилось поскорее освободиться и вернуться в Ваше царство...».

«...Семнадцать месяцев пробыл я в Константинополе и тринадцатого мая выехал оттуда. Нашли одного жителя Атина¹, который совершал рейсы на корабле в Чавети². С него взяли обязательство не брать на корабль никого, кроме своих двадцати корабельщиков. Он повез нас. Едва миновали Константинопольский пролив у входа в Черное море, как он привел на корабль турков, янычаров и заполнил ими весь корабль... Я понял их вероломство, но что оставалось делать, ведь назад вернуться не было возможности... Дули попутные ветры, а на десятый день прибыли мы в Атина к его дому. Он сказал мне, зайду, мол, к себе домой, отдохну дня два, выгружу этих турков с судна, они разойдутся по домам, а тебя доставлю с миром в Кобулету... Раньше он извещал трапезундского пашу, а затем и сенджака Гонио³, что едет, дескать, такой большой человек, везет множество товара и католических миссионеров, что они послы и что их нужно пленить...».

...Первые два дня путешествия капитан корабля был чрезмерно вежлив, все в глаза заглядывал Сулхану-Саба Орбелиани, старался угодить ему, Давиду Мегрели и миссионерам. Море волновалось, корабль смело разрезал волны. Путники собирались на палубе. Миссионерам было интересно все — какая она, Грузия, как одеты грузины, давно ли исповедуют христианство, не встретят ли враждебно их, миссионеров.

Орбелиани терпеливо и подробно рассказывал им о Грузии, о ее былом величии и нынешнем плачевном положении. С удивлением и некоторым недоверием слушали миссионеры рассказ о том, что страна, куда они направляются, — одна из стран древней культуры, письменности и истории. Было время, когда даже кесари Византии дрожали перед ней в страхе и после падения их империи на развалинах ее с помощью Грузии образовалось новое государство — Трапезунд...

...Было время, когда грузины имели свои монастыри и культурные центры во многих уголках мира.

...В крестовых походах участвовали и грузинские воины...

...Отряды мусульманских янычар создавались в основном из юношей, похищенных из Грузии.

...Было время, когда грузины с победой входили в египетские города.

...Вот уже который век при дворе шаха и султана военачальниками и визирями служат грузины, принявшие мусульманство...

Сейчас же... Нет сил рассказывать о ее бедах...

Миссионеры слушали Сулхана-Саба Орбелиани затаив дыхание. Когда уставал Орбелиани, на помощь ему приходил Давид Мегрели.

Орбелиани нелегко было утешать любопытство миссионеров. Радость и надежда на будущее, вдохновлявшие его в начале пути, давно уже погасли. Казалось бы, все в порядке. Король Франции обнадежил грузинского посла. И римский папа был доброжелателен к нему, проникнут симпатиями к Грузии. И все-таки что-то беспокоило Орбелиани...

¹ Город на юго-западном побережье Грузии.

² Юго-западная провинция в Грузии, находится на территории Грузии.

³ Местность и крепость в Южной Грузии.

...К исходу второго дня отношение капитана к путникам резко изменилось. Волк, облаченный в овечью шкуру, показал свои клыки.

А после четырех дней пребывания в Атина владетель корабля отказался везти их. Тогда путешественники поместились в двух лодках и отправились дальше.

Бесконечно лил дождь. Море волновалось. Стар был Орбелиани и все-таки первым ступил на землю грузинскую после длительного путешествия. Слезы текли по его щекам. Он наклонился, взял горсть земли... просеял сквозь пальцы. Неподдалеку стояли всадники, они долго смотрели на прибывших, потом один оторвался от них, осадил коня возле Орбелиани и крикнул:

— Эй, старик, кто это с тобой?

Как ни привык Орбелиани за последние дни к грубости, благодаря капитану, непочтительное обращение всадника все же покорило его. Он, сдержав гнев свой, спокойное объяснил, кто они и с какой целью прибыли в Грузию.

— Хватит!.. Ясно... Ко мне! — кликнул он других всадников.

В мгновение ока все смешалось. Всадники спешили и кинулись на монахов. Кто тащил сумки, кто срывал кресты, кто рясу.

Оторопевший, растерянный Орбелиани не смог сдвинуться с места и с удивлением взирал на разбойников.

Один из них кинулся на него, выхватил сумку.

Орбелиани не шелохнулся. И только тогда он пришел в себя, когда разбойник рванул крест, висевший у него на груди.

Вспыхнул старик, Заскрежетал зубами от злости и горечи и так сильно ударил разбойника по челюсти, что тот распластался на земле.

Но тотчас почувствовал Орбелиани острую боль в спине. Главарь разбойников полоснул его плетью и собирался нанести второй удар.

Тигром набросился на главаря Давид Мегрели и стащил его с коня...

«...На пятый день отплыли на лодке в Хопи. Там встретили нас прямо на лодках от гонийского сенджака. Арестовали нас, доставили в один дом. Меня и патеров поместили в одном помещении. В то время приехал туда, оказывается, племянник ахалцихского паши Алибек, который знал меня. Когда он узнал обо мне, прислал людей. Меня и патеров он велел перевести в свое помещение с большим почетом. В ту ночь пришел ко мне купец Айваз и сообщил мне, что этот Алибек завтра отбывает в Константинополь, у него корабль уже снаряжен. А когда он уедет, то нас настигнут и обойдутся с нами еще хуже. Теперь, мол, он спас нас, давай сделаем подношение местным властям, чтобы они не могли к нам придираться. Мне понравился этот совет, и мы поднесли беку Гонию восемьдесят марчи¹. Утром Алибек приказал нанять для нас лошадей, дал нам в проводники одного из людей паши и проводил нас. Айваз остался там. Мы проехали по направлению к Артануджи. Весь этот день ехали. К вечеру подъехали к Чхала и остановились там. А тот гонийский бек, узнав об отъезде Алибека, в ту же ночь начал преследовать нас. На следующий день поутру он нагнал нас. Он обратился ко мне: ты, мол, спасай свои вещи, а этих католиков отдай мне, султаном запрещено их пребывание здесь. Я и слышать не хотел об этом. Как могу отдать их! Всех нас поймали, все наши вещи и стянку разорили и отдали нас в распоряжение янычаров и пешими погнали обратно в Гонию. У меня началась лихорадка. Нас вели по крутому подъему. Душа моя готова была расстаться с телом: стар я, болен и притом меня лихорадило. В кармане у меня оставалось шестьдесят плури², и те отняли. Тем временем, оказывается, пришел к ним купец Айваз. Он заступился за меня: кого вы убиваете, о чем вы думаете, за кого, мол, принимаете его, знаете, что с вами будет из-за него! Он пришел ко мне. Нас бросили на вершине одной высокой горы. Айваз обещал им четыреста марчи за наше освобождение. Сам же вернулся, чтобы принести серебро. Они потребовали заложником патера. Я отпустил их и моих слуг, а сам остался заложником...

Айваз ушел. Пока бы он вернулся с серебром, стало смеркаться. Нам завязали руки, он, дескать, обманул нас с выкупом, и в темноте же погнали опять в Гонию. Дождь и туман. Мрак и крутой спуск. И чертям не пройти. Не выразить словами испытанных нами бедствий. За полночь зашли по пути к одному. Уставшие без меры, мы задремали. Оказывается, в ту же ночь вернулся Айваз, принес выкуп за нас. Привели двух неоседланных лошадей. Нас расбудили, посадили на тех лошадей и повезли. Нагнал один янычар. Он ехал на неоседланном коне. Отобрал у меня плащ от дождя и подложил его под себя. От холода и дождя мне сделалось хуже. Привели нас к купцу Айвазу. Пока мы спускались с горы, двух патеров поймали, оказывается, другие турки и увезли. Я узнал об этом. Был поражен как громом. Купец Айваз проводил нас и сам уехал выкупать тех патеров. Уплатил за них шестьдесят марчи и привез

¹ Серебряная монета достоинством в 60 копеек.

² Золотая монета весом в 4 грамма.

их. Мы поехали. В Нигельском ущелье то там, то здесь пересекали нам дорогу и мучили нас. Все время тратились деньги купца Айваза. Приехали в Артануджи...
...В Артани отняли у нас шестьсот марчили. Много еще потеряли мы на этом пути. Нам не дали с собой даже собак. Наконец достигли нашей страны...

Карталинией правил в то время царь Иасэ¹. Он, оказывается, женился на племяннице царя Георгия. Этого не полагалось делать, ибо он нарушил родственные связи. А ко мне он вовсе не был расположен. Много я задолжал купцам из Бурсы. Ведь я занимал у них, чтобы расплатиться за все, что у меня отняли в пути, и поэтому они не отпускали меня в Имеретию. К тому же братья мои прислали человека предупредить меня, чтобы я не приезжал в Картли. Но делать было нечего, я приехал. Царь принял меня хорошо, но в нашей стране участились убийства, он уничтожил, оказывается, множество народа. Даже Тбилиси готовился подняться с места, чтобы укрыться в горах. Мои займодавцы торопились с отъездом в Гянджу за шелком. Был июль месяц. Грузинские епископы и духовенство были настроены против меня. Ни родные мои, ни друзья, ни царь, ни вельможи, никто не помог мне. Трудно было мне уплатить долг. В то время в Тбилиси жила одна моя престарелая крестная мать, правоверная католичка. Она стала обходить всех доброжелателей и ученых и в злое то время собрала столько, сколько у меня было долга, и уплатила всем моим займодавцам.

А затем духовенство ополчилось против меня. Они вознамерились созвать собор и учинить мне зло...».

«...И говорили: пророчи нам, Христос, кто ударил тебя?

Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином.

Он же отрекся пред всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь.

Когда же он выходил за ворота, увидела его другая и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем.

И он опять отрекся с клятвою, что не знает сего человека.

Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них; ибо и речь твоя обличает тебя.

Тогда он начал клясться и божиться, что не знает сего человека. И вдруг запел петух.

И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: «прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня». И вышел вон, плакал горько»...

Католикос хмуро слушал проведь. Дьякон читал тот самый отрывок из Нового завета, на который утром он указал ему, Апостол Петр отверг Христа. Сулхан-Саба Орбелиани отверг истинного бога. Почва для осуждения вероотступника Орбелиани была готова. Настало долгожданное время. Орел с подбитыми крыльями должен был пасть и разбиться, иначе... Иначе он подлечит крыло и...

Дьякон закончил читать, закрыл святую книгу и вошел в алтарь. Католикос застыл в молчании, лишь едва заметно подрагивала у него нижняя губа. С упованием взял он из рук дьякона Новый завет и бледными губами приложился к кресту. Католикос начал тихо свою проповедь... Голос его постепенно заполнял церковь, поднимался к узким окнам:

«...Во имя отца и сына и святого духа, аминь!.. Подобно убеленному сединами создателю нашему Иакову обращаю к вам, дети мои: соберитесь и слушайте слово мое. Нынче, когда народ грузинский окружен извне врагом, а внутри съедаем завистью и непониманием и стоит на пути разделения, в силу чего слабеет и падает государственная сила его, в тяжкое это время стоим мы также перед другой чрезвычайной опасностью. Нынче собрались мы здесь, грузины, преданные правоверной церкви Востока, ибо есть в нашей пастве вероотступники, поддавшиеся соблазну присоединиться к латинской вере, соблазняющие других отступить от веры, исповедуемой сынами православной церкви, той веры, которую принимает и слушает сегодня святая церковь Востока, которая есть в Константинополе, Александрии, Антиохии, Иерусалиме и Грузии. Мы, грузины, приняв веру христианскую, никогда не отклонялись от нее.

Но крещенный в православной купели старший монах ордена святого Базилия в монастыре святого Иоанна Крестителя, внесший достойную лепту в процветание своей страны, как воспитатель и советник царя, ученый и старший монах, сегодня отдался во власть дьявола и признал веру латинскую.

«Человек мыслящий да извлечет пользу из деятельности», — речет Соломон. Монах Саба же написал книгу, в которой подтвердил свое отступничество от веры православной. Он посмел назвать эту книгу «Вратами рая», нам же она кажется вратами ада.

Духовные братья наши и единоверцы, мы собрались в этом святом храме, чтоб запретить монаху Сабе причащаться, ибо осквернил он святую нашу церковь и предал веру православную. Если он извлечет пользу из слов Соломоновых:

¹ Царь Иасэ правил Карталинией с 1714 по 1716 год.

«Основа мудрости — страх перед всевышним и помыслы святые», если вспомнит апостола Петра, который, до того как прокричал петух, трижды отрезался от Иисуса Христа, если извлечет пользу из горьких слез сожаления Петра, если вернется к отцу своему, как сын блудный, тогда правоверные грузины простят монаха Сабу, вернувшегося к истине грешного из грешных, и возрадуются на небе ангелы незлобивых душой правоверных грузин... И ныне, и при-сно, и во веки веков, аминь!».

...Громко, на весь храм произнес католикос «аминь!».

Хор на мгновение замолк, потом кромко грянул: «Помилуй мя, боже, помилуй мя...».

Монахи Давид-Гареджского монастыря имели небольшой домик на берегу Куры, близ Сиони. Многие находили приют в его шатках, потрескавшихся от времени и непогоды стен.

От Сулхана-Саба Орбелиани, возвратившегося из Европы, все отвернулись — царь Бакар, духовенство, князья...

Горькие думы обуревали его. Старик уже привык к неблагодарности мира и теперь не очень-то удивлялся. Не удивлялся... Но ведь и он был простым смертным и нелегко ему было примириться с близорукостью и неразумностью соплеменников.

И как всегда в пору невзгод он искал помощи в книгах, в труде. Удивительнее всего было то, что, чем труднее ему приходилось в жизни, тем с большим усердием работал он над своим любимым детищем — «Ситквис кона». Он вновь и вновь вносил в книгу исправления, объяснения... Нередко ему виделось, как Георгий Иашвили, воздев руки, говорил: «Для великого дела одной жизни недостаточно. Все твои силы ты должен отдать главному. Но в чем — это главное?! Что такое добро?! В чем смысл жизни?! В верном служении царю? В молитвах? В спасении духа? Хи-хи-хи! Глупости все это, глупости! Взгляни на монахов, которые коленопреклоненные часами стоят в святой обители и молятся, молятся... Надеются тем самым помочь человечеству... А приближенные?! Они только тем и заняты, что роют могилу ближнему и стремятся любыми путями продвигнуться... Сулхан, помни — стремление к свободе и добру — наивысшее назначение человека! И еще: когда человек отдает всего себя этой цели, он легче переносит трудности, не боится никаких опасностей. И смерти не боится, и ни во что не ставит оскорбления со стороны неблагодарных...».

Исчезало видение, и Орбелиани вновь охватывала щемящая тоска по Иашвили.

...А за окном лил бесконечный дождь. Кроме Орбелиани, в комнате жили еще двое монахов.

— В такую погоду и собаку не выгонишь из дома, — проговорил один, подкинув в огонь сырые поленья, и снова вернулся к скрипучей тахте.

— Еще зима не настала, а холод лютый... Горе бедняку... Мало ему голода, а тут и холод прибавился... Боже, спаси всех бедных, сирот и вдов... — зашептал второй.

Орбелиани сидел за столом и писал.

— Отдохнул бы ты, отец... Работаете денно и ночью. Так и ослепнуть не мудрено.

— Придвинься к огню... Согрей кости...

Старик вышел из оцепенения. День подходил к концу. Орбелиани не спеша поднялся и подсел к монахам. Некоторое время они сидели молча, но Орбелиани знал, что монахи не смогут долго молчать, не хватит у них терпения и они наверняка вызовут его на разговор.

— Отец Саба, объясни, как намерен поступать Бакар с царем Иасе?

Сулхан-Саба сидел неподвижно, уставясь на огонь. Монахи не надеялись уже получить ответ, как Орбелиани прошептал слова из псалма Давида: «Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай...».

И снова — молчание. В Сиони зазвонили колокола. Сегодня проповедь читал католикос Доментий.

Ложь и сплетня летит быстрее птицы. Снова разнесся слух — Орбелиани в третий раз отступает от веры, становится муэдзином в мечети...

Болит сердце у старика. Давно уже перестали звонить колокола в Сиони, давно уже храпят во сне монахи, живущие с ним в одной комнате, а Сулхан-Саба все еще сидит не шелохнувшись, уставясь на огонь. Вдруг с улицы доносится какой-то гул.

Он постепенно перерастал в крики и угрозы. Видно, людей было много, к тому же, слыхком взволнованных. Улица осветилась огнем факелов, и на потолке заплясали тени.

«Не вернулся ли Вахтанг?... Боже, дай мне силы... Наверное, Вахтанг вернулся...» — подумал старик.

Вскочил на ноги один из монахов, бросился к окну. Вдруг в окно попал огромный камень. А в дверь уже колотили.

ЭЛМ36330
518-3110133

— Христопродавец, выходи, Орбелиани... Иуда... Изменник нации...
— Спасайся, отец, пришли убивать тебя! — дрожащим голосом произнес один из монахов и упал на колени: — Боже, спаси нас!..

Тут раздался женский крик:

— Где те тридцать сребреников, которые ты получил от римского папы? Двери, не выдержав натиска, распахнулись, и разъяренная толпа вломилась в комнату. Орбелиани отпрянул к окну, остановился, приложил руку к груди и застыл на месте. Толпа окружила его, возбужденная, исполненная гнева и жажды мщениия. Саба стоял, высоко подняв голову. Ветер, ворвавшись в распахнутое окно, трепал его седые волосы. Он смотрел на толпу ясными глазами. Стоял безмолвно, во всем своем величии. Уставший от бремени лет и жизненных испытаний, он своим видом вызвал такое почтительное чувство, что толпа невольно отхлынула, как волна от берега. И когда по щекам его покатились слезы, все вдруг смолкло. И только редкие выкрики с улицы нарушали святость этой тишины. Толпа попятилась... И вскоре все затихло, исчезло неожиданно, как сон...

Посреди комнаты стоял в эту страшную ветреную ночь великий Сулхан-Саба Орбелиани и молча смотрел в окно на улицу, на которой горели уже редкие факелы. Слезы мешали ему видеть. И вдруг, неожиданно, как никогда прежде, он почувствовал боль и тоску по Георгию Иашвили.

...Едва рассвело, Орбелиани раскрыл свою книгу басен. Он считал ее уже законченной. Но вот он перелистал книгу, вчитываясь особенно внимательно в некоторые страницы, потом взял перо, улыбнулся и стал писать:

«Жил некий мурав. Был он неплохим человеком, но подвластные ему люди невзлюбили его и стали наговаривать на него царю. Царь изгнал его и назначил нового. Новый мурав оказался злым и жестоким. Несладко пришлось людям под его властью. Опечалились они: что же получается, не просить же у царя нового мурава? Тогда собрались они — все, от мала до велика, зажгли на десять пальцев своих по свече и вышли на улицу.

Спрашивает царь: чего вы ищите?

Ему ответили люди: помнишь, мы изгнали мурава, вот его и ищем, да не можем найти...».

Все тяжелее приходилось царю Вахтангу при дворе султана. Щедрость и заботливость, которые проявлял к нему вначале шах, давно уже развеялись как дым. Царь Грузии стал настоящим пленником, и, по всему виду, плен день ото дня будет все невыносимее.

Упрямылся грузинский царь, все не хотел принимать ислам. Ничем его не взять — ни лаской, ни обещаниями званий и должностей, ни угрозами и жестокостью. Да, ослабел, видать, иранский лев, иначе не составило бы ему труда поставить на колени Вахтанга, он обламывал и более упрямых и сильных монархов.

Болела душа у Сулхана Орбелиани. Страдания его при мысли о том, что Вахтанг томится в плену, а миссия его как посла Грузии не принесла нужных результатов, усугублялись тем, что Вахтанг, видимо, был чем-то недоволен — ни писем не слал своему учителю, ни приветов. Злые языки сделали свое черное дело. Зажгли в царю искру недоверия к Орбелиани. Не мог понять старик, что произошло, почему разгневан Вахтанг. Ночи напролет думал, в чем могли обвинить его, в каком «коварстве». Немало он повидал в жизни своей неблагодарности людской, но ведь все же есть предел!.. Разве всего себя, свою любовь, талант, знания не отдал он царю и народу? Не забывал о личном, если этого требовали интересы страны? Разве не был он готов всегда защитить царя, подобно князю, выхваченному из ножен?! А ведь мог он, как другие придворные, жить в роскоши, иметь дворцы, жениться так, как он этого хотел бы, и писать, писать, писать...

О, этот бренный мир!..

Ночью, когда другие спали, Сулхан-Саба любил работать. Тогда отчетливее вырисовывались перед ним образы и, просеянные сквозь сито опыта, переносились на бумагу.

Но как часто не имел он возможности испытать радость такой работы — у него не бывало и двух грошей, чтоб заплатить за свечи. А большинство тавадов с насмешкой поглядывали на сраженный молнией дуб, когда-то называемый «отцом Грузии». Поглядывали и жаждали окончательно сломить его.

Но сильнее, чем князья, ополчилась против него церковь. Всячески отравляла ему и без того безрадостную жизнь. С церковных кафедр сыпались на него проклятия, на все лады поносились имя «предателя нации», «христопродаца». И хотя каждый из служителей бога в отдельности рыл другому яму, когда дело касалось Орбелиани, они объединяли силы и вместе обрушивались на него.

...«Жили в одном городе два моллы. Были они такими злейшими врагами, что трудно словами описать. Только и ждали случая, чтоб насолить друг другу.

Однажды застали одного из них с чужой женой, связали их и бросили в яму. На второй день должны были явиться кадий и свидетели, чтоб казнить их. Узнал об этом второй молла, злейший враг первого. Прибежал к его жене, привел к яме, спустил ее в яму и велел одеться в одежду той женщины, с которой застали моллу. А женщину ту, одетую в платье жены моллы, он вытащил из ямы.

На рассвете пришли кадий и свидетели. Явился и молла, враг первого. Подняли сидящих в яме. Второй молла и говорит:

— Все вы здесь знаете меня, знаете также, что я враг его, но что вам надо от несчастного, ведь вы застали его с его же женой?

И отпустили их.

Второй молла говорит первому:

— Я по-прежнему твой враг. Но спас тебя потому, чтоб не подумали, что и я могу поступить подобно тебе. Я спас тебя потому, что ты молла, и я молла...».

...Все невыносимее становилась жизнь в Тбилиси: ожесточились враги и завистники, а бороться с ними у Орбелиани не было ни сил, ни желания: пусть нас рассудит время и время же пусть вынесет приговор, говорил, бывало, старик и пытался не думать о врагах своих. Скажите, на кого из павших в немилость людей не нападают трусливые шакалы, раздраженные его былым величием?

О, этот бренный мир!..

Из Квишхети приехал Зосиме. Приезд его принес старику большую радость. Вместе с братом рискнул выйти он в город. Чистый воздух озянул его. Ходить было трудно — более двух месяцев не покидал он комнаты. Отвыкший от суety города, он испуганно вглядывался в прохожих, кто знает, кто из них способен оскорбить его или же поиздеваться над ним... Но, к счастью, никто не узнавал Орбелиани и его брата.

В ту ночь он почувствовал себя плохо. Поднялся жар. Зосиме послал за врачом соседского мальчика. Прошло три часа, а врач все не приходил. Зосиме укрыл старика старьем, которое он нашел в доме. С трудом заставил его сделать два глотка — выпить водку. К ногам больного он приложил горячий кирпич, а ко лбу мокрую тряпку.

Бредил Орбелиани. Все звал кого-то. Пытался встать, скрежетал зубами. Так прошла ночь. К утру Орбелиани уснул.

...В комнате летали светлячки. Они садились на бороду старика, на виски, потом снова устремлялись к окну. Комната вся заполнилась светлячками. Вдруг услышал он голос царя Георгия:

— Встань, Сулхан, протяни мне руку.

Потом ему послышался смех маленького Вахтанга. Тот смеялся, стоя у окна. Смех внезапно прервался, и в комнате послышалось жужжание. Исчезли светлячки, и вместо них по стенам поползли огромные жабы, такие, как в кельях Давид-Гареджского монастыря. Ползали, и огромными, как у человека, удивленными глазами смотрели на старика... Потом и они исчезли. В комнату проник луч солнца. Посреди комнаты стоял маленький курчавый мальчик. Смущенно смотрел на Орбелиани.

— Кто ты, мальчик, чей ты? — спросил старик.

Мальчик неловко улыбнулся, развел руками;

— Твой... Твой я...

— Мой? — удивился старик.

— Да, твой... Помнишь Стамбул? А Георгия Иашвили? Твой я... Ты ведь выкупил меня...

— А а... я вспомнил тебя... Вспомнил... Но с тех пор столько воды утекло... А ты все еще такой же маленький?..

— Не расту я... Видно, проклял меня бог за то, что не навестил тебя за столько времени...

Исчез паренек, и комната погрузилась во мрак. Но вскоре в комнате снова стали порхать светлячки...

Две недели не отходил Зосиме от брата. Вырвал-таки его из объятий смерти. А еще две недели спустя он смог увезти Сулхана в Квишхети.

В хурджинах везли они книги.

В Квишхети Зосиме жил в доме Григола Гудадзе. Хозяин давно знал братьев Орбелиани и почитал Сулхана-Саба. Он был польщен тем, что писатель, столь любимый им, приехал к нему, и не знал, как ему угодить. Сулхан-Саба отвык от внимания и потому был растроган до слез. Дом Григола стоял на пригорке, и оттуда как на ладони виднелось ущелье Куры, склоны гор, покрытые столетними лесами, кокетливая Ташишкар и Ахалдихские горы. Часами сидел на балконе Сулхан-Саба Орбелиани, смотрел задумчиво на дорогу, ведущую к Ахалдихе: в который раз вспоминал дни, проведенные там, Тамар, на которой

он вынужден был жениться, тестя, Гурама Джакели, и его семью. Тамар, наверное, жила счастливо. До Орбелиани редко доходили слухи о ней. Ни один из них не стремился сделать шаг к встрече.

Сын Орбелиани жил с матерью. Теперь уже он, наверное, совсем взрослый мужчина. Несколько раз Сулхан просил отдать ему сына на воспитание, он то уж постарается сделать из него ученого человека. Но ответа не последовало. Видно, суждено ему умереть, так и не увидев сына...

Медленно, как и мыслы Сулхана, текли воды Куры. Поблизости рыбачили крестьяне.

Почти каждый день Григол приносил Сулхану блюдо с рыбой да кувшин легкого квинхетского вина.

Часто заглядывали к ним крестьяне. Придумывали всевозможные причины, лишь бы взглянуть на знаменитого Орбелиани.

Едва заходило солнце, Сулхан садился за стол и писал вплоть до рассвета. Вновь и вновь сверял слова, писал, вычеркивал, снова писал. Много раз ему казалось — наконец завершена работа, но всегда он находил предлог снова вернуться к ней. В последний раз, как на станке, оттачивая слово, освобождая его от всего наносного и чужого. Это было его единственной радостью...

Шло время. Орбелиани казалось, что наконец завершена работа, готов словарь, но несколько дней спустя начинал точить его червь сомнения: вдруг он упустил что-то...

...Грузинские, исконно грузинские слова Сулхан-Саба собрал в народе, и народ должен был стать судьей «Словаря». Страх одолевал его: вдруг и сейчас судьба отвернется от него, вдруг... Но страх этот, вселившийся в него, Сулхан-Саба вновь изгонял работой.

Пришла в Квинхети весть — царь Грузии Вахтанг возвратился в Тбилиси. Потом пришла новая весть: Вахтанг принял магометанство, но наотрез отверг обряд обрезания. Видимо, не было у Вахтанга иного пути, только приняв магометанство, он смог вернуть себе престол. Престол-то он себе вернул, возвратился на родину, но нашел ее вконец разоренной и ограбленной.

Вахтанг уже не был тем прежним царем, каким помнил его народ. Время и страдания сломили его, каждый шаг, каждое решение выдавали его растерянность и неуверенность.

Прежде сдержанный, он теперь легко терял равновесие, вспыхивал и нередко не мог отличить добро от зла. Часы пробуждения же были очень тяжелыми для него.

Теперь, как никогда прежде, необходим был царю добрый, умный помощник.

Кто? Снова Сулхан-Саба Орбелиани? Первый шаг к примирению сделал Вахтанг.

...В один из вечеров к дому Григола Гудадзе подъехал гонец. Привез Сулхану-Саба Орбелиани письмо царя и рукописи, уложенные в хурджины...

...Еще до того, как пришлось ему покинуть Тбилиси, начал Вахтанг VI переводить известный древний персидский сборник «Калила и Димна». Орбелиани внимательно следил за работой своего ученика. Сборник этот был уже переведен на многие языки мира. Существовал некогда и грузинский перевод, но, как известно, Грузия прошла через многие испытания, пропали бесследно многие ценности, в том числе и перевод «Калилы и Димны». Вахтангу пришлось начинать все заново. Пребывание у шаха помешало работе царя-поэта, он успел сделать лишь черновую работу.

Теперь же... Видимо, у царя не было ни времени, ни желания завершить начатое, но не хотел он, чтоб труд его пропал даром. И вот он обратился к опальному прежде воспитателю своему с просьбой поработать над поэтической частью перевода. «...Этот долгий мой труд как следует проработай, там, где следует быть стихам, включи стихи на грузинском», — писал Вахтанг.

Орбелиани не любил откладывать дела в долгий ящик. Конечно же, он с радостью взялся за работу, тем более что знал: «...книгу на одном языке переводить на другой язык трудно, если ты человек несведущий: нередко следует переставлять кусок из конца вперед, где-то артикль добавить, иначе буквальная передача может выйти неудачной...».

...День ото дня книга, переведенная царем Вахтангом, принимала отчетливое очертание. Орбелиани, казалось, сбросил с плеч груз времени, выглядел бодрее, часто стал покидать свою комнату и бродить по лесу. Устав от работы над книгой, он не сидел сложа руки, а созывал крестьянских детей и обучал их грамоте. День ото дня росло число его маленьких учеников. Приходили к нему дети из Ташишкар и Рвели. На оградах, на стенах домов в деревнях появились первые слова, написанные еще несмелой рукой: «Малхаз», «Илья», «Годердзи»...

Кто знает, испытывал ли Орбелиани более счастливые минуты, чем те, когда впервые прочел эти надписи. Из букв рождались слова, из слов — предположения. У ребят были удивленные и испуганные глаза, а старший их учитель таинственно улыбался.

Расставшись с детьми, Орбелиани вместе с Зосиме снова принимался за словарь.

Тбилиси, испытавший на своем веку немало горя, уже не в силах был рыдать.

Ранней весной, едва растаяли снега в горах, на город напали лезгины Махмуд-Кули-хана. С диким воем носились они по городу на взмывленных конях, размахивали окровавленными саблями, бросали в огонь младенцев. Тбилиси пылал в огне. Еще не смолк звон колоколов, еще валялись на улицах трупы, когда в Тбилиси и Внутреннюю Кахети ворвалась кровавая армия турок.

...Царь Вахтанг укрылся в Имерети. Оттуда он собирался в Россию, к Петру I.

...Около 1.300 человек, лучшие представители Грузии того времени, последовали за Вахтангом VI. Они покинули Грузию весной 1724 года...

...Потрясенный всем, доведенный до отчаяния Орбелиани не находил себе места. Ничто не могло удержать его дома. Ни болезнь, ни старость... Ни то, что и Вахтанг, было время, нанес ему обиду.

«Царю будет трудно без меня... Не время кривляться... Я сам пойду к Петру I... Сейчас только Россия может спасти Грузию...»

...Грузины, покинувшие Грузию, остановились в Солагской крепости. Вахтанг VI написал Петру I письмо с просьбой разрешить приехать в Россию.

Письмо Вахтанга отвезли Вахтанг Амилахвари и Прангистан Туркестанишвили. Это было 5 сентября, а спустя неделю из Солагы в Москву отправилась вторая маленькая группа.

В «ордере» генерал-майора Кропотова были перечислены члены этой группы: «сын князя Саба, его брат Зосиме, оба монахи-послушники, с пятью слугами и одним сыном азнаура, азнаур Иштеев, с ним слуга, архимандрит Арсений, с ним его брат азнаур Роман, дьякон Давид, их слуга Артемон»... Испушенный в дипломатии, Орбелиани решил до прибытия Вахтанга лично навестить дочь царя Арчила — царевну Дареджан (Орбелиани знал, что она пользуется большим влиянием при императорском дворе и близка к Петру I).

...Маленькая группа узкими тропами шла вперед, на север. Времени для отдыха не было. В ущелье рокотал Терек, под солнцем сверкала вершина Казбека.

И вдруг...

...Все случилось в какие-то доли секунды. Когда Орбелиани очнулся, карманы у него были выворочены, поодаль валялись пустые хурджины.

По подъему с гиканьем пронеслись разбойники.

Дороге не было конца. Горы сменились равнинами, Орбелиани постоянно чувствовал голод. Много ли еды можно было купить на те пять копеек, которые он получал за день (кстати, архимандрит Арсений получал в сутки двадцать пять копеек)?

...В первых числах ноября 1724 года Сулхан-Саба Орбелиани в составе небольшой группы подошел к Москве. На второй день он посетил коллегию иностранных дел. В Москве он поселился у царевны Дареджан в ее дворце на окраине столицы в селе Всехсвятском и рассчитывал в ближайшие дни выехать в Петербург с письмами царя Вахтанга. Но во Всехсвятском Сулхан-Саба Орбелиани заболел. Так он и не узнал, что Петр I ждал в Петербурге Вахтанга VI.

26 января (по старому стилю) 1725 года Зосиме Орбелиани закрыл глаза старшему брату.

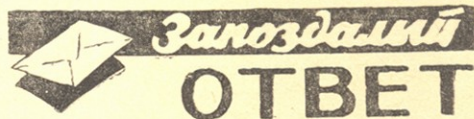
Перед смертью старик бредил, пытался встать и что-то шептал побелевшими губами. Зосиме показалось, что он услышал:

— О, этот бранный...

В приписке на «Словаре» Орбелиани очевидец писал: «Саба скончался в 1725 году, января 26, вечером, в Великой Москве, во Всехсвятском, во дворце Арчила, и был погребен там же в церкви, повелением, иждивением и в присутствии царевны Дареджан...»

Перевод Викторин ЗИННОЙ

ТРИ НОВЕЛЛЫ

КАК-ТО несколько лет назад я получил письмо от совершенно незнакомого мне человека. Нельзя сказать, чтобы читатели часто баловали меня вниманием, и все же я решил, что письмо это от одного из них.

«Нижайший поклон товарищу безвременно погибшего Нугзара от несчастной матери его Нателы Мазминашвили!

Желаю вам здоровья, долгой счастливой жизни и стопроцентного исполнения всех ваших желаний. Вы, наверное, удивитесь, получив это письмо, подумаете, кто бы это мог меня беспокоить, но прошу вас уделить частицу вашего времени несчастной матери, грузинке, с трудностями воспитавшей сына, который трагически погиб на трудовом фронте...».

Сразу же по прочтении этого абзаца в памяти моей всплыл давно забытый эпизод, о котором я, возможно, и не вспомнил бы, не будь этого письма.

...В городе Кутаиси у входа в парк киносъёмочная группа томилась в ожидании погоды. Было пасмурно. Временами прояснялось и начинало нещадно палить солнце. Потом облака снова заволакивали небо, и дышать становилось нечем. Оператор устал, снимая эпизод по кусочкам. Во время одного из таких вынужденных перерывов один мой родственник, молодой парень, познакомил меня со своим сверстником. Забыл вам сказать, что в конверте, вместе с письмом лежала фотография с надписью: «Это мой сын Нугзар. Фотографию прошу вернуть мне, если это вас не затруднит». Ни фотографии, ни ответа на письмо не получила от меня горем убитая мать. Сейчас, когда я пишу эти строки, на столе передо мной лежит эта фотография. Снимок сделан летом, возможно, в городском парке, а может быть, где-то на одном из приморских курортов. Нугзар сфотографирован с двумя девушками. Стройный, ладный. Умный открытый взгляд. Таким я его помню, когда познакомился с ним в Кутаиси у входа в парк. Оказалось, он любил и хорошо знал литературу, читал и помнил мои произведения и произведения писателей моего поколения. Что и говорить, я был удивлен и заинтересован.

Примерно сколо полчаса мы беседовали, стоя перед парком или, как говорят местные жители, на «краю парка». Парень, который приходился мне родственником, предложил:

— Пошли к Нугзару, поиграем в нарды, если есть время.

Я согласился, хоть я и не был большим поклонником этой игры. Отпросился у режиссера, который фактически не особенно во мне нуждался, взял с собой приятеля, считавшего себя крупным знатоком игры в нарды, и мы все вчетвером отправились к Нугзару, который жил в маленькой комнате недалеко от педагогического института.

Жил он один, а не с матерью, у которой, как видно, была уже другая семья. Ни галереи, ни ступенек, вход прямо со двора. В комнате было полно книг. Прямо напротив двери стоял книжный шкаф, справа от него тахта, перед тахтой плетенная из тростника этажерка, тоже сплошь заставленная книгами. За стеклом книжного шкафа были выставлены произведения наших молодых писателей. В то время эти книги выходили сериями, были все одного формата и на обложке каждой из них были помещены портрет и факсимиле автора. Как сейчас

помню портрет Эдишера Кипиани, который я увидел сразу же, как только мы вошли в дом.

Начали мы играть. Вернее, начали они играть, я же предпочел роль зрителя и сразу же (у меня, как и у многих, есть такая привычка) стал рассматривать книги, а иногда между делом поглядывал в сторону игроков.

Хозяин с поразительной легкостью выигрывал то у одного, то у другого. Те едва успевали уступать место друг другу. Играли на деньги. Правда, сумма была незначительная, но так или иначе играли они на деньги.

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вошла мать Нугзара, которая была чем-то сильно взволнована. Даже не поздоровавшись с нами, она тут же накинулась на сына с упреками и чуть ли не с криком. Парень поблудил, всячески пытался успокоить мать, боялся, что она, утратив самообладание, поставит гостей в неловкое положение. Признаться, так оно и случилось, хоть мы и виду не подали. Напрасно старался Нугзар разрядить обстановку.

— Ты почему не занимаешься? — респекала мать сына. — На что ты тра-тишь время? — и так далее.

Мы встали, попрощались и вышли. Мы бы и раньше это сделали, но нам хотелось как-нибудь сгладить неловкость, из-за которой Нугзар был просто-таки удручен и растерян.

Мы с приятелем сели в машину, и в этот самый момент увидели бежавшего к нам Нугзара. Вначале мы решили, что он хочет ехать с нами, но, как оказалось, дело было в другом. Сперва он извинился за случившееся, а потом стал возвращать моему приятелю выигранные у него деньги. Тот не хотел их брать, даже обиделся, но Нугзар все же настоял на своем, сказав при этом, что игра, мол, была несправедливой, а так, ради развлечения. Он попрощался с нами и стоял на тротуаре, засунув руки в карманы, грустный и растерянный.

С того самого дня я никогда не видел этого парня и вдруг неожиданно узнал, что он погиб на заводе при исполнении служебных обязанностей.

Как выяснилось позднее, Нугзар работал на автозаводе, заочно учился и отлично сдавал экзамены, честно трудился, много читал. Одним словом, был таким парнем, которым, несомненно, можно было гордиться.

Что должен был я ответить на это письмо? Как мог я утешить мать, которая, говоря ее же словами, утром отправила на работу сына здоровым и невредимым, а вечером ей принесли его мертвым. Разве мог успокоить ее мой ответ тогда? Или же сейчас — что принесет он ей, кроме боли? Какой помощи ждала она от меня. — думал я и ничего не мог придумать. А время шло, и, как это часто бывает в жизни, случай этот постепенно стерся из моей памяти.

В один из дней ко мне на работу пришла женщина в трауре, которая, к моему удивлению, оказалась матерью Нугзара. Она специально приехала из Кутаиси, для того чтобы встретиться и поговорить со мной. Трудно было узнать в ней ту женщину, которую я когда-то видел в Кутаиси, Похулевшая, надломленная, вся в черном, она сбивчиво о чем-то говорила. На груди у нее висел медальон с фотографией сына. Из этой печальной беседы, так же как из предшествующих ей писем, я не мог понять толком, чего же конкретно хотела от меня эта бедная женщина. Одно было ясно: ей хотелось, чтобы я что-то написал. Но что? О Нугзаре Мазминашвили писали в местных газетах группа друзей и рабочие завода. Но мать, как видно, не была этим удовлетворена. Вряд ли и сейчас найдет она утешение в этом моем рассказе — или запоздалом ответе. Разве сможет она когда-нибудь примириться с мыслью, что нигде никогда не увидит больше своего сына, молодого, полного сил и энергии? Чего она хотела?! Наверное, того, чтобы образ ее мальчика никогда не стерся из памяти окружающих. В этом она как бы находила оправдание своему «незаконному» существованию на земле.

Повторяю, что всего лишь раз, и то ненадолго, я встретился с Нугзаром. Но и сейчас вижу перед собой его взгляд, ясный, внимательный, умный. Слово-но совсем недавно простился я с ним, а он стоял на тротуаре, засунув руки в карманы, грустный и растерянный. Помню его маленькую комнату с книгами, портрет Эдишера Кипиани.

Парень, который так любил книги, любил своих писателей и свой народ, не мог быть плохим человеком. Он учился, работал, любил, играл, читал и сам, наверное, писал. Любил землю, на которой жил. Погиб на «трудовом фронте», потому что трудился. Не растрачивал жизнь впустую, и печально, что его уже нет. А еще печальнее то, что он не успел ничего совершить, не успел достичь той славы, о которой мечтала мать и которую он, наверное, завоевал бы, если бы не случай — нелепый и жестокий.

Так уж устроено, что в основном нашу землю населяют люди рядовые, «безымянные», духовная и физическая энергия которых помогает многим приобрести славу. Без этих рядовых людей мир перестал бы существовать.

Коротка наша жизнь, и мы не вправе расстрачивать ее бездумно, без оглядки. Не вправе поступиться жизнью лучших сыновей земли и приписать это воле слепого случая.

Что оставил Нузгар после себя в этой жизни? Оставил честное имя хорошего парня. Оставил грусть несбывшейся мечты.

В ясную безветреную ночь падают звезды. Одинокий путник на проселочной дороге или истосковавшийся по суше моряк на борту корабля, глядя в звездное небо, увидит, как вдруг, всего лишь на миг, что-то вспыхнет и погаснет. «Звезда упала», — говорим мы в такие минуты.

АЛЬФРЕД НОБЕЛЬ родился в 1833 году в Стокгольме, скончался в 1896 году в Сан-Ремо. Жизнь свою он посвятил изучению взрывчатых веществ. В 1867 году получил патент на производство динамита, чем и прославился. Согласно завещанию Нобеля были учреждены ежегодные премии: одна в области физики, химии, физиологии и медицины, вторая в области литературы и искусства и третья — в деле установления мира на земле. В 1904 году, через семь лет после смерти Нобеля, была впервые выдана премия, которую по сей день регулярно присуждают наиболее выдающимся людям. Теперь имя Нобеля навсегда связано с вопросами гуманизма, мира и прогресса. Что же принесло открытие Альфреда Бернардовича Нобеля жителям села Букнури — об этом вы узнаете после.

В селе Букнури на душу населения приходится около десяти килограммов аммонала, а по потреблению динамита село это превосходит более или менее развитые капиталистические страны.

Село Букнури расположено на юго-западных склонах горы Накерала. Там же находятся знаменитые залежи каменного угля и шахты. Само собой, это обуславливает обилие динамита. Правда, не только этим привлекает внимание это село. Вряд ли где-нибудь в другом уголке земли вам доведется встретить инвалидов, наделенных такой необычайной работоспособностью, как здесь. Немало здесь живет безруких и беспальых, и будь этот край не так заброшен, слава о них прошла бы далеко за пределы республики. В Букнури и сегодня можно встретить крестьянина, который, привязав к своей единственной руке мотыгу, как ни в чем не бывало обрабатывает землю. Отсутствие на руке трех или четырех пальцев в счет не идет, а если при этом уцелел большой палец, то это воспринимается как большое везение и человека этого считают абсолютно здоровым, а порой и подозрительным.

Жители села Букнури динамит применяют в сельском хозяйстве, для выяснения отношений друг с другом и даже как предмет развлечения.

Вряд ли помнят букнурицы день, когда при помощи динамита выгудили они последнюю растерзанную рыбежку из реки. Во всех водоемах Букнури не водится уже ничего, кроме головастиков.

Динамит, по мнению букнурицев, обладает одним весьма существенным недостатком. Им не запустишь в летящую или сидящую на телеграфном проводе птицу. Зато его легко можно забросить в лисью или же барсучью нору, а при желании привязать... к хвосту кошки!

В праздничные дни, особенно во время свадеб, динамит незаменим. Не раз бывал я свидетелем таких вот сцен:

Лунная ночь. Букнуриские сваты везут невесту из Шухери... Звучит песня и т. д. Стоит им только приблизиться к дому, миновав последний, покрытый желтым ковром лютиков склон, как на балконе одноэтажного домика раздается чей-то голос: «Жених едет!» — и немедленно вслед за этим воздух оглашается взрывами динамита. Великолепное зрелище являет собой Букнури в такие ночи.

За праздничным или же траурным столом хозяйка дома, обворожительно улыбаясь, вежливо просит гостей сдать ей имеющийся у них динамит, который она обещает вернуть в целости и сохранности по окончании пиришества. Гости добросовестно выполняют просьбу, опорожня набитые карманы. Никто не садится за стол, имея при себе динамит. Традиция эта нерушима, когда букнурцы пьяны. Трезвые же они нарушают ее с поразительной легкостью. По моим личным наблюдениям это обусловлено тем фактором, что рыба в этих краях исчезла совсем или же, как утверждают местные жители, переродилась в головастики. Лис и барсуков и духа не осталось. В птичку на дереве, как я уже говорил, не попадешь. Что же остается делать этим людям? Приходится взрывать динамит на пари, во время праздников, а иногда и просто без причины, хотя это еще нужно уточнить. Когда я говорю взрывают, это не значит, что взрыв происходит где-то далеко. Взрывают динамит обычно где-то поблизости от себя, а иногда и просто под ногами. Степенью дальности взрыва определяются мастерство и отвага того, кто взрывает, сумма или количество пари. К примеру, динамит взрывают на расстоянии десяти метров, пяти и ближе. Есть и такие, которые взрывают в трех, двух, одном метре от себя, и соответственно здесь можно встретить одиурных, двупалых, однопалых.

В прошедшем хозяйственном году в Букнури скончался прославленный рыбак-динамитчик Доментий Мелкадзе, которому было больше восьмидесяти лет. Говорят, что Доментий уничтожил при помощи динамита огромное количество рыбы, но это было очень давно. В незапамятные времена. Впрочем, по моим подсчетам, возможно, и не так давно, потому что в Букнури и сейчас можно встретить живого свидетеля, способного подтвердить сказанное или же поделиться собственными воспоминаниями о том, как старик тащил из воды нанизанную на прутки растерзанную рыбу.

— ... В те времена, дорогой мой, водилась в реке рыба, вот он ее и ловил. а попробовал бы сейчас... Опыт и умение не помогут, если нет рыбы... Эх, прирда уже не та, все изменилось, батона, все изменилось.. — грустно вздыхает почтенный букнурец.

Короче говоря, скончался этот Доментий Мелкадзе. Похоронили его с почестями, как и подобает: на похоронах, оказывается, присутствовали представители рыбаков-динамитчиков всей Грузии. За столом сидел человек пятьсот. Каждый по возможности отдал свой моральный и материальный долг. Сколько было внесено на похороны и сколько потрачено — не могу вам сказать точно, да и стоит ли об этом говорить.

Опустили нашего Доментия в могилу. Оплакали его близкие напоследок. Не пожалели ни слез, ни аммонала, ни горсти земли. Организаторы же решили почтить память покойного по-своему, как этого требовал обычай. Оказывается, специально для этого мероприятия было отобрано несколько отважных парней, вооруженных динамитом. Доментий, мол, царство ему небесное, любил динамит, прославленный был рыбак (за всю свою жизнь ни разу не взял в руки сеть), и без динамита не будет покоя душе его на том свете, — сказали они, и грянули взрывы. С треском посыпались на землю ветви липы.

Тут откуда ни возьмись, неожиданно, появился сторож кладбища Варден Кучухидзе. Ему было поручено смотреть за порядком в деревне, поэтому никто не ожидал его увидеть здесь, на кладбище.

Варден Кучухидзе сорок лет проработал в каменноугольных шахтах. Выхлопотал себе высокую пенсию. От работы в колхозе увернулся. Оставил за собой участок, дочерей выдал замуж, оформился кладбищенским сторожем (для чего кладбищу сторож?) и, короче говоря, зажил припеваючи. Дело в том, что в шахтах он работал подрывником, а это значит, что он постоянно имел дело с динамитом. Поселившись же в деревне, старик никого не обучил своему делу, не поделился ни с кем многолетним опытом, хотя, говоря по правде, его и не просили об этом. Даже на консультацию к нему ни разу никто не приходил.

Появился Варден Кучухидзе на кладбище и заорал:

— В чем дело, что за грохот тут без меня?! Пока что мне доверили следить за этим местом, и, в конце концов, этот вопрос надо было согласовать со мной. Кто я здесь, по-вашему, никто?.. Если на то пошло, я любил своего крестного отца Доментия ничуть не меньше, чем вы.

— Да, любил он его... — подтвердил один из присутствующих.

— Дайте тогда и мне динамит. Я тоже почту его память по-человечески!..

— Дать? — спросил один из них.

Наступило молчание. Затем стали перешептываться.

— Ты пьян, Варден. Иди лучше своей дорогой! — посоветовал кто-то.

Варден не на шутку обиделся.

— Кому ты говоришь это, парень? Молоко на губах не обсохло, а меня уму-разуму учишь? Пьяный я или трезвый, не имеет значения. Всю жизнь проработал в шахте. За свой век вдохнул угля весом с тебя!...

Аргумент оказался веским, и Вардену Кучухидзе вручили динамит. Варден затянулся сигаретой и ею же запалил шнур.

— Давай, дедушка Варден, поторопись! — взмолился один из парней и на всякий случай спрятался за дерево.

— Поспешишь — людей насмешишь. Знаешь ты, что такое динамит? Я сначала в уме считаю. А когда надо бросать, не тебе меня учить...

— Уничтожит он нас всех... — пробормотал кряжистый крестьянин, и динамит взорвался в руках у Вардена.

До скольких он посчитал в уме, никто не знает, но то, что сбился со счета, — сомнения не было. Он лежал на влажной земле подле свежей могилы и глухо стонал...

— Не бойся, дядя Варден, мы все живы! — успокаивал его кто-то.

— Пусть всех вас в один день холера заберет! — простонал Варден.

— Правую руку, кормилицу свою, потерял ни за что! — с сожалением проговорил тот самый кряжистый крестьянин, который первый предсказал беду.

Лучи заходящего солнца окрасили желтым неухоженные могилы, ржавые решетки, камни, поросшие мхом.

У разрушенной стены старой крепости стояли двое молодых мужчин. Один из них был заведующим клубом Букнури, второй — тбилисец, приехавший на похороны Доментия Мелкадзе.

— Что-то ты забыл нас, Гоги!.. Не приезжаешь уже сюда.. Как-то увидел тебя по телевизору и так приятно стало на сердце... Очень я рад твоим успехам, очень... — говорил захмелевший на поминках заведующий клубом.

Гоги было не по себе от этой похвалы. Видно было, что он только и ждет предложения, чтобы поскорее уйти.

— Я, как видишь, застрял в этой деревне, никак не выбрался, а годы пролетели как один день!...

— Хорошая деревня... — нехотая сказал Гоги.

— Да, воздух и вода здесь хорошие, — подтвердил заведующий клубом.

На окрестные холмы опустились сумерки. Стадо возвращалось в деревню, позвякивая колокольчиками.

— А у тебя, вроде, все прекрасно — чудесный дом, дети...

— А разве дело только в этом, Гоги! Взгляни, какие огромные здесь дома у людей!.. Разве это главное, Гоги? Разве дело только в домах?!

— Ну, и в этом тоже... И люди тебя ценят, уважают...

— Какие люди, где тут люди? Звери они, вот кто... Напиши, Гоги, о нас что-нибудь, напиши, если хоть немного меня уважаешь... Напишешь?

— Не знаю, посмотрим.

— Гоги, помнишь, как мы в студенческие годы на гастроли ездили? Какое время было, правда? Помнишь Шалву Хелашвили? Где он сейчас, чем занят, жив?

— Не могу тебе сказать, давно не виделись...

— А Гулико Бокерия где сейчас?

— Понятия не имею. Кажется, вышла замуж.

— Хорошая была девочка, правда?

— Да, хорошая была...

— Застрял я, Гоги, в Букнури... Когда слышу о тебе, душа радуется, Гоги, клянусь... Недавно видел тебя по телевизору... Да... Я тоже устроился хорошо. Увидишь, порадуешься, но дело ведь не только в этом! Разве я не прав? Нет, если я неправ, скажи мне прямо!

— Прав, наверное.

— Хотел «Царя Эдипа» поставить, когда только приехал сюда... С ними поставишь «Эдипа»... Это разве люди?... Напиши, Гоги, что-нибудь о нас, непременно напиши! «Царь Эдип»... Каково, а?..

Гоги молчал. Заведующий клубом с трудом прикуривал сигарету. Ветер тушил огонь. Заведующий клубом качался и снова зажигал спички. Казалось, что и руки у него дрожат. В вечерних сумерках Гоги не смог разглядеть, плачет или нет заведующий клубом. Хотелось уйти отсюда, но что-то заставляло его стоять. Какая-то непонятная грусть завладела им. Никак не мог он понять, почему этот человек хотел поставить именно «Царя Эдипа», а не что-нибудь другое.

ОТКРЫТОЕ письмо

*«Если правая твоя рука соблазняет тебя,
то отсеки ее и брось от себя»..
Евангелие от Матфея.*

1. У БОЛЬШЕЙ половины человечества рука обыкновенная. Кисть округлая, большой палец короткий, остальные пальцы средней длины и толщины. Отсюда и название «обыкновенная рука». Если спросить меня, я бы такую руку назвал «ковшеобразной». Владелец такой руки ничем особенным не выделяется, не наделен никакими индивидуальными качествами и вполне заслуживает имени обыкновенного человека.

2. Лопатообразная рука с сильно развитым подвижным большим пальцем характерна для интеллигента из низов. Да и сама форма руки с соответствующим ей названием говорит о плебейском происхождении ее обладателя. У таких людей развито чувство долга и справедливости. Инстинктивный ум и сообразительность преобладают над интеллектом. Восприятие мира у них реальное. К примеру, они знают, что Земля вращается вокруг Солнца, хотя предпочли бы обратное, как и есть «на самом деле». Арифметику любят больше, чем математику.

3. Узкая длинная ладонь и соответственно длинные пальцы и ногти характерны для руки артистической. Такая рука, как правило, привлекает внимание окружающих изяществом кисти. Владелец ее чувствует это и всегда следит за движением своих конечностей, вследствие чего у него поневоле вырабатывается не лишняя определенная позы жестикация. Труд, в настоящем смысле этого слова, он не любит, порой даже презирает. Люди эти чувствительны, нервные, неуживчивы. Обычно они курят. В них больше цинизма, чем юмора. Такая рука встречается у профессиональных карманников, у душевнобольных чаще, чем у людей искусства, у артистов, откуда, собственно, и происходит название этой руки.

4. Практическая рука негнущаяся и большая, относительно туловища конечно. Пальцы четырехугольные, основания фаланги вогнуты. Образ жизни этих людей размеренный, однообразный. Любят одеваться и затрачивают на это довольно много времени и энергии, и все же представление о моде, о стиле имеют скорее общее, чем конкретное. Карьеризм, лицемерие, погоня за должностями — одно из основных занятий этих людей.

5. Философская рука узловатая, на первый взгляд оставляет впечатление деформированной. Жиллистая, с явственно проступающими венами. Большой палец слегка отогнут, сильно развит, отличается подвижностью. Люди с такой рукой любят споры, рассуждения, любят говорить морально-эстетическими категориями.

6. Духовная или интеллектуальная рука отличается изнеженностью и мягкостью линий. Контуры пальцев расплывчатые. Ладонь, пальцы, фаланги оставляют впечатление одного целого. Большей частью это гордые люди. Они непрактичны, подвластные мечтам. Живущие неосуществимыми стремлениями, поклоняющиеся красоте, они в основном тщеславны, и это главное в них. Жестокость, сентиментальность и беспощадность одновременно проявляются в них, когда тому благоприятствуют время и ситуация.

Существуют смешанные типы рук, и человеку неосведомленному нелегко будет в них разобраться. Поэтому я для начала предложил вашему вниманию шесть общеизвестных типов рук. Говоря проще и доступнее (между прочим, с этого мне и надо было начинать), я мог бы отметить, что руки бывают: мягкая, твердая и грубая. Мягкая — признак лени, твердая говорит о твердости характера, грубая — свидетельство глупости и так далее; но таким образом я ввел бы вас в заблуждение, внес бы непростительное смятение в вашу жизнь, так как столь поверхностная характеристика рук основана на ошибочных наблюдениях, хотя с первого взгляда может показаться правильной.

Дело же обстоит сложнее, чем это представляется сторонникам обобщенно-поверхностной теории.

Помимо руки со смешанными признаками, что является следствием двоения характера, разорванного сознания, беспорядочного смешения ген, существует еще множество различных подгрупп, определяющих какое-либо одно основное свойство характера. Расшифровать эти признаки не так уж трудно, но сейчас не стоит на этом останавливаться.

Рассмотрим пока большой палец, который физически и условно состоит из двух частей: первой верхней и второй нижней. Сильно развитая и подвижная верхняя часть говорит о жизнелюбии и ясности ума. У идотов и олигофренов большой палец не сгибается совсем. Когда верхняя половина большого пальца не только подвижна, но и длиннее обычного, в человеке проступают черты тирана, угнетателя и даже садиста. Короткий большой палец говорит о слабости характера, безволии и т. д.

Вторая или нижняя половина большого пальца олицетворяет логику, верхняя же — волю и мощь. Иногда нижняя половина большого пальца бывает длиннее верхней. Такие люди обычно живут в мире несбыточных идей и планов. Без риска и вспышек, лишённые всяких импульсов, плывут они по течению жизни. Воля их подчинена логике, а мечты и разговоры заменяют дело.

Люди, у которых обе части большого пальца равны по длине и степени подвижности, отличаются выдержкой, чувством такта и деловитостью. Тем не менее большой палец как независимый компонент ни в коем случае не может дать полное определение характера человека. Он должен быть изучен только в соответствии со всеми остальными признаками.

Отец мой был торговцем, а говоря деликатнее, работал в торговле. Сам не знаю, что заставило меня взяться за это дело. Дед мой был крестьянином, отец, как я уже сказал, работал в торговле, и мог ли я когда-нибудь предположить, что вся жизнь, судьба моя, карьера, будущее будут зависеть от добра и зла, таящихся в моей правой руке. Скажу прямо, я не рабочий, не пианист, не писатель, не барабанщик, но вряд ли найдется человек, которому его правая рука пригодилась бы больше, чем мне. Ну кто я, в самом деле, если разобраться? Сам не знаю. Одно только могу сказать, что я уже достиг вершины своих возможностей и теперь от меня ничего не требуется, кроме того, чтобы бить в ладоши и пожимать руки. Если думаете, что этого мало, ошибаетесь.

Отец мой любил повторять: пусть каждый здравствует так, как позволяет ему его правая рука. Значения и смысла этих слов в то время я не понимал, тем более что видел перед собой отца, имеющего дело со счетами, квитанциями и деньгами. Конечно, в этом деле тоже нужны руки плечи и, между прочим, голова. И все же правая рука в моем представлении была связана с мотыгой, плугом, пашкой, маузером и, на крайний случай, с чайным стаканом.

Блаженной памяти мой дед лежал, сложив руки, на груди, готовый отправиться в последний путь, а говоря нормальным языком, лежал в гробу, и у изголовья его горели большие свечи. Дочки причитали над ним: «жизнь свою не пожалели бы ради этих рук, какие они у тебя большие»... И действительно, скрепленные пальцы его напоминали те большие свечи, которые горели у его изголовья. Было видно, что человек этот всю свою жизнь трудился не покладая рук. Вот кто мог гордиться своей правой рукой. С тех пор не раз говорил мне люди: «правда, мол, какие большие руки были у твоего деда!»...

Пусть каждый здравствует так, как позволяет ему его правая рука, часто говорил мой отец. В таком случае, между мной и дедом должна была образоваться пустота, так как отцу моему не пришлось бы здравствовать совсем. Дед мой жил и здравствовал милостью своей правой руки, своим трудом, мотыгой, плугом, косой, и я здравствую милостью своей правой руки, не то что мой отец, заслуженный работник торговли.

Именно на похоронах деда я впервые обратил внимание на то, сколько существует на свете всевозможных типов рук. Убедился же я в этом окончательно в день похорон, когда к нашему дому потянулась вереница людей, желающих отдать свой последний долг моему деду; выразить почтительное соболезнование моему отцу и мне самому — к тому времени я уже защитил кандидатскую диссертацию. К нам подходили, пожимали руки каждый по-своему: почтительно, робко, сочувственно, милостиво, фамильярно, дружески, отечески, матерински, братски и еще бог весть как. Подавали нам руки быстро, спокойно, лениво, равнодушно, основательно, нежно, но без тепла, небрежно и так далее. У одного рука была узловатая, у другого обветренная, у третьего ее вовсе не было. Попадались руки волосатые, гладкие, скрюченные, обрубленные, прямые, жесткие, дряблые, сухие, дрожащие, теплые, холодные, горячие и другие.

О различиях форм руки, о структуре пальцев, о линиях жизни, а также о буграх и узлах порока я в то время не имел еще ни малейшего представления. Лишь много лет спустя заинтересовался я этим вопросом, но, как мне ка-

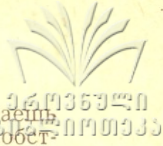
жется, именно с того самого дня завертелось колесо моей жизни и остановилось на том, что судьба моя и будущее мое зависят теперь от моей правой руки. Дед мой Сардион держал в руках мотыгу, я же взялся за перо. Три раза переписывал я набело свою докторскую диссертацию. Ничего страшного в этом нет, но дело в том, что больше всего на свете я не люблю писать. Много есть в жизни такого, чего я не люблю делать, но писать я всегда ненавижу. Начиная с первого класса и до того времени, пока я сделался профессором, мне приходилось писать, после чего я сам же подолгу не мог разобраться в своих каракулях. Каждый раз, когда моя бедная мать вырывала из тетради лист, исписанный моим корявым, неразборчивым почерком, я часами плакал, отказываясь писать заново.

Так или иначе, именно при помощи пера с трудом пробил я себе дорогу, достиг положения и решил, что пришел конец моим страданиям. Но как у нас говорится, человек предполагает, а дьявол смеется. Меня повысили, назначили на административную должность. Единственное, что от меня требовалось, это расписываться. Приносили мне бумаги, я кучерявил на них свою подпись и тянулся все выше и выше. Наконец я очутился на таком месте, откуда боялся глянуть вниз. Признаюсь, я достиг уже предела своих возможностей, и, как выяснилось, от меня уже не требовалось ничего, кроме того, чтобы бить в ладоши и пожимать руки. Пытаюсь вспомнить, может быть, еще что-нибудь входило в мои обязанности тогда? Но бог свидетель, что ничего, кроме этих двух дел, от меня никто никогда не требовал, это я помню хорошо. Сейчас времена изменились. Говорят, надо заняться делом. Как это так? Разве то, что я делал, не было делом? Бить в ладоши еще ничего, никто от этого не умирал, а пожимать руки? Вы, наверное, скажете: а что в этом трудного? Напрасно вы так думаете. Не раз мне казалось, будто я снова на панихиде своего деда Сардиона. Уставал я очень, но не в этом дело. Не тресни у меня в один прекрасный день кость фаланги, будь я проклят, если хоть чем-нибудь выразил бы я свое недовольство. Правда, до самого вечера, а точнее — до следующего утра я не почувствовал ничего особенного. Зато потом, чем дальше, тем сильнее ломило палец. Ломота перешла на сердце и ударила прямо в мозг. Ритмично, как секундомер, с равными промежутками, что-то пульсирует у меня в голове. Вынести это почти невозможно. Не знаю как быть: Никому не могу открыться. Если обратиться к врачу, меня начнут лечить, а лечение будет заключаться в том, чтобы на какой-то период дать руке отдохнуть, что означает не пожимать рук, то есть не работать. Вылечат мне руку, а за это время, того и глядишь, потеряю работу. Где-то, кажется, я проговорился, признался кому-то, что болит, мол, рука. Наверное, у себя дома. Так или иначе, слух об этом просочился. Говорят, на мое место уже готовят подходящую кандидатуру. А может быть, это одни разговоры и дело обстоит иначе. В конце концов, не стану я так просто уступать кому-то свою должность. Пусть только попробуют, посмеют доказать, что у меня больная рука. Не знаю, как насчет того, чтобы посметь, но доказать они пока ничего не смогут. Пока... Как видите, я уже сомневаюсь. Неужели меня снова загонят в науку, с которой я вот уже двадцать два года как распрощался? Значит, я потеряю кабинет, кресло, машину, секретаршу, уважение, славу, праздники и церемонии!... А пока что мне все немилосерднее пожимают и пожимают руку. А рука все болит и болит. И если узнает об этом хоть кто-нибудь, совсем мне ее сломают, ласково улыбаясь при этом. Хорошо еще, что никто не знает, какие невыносимые муки приходится мне испытывать.

Хотя... Почему так решительно направляется ко мне этот человек? Почему трясется у него челюсть и закушена губа, если ничего дурного он не задумал? Вот он приближается ко мне с протянутой для пожатия рукой. Как быть? Куда убежать? Может, подать ему только пальцы и на этом кончить? Как бы не так!левой рукой он берет меня за запястье, а правой нещадно трясет мою руку в знак уважения, благодарности и еще какой-то чертовщины. А вот и второй. Это уже мужчина как мужчина. Образованный, интеллигентный, из хорошей семьи, из прекрасной среды. Уже по лицу его можно определить, к какому пункту моих исследований он относится. Возможно, рука у него смешанная или переходная, но ясно одно, что для меня он не опасен. И действительно, не поймешь, что вложил он вам в руку: ладонь или утиное крыло. Если же когда-нибудь ему улыбнется удача, если удастся достичь вершины своих стремлений, вот тогда он даст вам почувствовать силу своей руки.

Руки — это не то, что думают некоторые поэты. Это не только руки матери, оставившие след на горячей кукурузной лепешке. В городе N у меня был дядя. Работал он начальником финотдела. Было то самое время, когда мы единым фронтом боролись против сапожников, ювелиров, слесарей и разных других мелких ремесленников.

— Не работаю я, батона, ничем не занимаюсь, сижу себе без дела!... — приbedнялся один из них, оправдываясь перед моим дядей.

— Выверни ладони! — приказывал мой дядя, начальник финотдела. Ремесленник показывал ладони.

— Ах ты мерзавец! Это называется не работаешь? Знаю тебя. Работаешь ты, рабочий ты, мастеровой, ремесленник, частник, надомник, живешь советскими интересами, сгною тебя, удавлю!..

— Выверни ладони! — приказывал он второму, третьему, четвертому, пятому.

— Лудильщик ты, точильщик, ювелир, негодяй! — безошибочно определял он.

В том же городе N жил и работал Габадашвили Эрмиле, заслуженный опытный работник.

— Честным трудом зарабатываю себе на жизнь, рабочий я, батону начальник, уважаемый Эрмиле! — говорил ему арестованный.

— Выверни ладони!

Тот выворачивал.

— Вот ты карманник! — разоблачал его Эрмиле.

— Как ты догадался, начальник?! — гримасничая, улыбался арестант.

— Молчать!.. Взгляни сюда... Видишь, какой у него длинный отогнутый влево указательный палец! — говорил бывало Эрмиле еще неопытному со-труднику.

Этому Эрмиле Габадашвили достаточно было только раз взглянуть на руку, чтобы он тотчас же с поразительной точностью определил, к какому разряду воров принадлежит тот или иной человек. Безошибочно угадывал он, кто перед ним: взломщик, карманник, грабитель, бандит или аферист. Одним словом, это был человек с большим опытом. К примеру, арестовывает он кого-то ночью и должен его вести туда, куда нужно. Он не говорит ему: «руки вверх» и не заставляет его плестись с поднятыми руками. Этого еще не доставало! Или, вы думаете, он надевал на него наручники? Как бы не так! Стал бы он утруждать свой слух бряцаньем железа! К тому же, в закованном в цепи человеке всегда сохраняется какое-то достоинство, что-то такое, что вызывает сочувствие и уважение окружающих. Поэтому этот Эрмиле снимал с арестованного ремень, спарывал пуговицы с брюк — и айда! Беги если можешь. Но куда убежишь, когда приходится держать собственные штаны, чтобы не свалились. Бежать трудно не столько технически, как морально, когда чувствуешь себя обезличенным и уничтоженным настолько, что пропадает всякое желание быть свободным. И хоть никто и не собирался бежать, Габадашвили все же направлял свет фонаря не в лицо, а в руки арестованному и — «интеллигент несчастный» — бормотал он про себя.

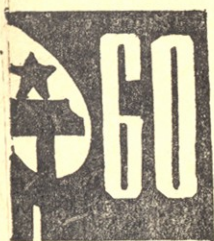
Но у немного отвлекся. Каксе мне дело до Габадашвили, когда сам я в таком бедственном положении! Сам не знаю, что у меня с рукой. Не то трещина, не то растяжение. Пойти на рентген не решаюсь. А вдруг потеряю способность пожимать руки? Может, приспособить к руке что-нибудь вроде протеза? Какой вздор... А если кое-кому подавать левую руку? Нет, не получится. Ведь кое-где за границей левостороннее движение?.. Хотя какое отношение имеет это к руке? Хлопать в ладоши я еще могу, а пожимать руки... Посмотрим, может, бог помилует. Заняться делом? Если начать просто суетиться, затерется мне это? Кто знает... А рука все болит и болит. Ломит. Ломота переходит на сердце и ударяет в мозг, ритмично, словно часовой механизм.

Не думайте, что я хочу вас разжалобить. Не для того я пишу, чтобы вызвать к себе сострадание. На это я не надеюсь и не нуждаюсь в этом. Будь что будет. Не миновать того, что все равно должно случиться, даже если ладонь ваша сплошь испещрена линиями счастья и удачи. Правда, линия судьбы у меня неплохая. Большой палец и сама рука тоже не безнадежны, но все дело в том, что я совсем не верю в эту хиромантию. Не верю не только потому, что ее считают лженаукой или еще какой-то там чертовщиной, а просто так. Вообще, в этой жизни я ни во что не верю. Правда, это не имеет никакого значения. Я ведь не собираюсь ничего доказывать или открывать. И все-таки один мой совет вы непременно должны запомнить. Искренний он или нет, разберитесь сами:

Теоретическую часть моего письма, написанную довольно кратко и сумбурно, не берите в качестве руководства, не делайте заповедью мои высказывания. Если вдруг все обойдется, то в ближайшее же время я задумал опубликовать довольно пространный трактат, с помощью которого вы легко сможете освоить азбуку общей хиромантии.

В общем, всего хорошего. Дело мое пропащее, а вам я пожелаю здравствовать так, как вам позволяет ваша честь и ваша правая рука!

Перевод Гины ЧЕЛИДЗЕ

Великий Октябрь

и Грузинская литература

1925—1930 годы развития грузинской советской литературы совпали с теми годами строительства социализма в нашей стране, когда партия встала на путь индустриализации и коллективизации. Интересы торжества социализма в Советском Союзе, защиты страны, находящейся в капиталистическом окружении, события, связанные с переходом единоличного крестьянского хозяйства на коллективные рельсы, ставили перед партией задачу социалистической индустриализации страны. Это была нелегкая задача. Особенно большие трудности ее осуществление встречало на окраинах бывшей Российской империи.

До установления Советской власти в Грузии слабо была развита промышленность. Такие ее отрасли, как металлургия и машиностроение, находились по существу в зачаточном состоянии. Добыча угля, запасы которого в Грузии были значительны, производилась кустарным способом.

Создание тяжелой промышленности в Грузии началось с первых дней Советской власти. Благодаря осуществлению ленинской национальной политики республика встала на путь индустриализации. Этому способствовала большая и бескорыстная помощь, которую оказывала Грузии Советская Россия. Строительство Земо-Авчальской гидроэлектростанции, сооружение значительного числа фабрик и заводов явились наглядным доказательством этой братской солидарности и помощи.

Партия взяла также курс на ускоренное развитие отсталого сельского хозяйства национальных республик, в том числе и Грузии. Этой цели служила коллективизация сельского хозяйства, уничтожение кулачества, объединение усилий бедняцких и середняцких крестьянских масс во имя общей цели.

То была пора исторических перемен, революционных преобразований в городе и деревне.

Эти исторические события в нашей стране сопровождалась борьбой за чистоту идей ленинизма, против попыток оппортунистских или левацких отклонений от этой линии. Были разгромлены троцкисты и бухаринцы, осуждены ошибки в колхозном строительстве.

Основное ядро грузинской литературы в эти годы решительно поддержало усилия Коммунистической партии и Советского правительства и поставило художественное слово на службу народу. Этот период характеризуется решительным переходом старшего поколения писателей на платформу Советской власти. Курс на сотрудничество с новой властью взяло в это время и подавляющее большинство технической интеллигенции. Этот коренной поворот особенно наглядно проявился к десятой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Достаточно пересмотреть грузинские газеты и журналы этого периода, чтобы убедиться в справедливости такого вывода. На десятую годовщину Октября откликнулись по существу все крупные грузинские писатели.

В одном лишь журнале «Мнатоби» было напечатано около двадцати произведений, посвященных знаменательной дате, в том числе: «1917 год» Г. Таби-

Продолжение. Начало в №№ 3, 4, 5, 7.

дзе, «Ленин на броневике» С. Шаншиашвили, «Октябрю» Г. Кучишвили, «Октябрь в Тбилиси» Р. Гветадзе, «Ленин и Октябрь» Д. Сулиашвили, «От Октября до 1927-го» С. Чиковани, стихотворения А. Машашвили, К. Каладзе, К. Лордкипанидзе, Э. Полумордвинава, В. Габескириа и других. Творческая интеллигенция активно включилась в социалистическое строительство.

Еще более значительным был шаг в направлении сближения с советской действительностью, сделанный II съездом, созванным в 1928 году. Этот съезд осудил художественную политику литературной группы «Арифони» и призвал писателей еще прочнее встать на платформу социалистического строительства. Передовые грузинские писатели единодушно разделили эту позицию.

Так, А. Абашели, в творческой практике которого ранее явственно ощущались негативные настроения, теперь писал относительно результатов этого съезда: «Второй съезд писателей Грузии ясно показал один весьма значительный факт: что два года после Первого съезда не прошли даром и широкие круги грузинского писательства включились в тот великий процесс культурного строительства, который с такой интенсивностью происходит в нашей стране. Первый съезд примирил независимые и зачастую враждебно настроенные друг против друга писательские группировки, а прошедшие годы совместной работы сблизили соперничающие группы. Если Первый съезд имел в высшей степени декларативно-организационный характер, то Второй съезд завершил организаторскую работу и энергично наметил перспективу дальнейшей деятельности»¹.

Принципиально-критическая оценка проделанной работы и установление перспектив на будущее сыграли значительную роль в сближении литературы с нашей жизнью.

Главным на съезде был вопрос об отношении советских писателей к социалистической действительности. Демна Шенгелая по этому поводу замечал: «Главный вопрос писательского съезда, вокруг которого крутились все выступавшие, был вопрос современности. Писатель вне современности — фикция. Если он не ощущает тонус и пульсацию эпохи, если он не является сыном своей эпохи и ее интересов, он неизбежно будет оторван от всех актуальных вопросов времени и стороной пройдет мимо литературы»².

На основе постановления II съезда в этот период произошло объединение литературных групп и ассоциаций: в 1928 году была создана Всегрузинская федерация советских писателей, которая просуществовала вплоть до известного постановления Центрального Комитета Коммунистической партии от 23 апреля 1932 года о реорганизации литературно-художественных организаций. Федерация объединила в своих рядах «Ассоциацию пролетарских писателей Грузии», «Академическую ассоциацию», группу «голубороговцев», левовцев и т. д.

Следует сказать, что объединение носило во многом поверхностный характер. Именно поэтому деятельность федерации характеризовалась немалыми недочетами. IV пленум Всегрузинской федерации писателей в 1930 году отметил, что ее работа была неудовлетворительной. В резолюции пленума говорилось: «Считает работу федерации полностью неудовлетворительной. Вообще руководство федерации за достаточно длительный период ее существования совершенно не выполнило задач, поставленных перед ним Вторым съездом грузинских писателей, который был в то же самое время основателем этой федерации».

Пленум потребовал решительной перестройки работы федерации: «Произвести коренной пересмотр состава федерации таким образом, чтобы в ней были объединены только такие писатели, которые определено стоят на почве советского строя и ведут общественно полезную литературную работу, связанную с текущими задачами социалистического строительства».

IV пленум организационно преобразовал Всегрузинскую федерацию советских писателей.

* * *

В развитии грузинской советской литературы величайшее значение имела животворная связь с русской советской литературой. Продолжая опираться на многовековые национально-самобытные традиции, грузинская литература творчески усваивала опыт и достижения русской литературы, создавая новую художественную культуру — национальную по форме и интернациональную, социалистическую по содержанию.

Особенно заметным и значительным было влияние на грузинскую советскую литературу творчества М. Горького и В. Маяковского. Кроме того, уже в 30-е годы были переведены и напечатаны на грузинском языке такие этапные произведения молодой литературы социалистического реализма, как «Цемент» Ф. Гладкова, «Разгром» А. Фадеева, «Поднятая целина» М. Шолохова...

¹ «Мнатоби», № 4, 1928.

² Там же.

Творчество Максима Горького стало особенно близко грузинским писателям уже начиная с 1892 года, когда в тбилисской газете «Кавказ» был напечатан его первый рассказ «Макар Чудра». В дальнейшем эта близость становилась все более тесной и в условиях советской действительности достигла

Когда мы говорим о влиянии русской литературы, в частности — Максима Горького, на творчество грузинских писателей, было бы неверным ограничиваться поисками лишь непосредственных параллелей между отдельными произведениями, персонажами или художественными пассажами. Это процесс более глубокий и сложный.

При сравнении «Тариэла Голуа» Лео Киачели с «Матерью» М. Горького или каким-либо иным произведением мы не обнаружим прямых параллелей. Но это вовсе не исключает того обстоятельства, что самый дух произведения грузинского писателя определен новаторскими литературными идеями М. Горького. Именно так следует понимать высказанное выше положение о благотворном влиянии русской литературы, испытываемом нашими писателями. То же самое можно сказать, к примеру, о миниатюрах аллегорически-революционного характера, созданных в 900-х и 10-х годах нашего столетия Ч. Ломтадидзе, Ш. Дадиани и другими. Вообще не будет преувеличением утверждение, что весь поток новой боевой революционной литературы в Грузии этого периода шел по пути, проложенному М. Горьким.

В 1928 году отмечалось шестидесятилетие М. Горького. Грузинская общественность, литература, пресса широко откликнулись на это знаменательное событие. Юбилей великого пролетарского писателя был отмечен журналами «Мнатсби», «Картули мцрлоба», «Пролетарули мцрлоба», «Дреша» и газетами «Коммунисти», «Заря Востока», «Муша» и «Ахалгазрда коммунисти».

Летом того же 1928 года Горький приехал в Тбилиси. Советская Грузия устроила горячую встречу прославленному писателю, который говорил тогда, что вновь вернулся на свою вторую родину. Во время пребывания в Грузии Горький осмотрел Тбилиси, ЗАГЭС, гостил в Коджори у пионеров, присутствовал на торжественном заседании Тбилисского городского Совета, во Дворце писателей встретился и беседовал с грузинскими литераторами.

Журнал «Мнатсби» в предовой статье, посвященной М. Горькому, отмечал тогда: «М. Горький действительно является бесспорным авторитетом в пролетарском искусстве. Писатель опустившихся на дно жизни миллионов, борец рабочих рядов, постоянный верный попутчик большевистской партии, неразлучный друг Ленина, художник мирового масштаба — вот кто такой М. Горький. Юбилей М. Горького является праздником пролетарского искусства, всего пролетариата, который создал своего великого художника».

Произведения М. Горького переводились на грузинский язык с самого начала его литературной деятельности. Уже в 1902 году появился объемистый сборник переводов А. М. Горького. В 1928 году в связи с юбилеем увидели свет грузинские переводы «Дела Артамоновых» (перевод Л. Киачели), «Песни о Буревестнике» (перевод Н. Зомлетели), отрывков из «Воспоминаний о В. И. Ленине» (перевод Д. Шенгелая) и другие. В том же году в издательствах «Шрома» и «Сахелгами» были изданы сборники рассказов писателя.

Большое внимание на развитие грузинской советской литературы оказал Владимир Маяковский. Отзвуки его боевой призывной лирики явственно проглядывают в творчестве многих видных грузинских поэтов этого периода. «Вот человек» А. Машашивили, ранние стихи С. Чиковани, безусловно, носят следы этого влияния. Разумеется, и здесь речь идет об общем характере, духе поэзии.

В. Маяковский — «по рождению грузин» — на всю жизнь сохранил близкие дружеские взаимоотношения со многими грузинскими писателями. Этому способствовали не только детские и юношеские воспоминания, не только совместное участие в революционных событиях 1905 года в Кутаиси, но и его частые посещения Советской Грузии. В 1926—29 годах в Тбилиси было проведено несколько больших литературных вечеров Маяковского, имевших огромный отклик среди литературной общественности. Примечателен такой штрих: В. Маяковский на этих вечерах наряду с собственными стихами с большим воодушевлением читал по-грузински памятное с детства призывное стихотворение И. Евдошвили «Друзья, вперед!».

Определенные биографические и поэтические аналогии просматриваются также в творческих судьбах Владимира Маяковского и Галактиона Табидзе.

Сравнение двух поэтов — занятие всегда небезопасное. Тем более когда речь идет о больших художниках слова. Владимир Маяковский и Галактион Табидзе — два великих поэта, самобытных и оригинальных, обладающих разнящимися художественными натурами, поэтическими голосами, изобразительной палитрой. Но они объединены тремя революциями XX века, преобразившими лик России и всего мира. Есть у них и точки биографических совпадений, в ча-

стности, оба они шли в рядах демонстрантов революционного Кутаиси в 1905 году.

В 1900 году Маяковского привозят из Багдада для учебы в Кутаисской классической гимназии. Годом раньше в Кутаиси из села Чквиши приезжает Галактион Табидзе, в 1900 году начавший учебу в духовном училище. Революционный Кутаиси стал для обоих не только школой гражданского созревания, как уже было сказано, но и поэтической колыбелью, над которой звучали не убавокивающие кслыбальные, а призывные звуки «Марсельзы» и песни И. Евдшвили «Друзья, вперед!», о чем позднее В. Маяковский писал в автобиографии. Грузия стала для него синонимом революционного духа, прокламаций, борьбы, С детства и на всю жизнь запомнились ему гордые боевые призывы стихотворения И. Евдшвили и народной песни о бунтаре-революционере Арсене Джорджишвили.

Неоднократно встречаются сочувственные описания революционных дней 1905 года в Кутаиси и в дневниковых записях Галактиона Табидзе: демонстрации, стрельба, нелегальные сходки. «Здесь, у развалин храма Баграга, в кругу друзей прочитал я стихотворение «Первое мая», — с горлостью заявляет поэт, и в этой же записи упоминается так любившееся Маяковскому стихотворение И. Евдшвили, и песня об Арсене.

Таков был единый исток жизненного и творческого пути двух великих поэтов революции, хотя в дальнейшем этот путь привел одного из них в Москву, а другого — в Тбилиси...

В 1908 году Галактион Табидзе поступает в Тбилисскую духовную семинарию, однако так и не может примириться с реакционным духом, царившим в ней. «Я не смог приспособиться к бурсе... Издавал революционный журнал «Шуки» («Свет»), — запишет он об этом периоде.

В 1915 году Галактион отправляется в Москву, но ограниченные средства на существование вынуждают его уже через год вернуться обратно. В конце 1916 года поэт вновь едет в Москву, оттуда, в начале 1917-го, в Кутаиси, где и встречает весть о Февральской революции и ниспровержении царского самодержавия, на которую откликнулся своим знаменитым стихотворением «Знамена скорее!».

Вскоре поэт едет в Петроград и там становится свидетелем и очевидцем исторических дней Октября. В 1918 году возвратившийся из революционного Петрограда на родину в зале Тбилисской консерватории поэт читает свое стихотворение «Корабль «Даланд». На этом вечере впервые в грузинской поэзии прозвучало имя Ленина.

Красноречивые сопоставления продолжаютс. В. Маяковский, прорвав пути футуризма, скывающие его могучий талант, во весь голос заявляет о своем боговорочном приятии революции и о необходимости искать пути для установления контактов с ней.

Как уже было сказано выше, в 1922 году грузинский его собрат начинает издавать «Журнал Галактиона Табидзе», лозунгом которого было провозглашено: «Обновление или смерть!» Со страниц этого журнала поэт заявлял: «Глазами двухмиллионной Грузии смотрю я на новый, 1923 год и говорю: да здравствует революционная Грузия!».

А годом позже поэт публикует свое знаменитое программное стихотворение «Мы, поэты Грузии».

Это стихотворение стало манифестом грузинской советской поэзии, а Г. Табидзе — ее провозвестником и первопроходцем.

Отметим также то уважение и симпатию, с которыми Галактион постоянно относился к основоположнику советской поэзии В. Маяковскому. В известной своей статье «Лирика» он писал:

«Я обращаюсь с этой статьей к нашей пламенной молодежи.

Задача состоит в том, чтобы в сознании молодого поколения пробудился интерес к поэзии как средству познания вселенной и способу ее обновления, одной из разновидностей деятельности человеческого духа. Говоря о лирике, я не стану касаться теорий, я не пытаюсь обнаруживать законы стихосложения: моя работа касается исключительно творческой сферы, как поэт и гражданин я по мере сил служу своему народу и революции.

Писание стихов — нелегкий труд. Это занятие, помимо таланта, требует также познания, изобретательности, вкуса, оригинальности и вдобавок — развитой техники, чего можно достичь только в результате неуклонной, неустанной, неистовой работы над словом».

«В грамм — добыча, в год — труды, изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды», — говорит о работе поэта Маяковский.

Говоря о поэтическом родстве между В. Маяковским и Г. Табидзе, следует иметь в виду и это обстоятельство. Оба они — великие поэты-революционеры, внесшие неизмеримый вклад в обновление поэтических средств и возмож-

ностей. Не случайно поэтому в 1935 году, будучи делегатом Всемирного конгресса в защиту культуры в Париже, Галактион Табидзе создает стихотворение «Владимир Маяковский», где объявляет его знаменосцем революционной поэзии в мире.

Благотворное влияние В. Маяковского на грузинскую советскую поэзию, ее дух и революционную направленность, новаторский пафос и гражданственность восходят корнями к лучшему ее представителю — Галактиону Табидзе. Повторяю, речь идет не о поиске совпадений и перекличек в деталях и строках, а об общем направлении. И в этом смысле можно увидеть родство между поэмами В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» и «Джоном Ридом» и «Революционной Грузией» Г. Табидзе.

* * *

Период индустриализации и коллективизации в стране стал временем дальнейшего развития грузинской советской литературы. Если в предыдущие годы в нашей литературе еще продолжали существовать отдельные рецидивы антисоветских литературных группировок и школ, то сейчас, с мощным наступлением социализма по всем фронтам, они безвозвратно ушли в прошлое. Но этот процесс отнюдь не проходил безболезненно, без борьбы. Партия и правительство создали все условия для плодотворной творческой работы. А взамен требовали правдивого художественного отображения нашей действительности.

Журнал «Мнатоби» в этот период следующим образом представлял писателям свою программу:

«Шестой год своей деятельности «Мнатоби» начинает следующим заявлением: двери «Мнатоби» открыты для тех писателей, которые наряду с творческими и научными достижениями открыто демонстрируют стойкость своей марксистской пролетарской идеологии и твердо решили внести свой вклад в дело строительства социалистической культуры. Редакция «Мнатоби» приложит все силы, чтобы способствовать созданию литературы национальной по форме и интернациональной по содержанию».

Таково было требование, предъявленное журналом «Мнатоби» грузинским писателям. Как было отмечено выше, для грузинской литературы этого периода был характерен массовый переход писателей старшего поколения на платформу социалистического искусства. Вместе с тем имел место значительный количественный рост рядов советских писателей, заметный подъем грузинской прозы, поэзии, драматургии. Достаточно сказать, что в это время выходило несколько массовых литературных журналов — «Мнатоби», «Картули мцерлоба», «Пролетарули мцерлоба» («Пролетарская литература»), «Ахалгазdra ленинели» («Молодой ленинец»), «Дроша», — на страницах которых были широко представлены произведения грузинских советских писателей.

Окончание следует

Трудный путь

к добру

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ РОМАНА НОДАРА ДУМБАДЗЕ
«БЕЛЫЕ ФЛАГИ»

СВЫХОДОМ в переводе на русский язык последнего романа Нодара Думбадзе «Белые флаги» (перевод З. Ахвледиани, изд. «Мерани», 1976) русский читатель получил возможность ознакомиться с произведением, ставшим значительным явлением не только творческой биографии писателя, но и всей грузинской прозы семидесятых годов.

В отличие от других произведений Н. Думбадзе этот роман вызвал, пожалуй, наиболее противоречивые толки и суждения. Это и неудивительно: ведь «Белые флаги», несмотря на кажущуюся простоту, — в высшей степени сложный, многоплановый, остро сюжетный роман. Его основная проблема — становление и духовный рост молодого поколения, формирование тех моральных устоев, которые человек, как правило, пронесит через всю свою жизнь. Следует заметить, что эта проблема является главной для всего творчества Н. Думбадзе. Именно потому герои его романов — Сосойя, Теймураз Барамидзе, Авто Джакели, Заза Накашидзе — образы одного ряда. Разница лишь в том, что писатель представляет их нам в различных жизненных условиях: в деревне военного времени, в городе, в армии, в тюрьме. Фактически это произведения одного цикла.

Однако путь к добру, любви, истине настолько сложен, что каждый роман волнует нас по-своему. У каждого — свое лицо, в каждом — свое отношение к действительности.

На мой взгляд, «Белые флаги» — один из самых острых романов Нодара Думбадзе. В нем беспристрастно выявлены некоторые отрицательные тенденции, укоренившиеся одно время в нашей жизни. Достоинства романа отчасти заключаются именно в этой прямоте. В конце концов, основная обязанность писателя — не только отражение действительности, но и беспристрастный и смелый ее анализ, продиктованный заинтересованностью в судьбе народа, в его будущем, а не в собственном благополучии. А это, как известно, весьма трудно и сложно; одна гражданская смелость еще не все решает. Необходимы еще мастерство, талант, любовь.

Главный герой романа Заза Накашидзе обвиняется в убийстве, но читатель знает, что он невиновен. Сможет ли доказать Заза свою невиновность? Выйдет ли он из тюрьмы? Если да, то какой след оставит пребывание там в его душе? Вот вопросы, которые с первых же страниц романа тревожат читателя. А потом количество вопросов и степень их значения все возрастает, так как появляются новые герои со своими проблемами, со своими преступлениями и наказаниями. И мы не можем утверждать, что они — герои второстепенные, а их проблемы — менее значительны. Роман примечателен еще и тем, что Заза Накашидзе часто отходит на задний план, и история злоключений Исидора, Ли-

мона и Шошии как бы становится основной. Однако все это делается для Зяты: он должен увидеть своими глазами, что влечет за собой нарушение тех заповедей, которые человечество выработало на протяжении веков. И тут уже слова о добре, блуде, убийстве, любви трансформируются в реальные деяния в проступки реальных людей.

В камере предварительного заключения — десять человек. Их характеры и преступления различны, но одно роднит всех — они потеряли свободу. По мнению автора, это самое тяжкое наказание для человека — в тюрьме ласточки не вьют гнезд, там люди удивительно похожи на животных, запертых в клетках зоопарка. Донесшийся с улицы голос, солнечный луч, на мгновение озаривший камеру, пьяница на тротуаре, увиденный из зарешеченного окна, — все это для заключенных крупицы вольной жизни, которой они уже не живут. Все осталось за стенами тюрьмы — все привычки, все радости, все заботы. Они потеряли свободу — самое большое богатство человека. Под этой самой свободой каждый из заключенных подразумевает разное, но общая камера превращает их в одно целое. В такой целостности как будто должно затеряться личное, однако писатель убедительно рисует каждый характер, и заключенные предстают перед нами со всеми чертами, присущими их индивидуальности.

«Человек — не фреска, которая смотрится лишь в одной плоскости. Человек — это скульптура, которую следует обозреть с той точки, с которой она воспринимается всего лучше, всего красивее», — читаем мы в романе.

Именно этот подход характерен для творческого почерка Нодара Думбадзе — найти в каждом человеке хорошее, показать его с такой стороны, откуда он «воспринимается... всего красивее». Отсюда и это парадоксальное сочувствие к вору и убийце. Я ничего не говорю уже о Лимоне, оставляющем впечатление трагической личности, загубленной обстоятельствами. Речь идет о Тигране Гулояне, армянине, ревностном защитнике всего грузинского и Грузии. Тигран убил человека, и правосудие воздает ему должное. Однако писатель более глубоко проникает в душу убийцы — неужели в нем нет ничего, кроме жестокости и «сентиментального гуманизма»?

Суд над дядей Исидоре — фарс, но представляет собой в этом отношении интересный материал. Рассказ Исидоре о непреднамеренном убийстве зятя крайне взволновал Тиграна Гулояна, исполняющего роль народного судьи. Как сказано в романе, на шею и лице у него вздулись жилы, потом вдруг он побледнел как полотно и поднялся. Это не удивительно, очевидно, Гулоян увидел совершенное им убийство (точно так же потом разволнуется Шошиа, когда разговор зайдет о шальных деньгах, добываемых зятем Исидоре). Это подмечено точно. И затем уж Гулоян переживает драму Исидоре, он становится соучастником чужой боли, чужой правды. Он активно защищает правого человека, предлагая Исидоре свалить на него убийство его зятя: «...я возьму на себя убийство твоего мерзавца-зятя».

Роман Нодара Думбадзе — это драма характеров. Но его конфликт глубже нее, поскольку сокрыт в глубине души каждого героя, и посему неприметен для поверхностного взгляда. Этот внутренний конфликт привел дядю Исидоре к самоубийству после импровизированного суда, так как духовно он умер именно на этом суде. Поразительно, но раньше других это заметил Тигран. Он даже сказал Лимону, что минуту назад тот на его глазах убил человека.

Затушить пожар в собственной душе, видимо, труднее всего, потому что человек умирает в себе, сам себя осуждая, — и это самое тяжкое наказание. Исидоре оказался сильным человеком. Он вынес себе приговор и сам привел его в исполнение.

Совість как будто мучает и Лимона, однако «нет на свете более безвольных людей, чем воры», а без силы воли невозможно второе рождение, так как, «чтобы родиться заново, сперва нужно умереть». Лимон знает, что должен умереть. Обречены и Шошиа, и Тигран. Здесь речь идет не о смерти конкретной личности. Должны быть сметены сами явления, персонификацию которых представляют и первый, и второй, и третий. Гражданская позиция Нодара Думбадзе бескомпромиссна и очевидна. Он отмечает обесценивание человеческих качеств и достоинств упомянутых героев, как, впрочем, и Мебуришвили, Гамкрелидзе или Чейшвили.

Из конкретных проблем нашей действительности именно эта важнейшая в романе: беспощадная критика стяжательства, укоренившегося в определенной части нашего общества.

Гулоян убил человека, но он убийца по невежеству, он знает свое место в обществе. Шошиа же крадет не только деньги: с помощью украденных денег он хочет присвоить себе чужое имя, чужое положение, чужой воздух, чужое солнце...

Лимон — вор, но тут как будто многое недосказано. Ведь он — человек, загубленный обстоятельствами, в котором чувствуешь что-то особенное, инте-

ресное, что ставит его выше других. И болит сердце за загубленную жизнь этого человека. В Мебуришвили не осталось ничего, что способно вызвать симпатию или сочувствие. Никаких положительных эмоций не возникает по отношению к человеку, торгующему верой и могилами...

Характеризуя своих героев подобным образом, Нодар Думбадзе отнюдь не противопоставляет хорошего рецидивиста плохому. Из целого ряда преступлений он выделяет самые характерные и опасные для нашей действительности. В этом с автором нельзя не согласиться.

Как уже было сказано, из сегодняшних конкретных проблем действительности важнейшая в романе — бескомпромиссная критика стяжательства. Действительность в произведении Нодара Думбадзе спроецирована настолько точно и умело, что картины, описываемые в нем, могут показаться точной копией жизни. Однако, несмотря на то, что в романе много автобиографичного, искать в нем конкретных адресатов было бы наивно. Нодар Думбадзе следует не «фактографической прозе», но создает новую действительность, до того не существовавшую и неповторимую. Его мир лишь кажется реальным, поскольку он все-таки вымышлен. Каким бы «настоящим» он ни казался, только с учетом этого можно принять неприемлемые для «здорового смысла» многие «аллогизмы», которые характеризуют «Белые флаги».

Правда художественного произведения подчиняется его внутренней логике, и главное — следовать этой логике. Именно ее законами надо объяснить точное проявление в реальности видений или сновидений. И поскольку у них один исток и одна логика, постольку и результат — однороден.

Вообще в поэтике прозы Нодара Думбадзе, особенно в «Белых флагах», видения играют большую роль. На сущности этого приема, который служит раскрытию характера героя, стоит кратко остановиться. Как известно, когда человек исполнен решимости сделать что-либо и не может добиться цели, тогда акт свершается в его сознании.

Персонажи видений — Нуну, мать, Исидоре, солнце, министр или Шошиа — персонифицированные переживания Зазы или его желания. Этот образец различения одного характера на персонажи — весьма распространенный художественный прием современной литературы, не только прозы, но и поэзии. И он отнюдь не всегда указывает на деперсонализацию героя.

Главный герой «Белых флагов» — Заза Накашидзе, но мы не рассматриваем его образ в обособлении от других, потому что вышеупомянутые персонажи с их преступлениями и наказанием фактически частица его души, их заключения — крупца его жизненного опыта, и только к концу романа он обособляется от других. Перейдя на другую сторону от своих сокамерников, он становится непохожим на остальных, — формируется как личность. А решающую роль в этом формировании, как было сказано выше, сыграет любовь. Любовь в широком, общечеловеческом понимании. В концепции этой общечеловеческой любви в прозе Нодара Думбадзе проглядывает что-то библейское. Не побоимся этого определения; ведь Библия — книга не только религиозная, но и литературный памятник. Во всяком случае, так воспринимает ее Нодар Думбадзе. Именно поэтому я и вспомнил сейчас о том, как воспета любовь в первом послании апостола Павла к коринфянам (глава 13), с которым, по словам академика Жебелова, могут соперничать лишь немногие произведения светской литературы.

Сомнение в истинной правде разрушает личность. Помните, как одно время Заза потерял веру, как ожесточился, когда, не будучи виновным, не смог оправдаться. В нем так сильно было возмущение несправедливостью, что в какой-то момент, ожесточившись, он даже создал в сознании модель реальности, обвинив во всех смертных грехах женщину, которую любил.

Это — духовный кризис. Заза может озлобиться, погибнуть. Все обвинения, предъявленные женщине, равно как и самому Зазе, — клевета. И он действительно озлобляется, но все же находит выход из этого заколдованного круга: любовь, любовь к человеку — вот та соломинка, за которую он ухватился. Любовь спасает его.

Такая большая любовь характерна не только для романа «Белые флаги» и его главного героя Зазы Накашидзе, но и для всего творчества Нодара Думбадзе. Она определяет отношение писателя к людям и явлениям, и невозможно не проникнуться ею. Но иногда, в тех редких случаях, когда ему изменяет чувство меры, любовь переходит в сентиментальность. Это и произошло отчасти в «Белых флагах». Разумеется, нужно показывать этих сентиментальных и плачущих убийц, но здесь, по-видимому, было необходимо, строгое чувство меры, чтобы у нас самих не защемило сердце и мы бы сами не расплакались... (Видимо, именно тут нужна твердая рука, способная перечеркнуть такой театрализованный монолог, как декламация Лимона или старый анекдот о сумасшедшем и окнах — хотя это уже не имеет отношения к сентиментальности, а толь-

ко к «твердой руке» писателя — ведь этот отрывок ничего не дает роману, кроме известной истины, что Шошиа неисправим).

Однако вернемся к Зазе Накашидзе. Я хочу обратить внимание на одну стереотипную ситуацию. Приращение к жизни молодого героя прозы Нодара Думбадзе, его своего рода конфирмация не будет полной, если он не познает женщины. Я говорю не о любви, а о биологических инстинктах. Любовь его ждет впереди или она где-то рядом. Этот стереотип действия наиболее отчетливо проявился еще в «Солнечной ночи». Вообще же это известный мотив в мировой литературе. Вспомним «Гильгамеш», Энкиду...

Заза Накашидзе как будто прослушал «полный курс жизни». Его душа и тело перевоплотились, приняли определенный образ. В борьбе добра со злом он стал на сторону добра, из тьмы и света он выбрал свет, луч солнца, а из черного и белого — белое. Теперь интересно, как возвратит он людям всю правду, как будет следовать он тем заповедям, которым научила его жизнь.

Ведь главное в жизни — отдача...

Сможет ли герой будущих произведений Нодара Думбадзе пронести ту чистоту, которую завоевали его предшественники, сможет ли он всегда стоять «с белым флагом рядом с солнцем» или мы станем свидетелями духовной надломленности, вызванной изменой обретенной истине?

Писатель редко открывает новые истины, однако уже известные он превращает в частицу наших переживаний, нашей жизни, нашего бытия.

Многое из того, что мы, возможно, до этого знали разумом, теперь начинаем постигать чувством. Это пережитое знание более впечатляюще, поскольку оно укорочено, приручено, оно твое.

Роман Нодара Думбадзе «Белые флаги» именно тем и ценен, что убеждает нас в значительности своих мыслей, переживаний, своей правды, и если иногда он и вызывает в нас внутреннее сопротивление, то писатель мастерски преодолевает его, всеми средствами овладевая той крепостью, которая зовется читателем.

Популярность произведений Нодара Думбадзе стала такой традицией, которая существует уже сама по себе и не требует объяснения. Как правило, его романы еще до опубликования становятся предметом пристального внимания режиссеров театра и кино, и мы почти одновременно знакомимся с их журнальными и сценическими вариантами. Однако для критики, разумеется, главным все же является опубликованное произведение. Все это мы отмечаем и потому, что последний роман Нодара Думбадзе окрестили на сцене банально-«криминальным», кассовым названием — «Обвинительное заключение», что я считаю совершенно неоправданным. Как видно, кое-кто отождествил белый флаг с капитуляцией, и это, надо полагать, и породило название — «Обвинительное заключение».

Возведение бытовых явлений в степень символов для Нодара Думбадзе не ново. А как пример символического заголовка достаточно вспомнить «Солнечную ночь» — сложный, противоречивый заголовок, который со своей стороны вызвал ассоциацию не только с реальными явлениями нашей жизни, но и с «солнечной ночью» из поэмы Руставели. «Белые флаги» — аналогичный символ, сложный и красноречивый, в котором бытовая деталь также переплетена с традиционным значением «белого» или «флага».

Во Франции и Бельгии существует обычай — когда в тюрьме нет заключенных, на ней вывешивают белый флаг. Разумеется, белые флаги в романе означают гораздо большее, чем тюрьму без арестантов, хотя и это уже немало.

Белый цвет — тот первозданный, наряду с черным и красным, цвет, который в восприятии человека создал образы-архитипы своим отчетливо сформированным значением.

Вспомним белого, черного и красного драконов из «Амирандареджаниани» с их символическим значением, цвета лошадей Тариела и Автандила — черный и белый. Противопоставление цвета их лошадей в «Витязе в тигровой шкуре» является выражением их различного духовного состояния. Черный — выражение скорби и печали, белый — надежды и радости. С таким же значением белого и черного цветов мы встречаемся практически повсюду, так как в восприятии подобного рода проявилась та общая форма коллективного сознания, через которую прошли все народы. Здесь можно было бы привести множество примеров.

Белый цвет объединяет всех, поскольку он неделимый, всеобщий. Впрочем, об этом написано и в романе.

Синтагма — «белые флаги» — употребляется в нем несколько раз. Она подготавливает к последней фразе, к которой писатель вел читателя на протяжении всего романа.

Возведение слова или явления в символ, как мы уже отмечали, характерно для творчества Нодара Думбадзе. Так же как и смысл слова не исчерпыва-

ется его лексическим значением, так и факт действительности в искусстве не исчерпывается своим содержанием. Все это отчетливо проявилось в «Белых флагах».

Автор достаточно часто придает слову, ситуации или характеру вторичный смысл, который, возможно, более существен, чем их первоначальное значение. Все это усложняет внутреннюю структуру произведений Нодара Думбадзе. За кажущейся простотой в них кроется довольно спорный художественный под-
текст.

Здесь мы имеем в виду не сложную композицию романа, а авторскую манеру придавать новое осмысление существующим символам, создавать новую художественную реальность.

Приведем несколько примеров: Мебуришвили за тридцать фальшивых денег продал партию и партбилет. Тридцать — число мифологическое, ведь и Иуда продал Христа за тридцать сребреников.

Тюремная камера уподоблена Ноеву ковчегу, а заключенные в ней десять арестантов вызывают ассоциацию с десятью заповедями — каждый заключенный как бы представляет собой персонафикацию нарушения той или иной заповеди.

Однако не следует думать, что действительность в романе изображена только мрачными красками. Светлое пятно в нем — молодой человек Заза Накашидзе, его представления о честности, справедливости. Более того, весь роман пронизан стремлением к справедливости, любви к ближнему, внутреннему освобождению человека.

Основная тенденция действительности — установление и торжество правды, той правды, за которую один из персонажей романа — Гоголь борется кулаками, которая бывает ущемлена (вспомним дело Зазы Накашидзе), а порою даже терпит поражения (вспомним дело Мошиашвили), той правды, окончательная победа которой для нас обязательна, жизненно важна, потому что только истинная правда — предтеча свободы.

Далее — уже отмеченное выше двойственное значение «белого» и «солнца». Здесь же надо сказать, что Библия для Нодара Думбадзе не религиозная книга, а выражение веками накопленного человечеством опыта, который и сегодня может сказать о многом, заслуживающем внимания.

Нодар Думбадзе и сам создает собственный миф. Неясные, незнакомые эмоции он определяет розовым цветом. Заза познал женщину, но это биологический акт, а не узнавание любви, поэтому Заза воспринимает это следующим образом: «Потом мы плыли, слившись воедино, в каком-то розовом тумане...».

С розовым же цветом связано первое, неожиданное и неформировавшееся чувство, вызванное освобождением из тюрьмы; поскольку свобода эта таит много неопределенного, герою кажется, что камера наполнилась густым розовым туманом.

Хотя если уподобить розовый цвет красному, тогда указанное представление тесно увяжется как с грузинской мифологией, так и с грузинскими литературными традициями, поскольку красный цвет в грузинской мифологии — «цвет силы жизни и возрождения природы». С учетом всего этого процитированные места выглядят более значительными и красноречивыми (вообще, мне кажется, внимательное изучение с этой точки зрения не только произведений Нодара Думбадзе, но и всей грузинской советской прозы дало бы нам интересную картину. Здесь видны совершенно реальные связи даже между «Витязем в тигровой шкуре» и «Похищением луны» Константина Гамсахурдиа хотя бы в распределении цветов — с Тариелом связывается черный цвет, с Автандилом — белый, с Тарашем — черный, с Арзаканом — красный и т. д. Уже первые шаги, предпринятые в этом направлении, говорят о многом).

Именно тут хочется вставить слово в полемику между критиками Львом Аннинским («Дружба народов», 1975, № 9) и Генрихом Митиным («Критика», 1977) о функциях мифа в романах Н. Думбадзе, в которых весьма заметную роль играют не только мифологические символы, но и модель мифологического мышления. Было бы одинаковой ошибкой как переоценить в данном случае роль мифа, так и недооценить ее. Не могу разделить мнения, что «Я, бабушка, Илико и Илларион» — миф: но и без мифа при анализе прозы Думбадзе (и вообще современной грузинской прозы) не обойтись.

В этом, кстати, проявилась одна из основных тенденций современной грузинской литературы: переосмысление Библии не как религиозной книги, а как литературного памятника. Библия для современной грузинской прозы — миф, с его поэтикой, с его вневременными символами (в первую очередь этического содержания). Говорить о современной грузинской прозе и не замечать в ней символов и моделей мифа (в том числе и библейского происхождения) было бы непростительной оплошностью. В этой связи напомним имена авторов, которые творчески переосмыслили это богатое и противоречивое литературное (именно

литературное) наследие: Григор Абашидзе, Отар Чиладзе, Чабуа Амиреджоби, Арчил Сулакаури, Тамаз Чиладзе, Эдишер Кипиани... Именно поэтому думается, настало время без недомолвок рассуждать о функции мифа в литературе социалистического реализма.

Интересно в этой связи привести слова самого Нодара Думбадзе из его беседы, подготовленной для журнала «Вопросы литературы»: «Обращение к мифу и Библии в литературе не новость. А в грузинской литературе это вообще давнишняя и глубокая традиция.

Скажу больше: миф и Библия для меня сами по себе остаются большой литературой... Сюжетную рамку «Белых флагов» я взял из Библии...

Считаю, что осовременивание мифологических и библейских тем, сентенций и догм не следствие попросту их «сюжетной привлекательности», а результат стабильности человеческой природы. Со дня рождения Человека и до нынешних дней...».

Именно эта мысль была развита мной в статье, опубликованной в альманахе «Критика» еще до выхода «Белых флагов» на русском языке. Тогда моя параллель показала Л. Новиченко «протенциозным «глубокомыслием». По его мнению, роман Н. Думбадзе «далек от всякой метафизики» (Л. Новиченко. Критика в движении. — См. «Вопросы литературы», 1974, № 4).

Думаю, после опубликования русского перевода романа Нодара Думбадзе у Л. Новиченко появилась возможность прочесть его в русском переложении и переосмыслить свое отношение к нему...

Толкование мифических символов требует от читателя не только известной творческой активности, но и определенных знаний, без которых у него под рукой остается лишь эмпирический материал, внешний пласт произведения, хотя, возможно, для него это будет достаточно; но в таком случае триада: «читатель — произведение — писатель» не будет полноценной, так как, говоря словами Михаила Светлсава, «литература — это равные по таланту читатель и писатель».

Иллюзию отмеченной простоты романа создает и сама манера повествования — естественная исповедь. Этому жанру — исповеди самую большую дань из грузинских писателей воздал, пожалуй, Нодар Думбадзе. Все его романы — это исповедь молодого человека. Именно поэтому у писателя выработались стереотипы художественных приемов, которые уже вызывают опасения, несмотря на то, что у них есть совершенно приемлемое оправдание (например образ матери, который становится для героя символом чистоты, долготерпения и надежды). Настораживает однообразие использования этого образа в различных романах Нодара Думбадзе. Понятно, что автор делает это намеренно, однако ощущение однообразия все же появляется.

Видимо, именно сейчас ему необходимо покончить с тематическим циклом романов, выйти из круга концептуальных образов. Именно такой попыткой можно считать опубликованный в журнале «Цискари» замечательный рассказ Н. Думбадзе «Дидро», где он как будто отказывается даже от традиционного для себя юмора (особенно во второй его части). Этот рассказ с особой силой дал почувствовать, как тяжело одиночество, как трудно, когда тебя не понимают, и как нужен человеку — в пору жизни и смерти — тот, кто бы понял его, его жизнь и мечтания.

Душа каждого человека жаждет протянутой руки... И нередко, зачастую поздно, даже слишком поздно, человек обнаруживает в себе незнакомый мир — самого себя, и это открытие разве что только другому приносит добро... Мне кажется, в этом ординарном на первый взгляд рассказе видны поиски нового пути, более того, я думаю, этот поиск приведет Н. Думбадзе к интересным художественным открытиям. По-видимому, романом «Белые флаги» завершился один цикл, другой — только начинается...

Мысль эта была подтверждена и Л. Аннинским: «Роман «Белые флаги» — последняя точка трудного поиска Нодара Думбадзе перед поворотом к совершенно новому этапу...»

В качестве пяти доказательств начавшегося обновления привожу пять рассказов Нодара Думбадзе, появившихся недавно (два из них — уже после «Белых флагов»): «Дидро», «Коррида», «Солнце», «Собака» и, наконец, маленький шедевр-рассказ «Неблагодарный».

Да, обновление налицо, да, перед писателем открылись новые перспективы. Уверен, на этом пути Нодар Думбадзе не раз еще нас обрадует и удивит.

Нравственность и свобода человека

ЕСЛИ бы появилось у автора этих строк желание заменить термин «концепция человека» равнозначным понятием, очевиднее всего это была бы мысль о «свободном человеке». Свобода же человека в выборе норм этики, эстетики, политики или же общественной структуры и представляет собой концепцию человека, который меняется не только историко-хронологически, но также и в индивидуальном сознании каждого отдельного философа или писателя. Одного художника слова от другого в основном отличает проблема созданного им человека: решение вопросов его свободы, рассматриваемых под любым возможным углом.

К сожалению, грузинское публицистическое мышление и литературная критика не балуют нас разработкой вышеупомянутых проблем. Зачастую мы избегаем четкой постановки этических вопросов или отступаем, сталкиваясь с жизненно важными нравственными альтернативами. В отличие от публицистики и литературной критики писательство — та сфера, где наиболее остро ставится и освещается проблема человека.

На небогатом фоне работ, специально рассматривающих проблемы человека, особый интерес вызывает критический труд Зазы Абзианидзе «Концепция человека в современной грузинской лирике». В этой первой книге ее автора внимание привлекает постановка вопросов как в плане публицистическом, так и на философском уровне исторического, а также современного художественного анализа. Однако предметом наиболее пристального взгляда, особо острой заинтересованности З. Абзианидзе остается нравственная сторона вопроса. Публикации работ такого рода на грузинском языке не было уже давно. Поэтому книга исследователя, хотя и не заполняет пробел, все же вносит ценный вклад в рассмотрение жгучего вопроса литературоведения.

Для Зазы Абзианидзе разработка проблемы неотделима от ее исторической перспективы. Автор считает, что представление о человеке полностью сформировалось в Грузии с принятием христианской религии, поскольку христианство дало возможность почувствовать абстрагирующую нравственную силу. «В грузинской поэзии еще до Руставели мы встречаемся с определенным представлением о человеке, — говорится в книге. — Правда, художественное его воплощение сковано абсолютными нормами, следуя которым выходит, что человек — лишь оболочка души, созданной богом, и потому сфера проявления его воли ограничена. Однако можно заметить и противоположную тенденцию: раздумья о божественной сущности в духовной поэзии рождают также раздумья о человеке, о его месте во вселенной, о судьбе его и назначении».

Желание человека найти смысл жизни, сравнение его со своей судьбой, право человека на счастье, противопоставление ему чувства долга и того, как должен он обрести личную свободу, как удержать ее, — многие подобные вопросы, непосредственно касающиеся проблемы человека, и составляют главное направление книги, автор которой исследует и анализирует творчество грузинских поэтов. Но это не системный обзор грузинской лирики — систему здесь создает единство этических норм, беспощадная оценка их, испытание временем. Человек нередко обходит законы морали, — как бы говорит нам автор, — но тем не менее они существуют и им нельзя не подчиниться...

Таков нравственный аспект, являющийся основным направлением исследования в этой книге, между строк которой явственно проступает образ вооруженного лупой грузинского критика, воспринимающего эту сферу духовной жизни как несомненно большую ценность. Он не только не проходит мимо соответствующего литературного материала, но и пытается увидеть за его пределами более сложные и многообразные нравственные структуры.

В книге Заза Абзианидзе, особенно в главе «Пути становления гуманистического идеала грузинской поэзии», которая дает оригинальное осмысление отношения к своему главному герою — человеку — у Руставели, Гурамишвили, Бараташвили или же у Важа Пшавела, методом ретроспекции (которым автор широко пользуется) прослеживается, как испокон веков грузинская поэзия пыталась познать тайну человеческой сущности и с какой строгостью оценивала достоинства человека.

Вот мнение автора о главном герое Николоза Бараташвили — Мерани и его всаднике: в этом образе наиболее сильно выразилась свободолобивая душа грузинского народа. Не случайно мы не просто любим «Мерани». Он дорог нам больше всех остальных творений, любим так же, как свобода. Вот что говорит Заза Абзианидзе о главном герое «Мерани»: «Он обрел свободу, которая, по глубокому убеждению поэта, есть наивысшая награда, дарованная человеку, наивысшая мера счастья. Самоотверженность всадника Мерани также оправдана наивысшим смыслом, ибо является актом бескорыстного героического стремления к будущему. Краеугольный камень проблемы человека — трактовка понятия свободы. Понятие свободы рождает представление о человеке, и если нет ответа на этот главный вопрос, то поиск других граней проблемы человека был бы бесполезен».

Интересен вывод, полученный критиком при исследовании творчества Галактиона Табидзе. Согласно его толкованию, легкость поэтического языка Галактиона, его свобода и раскованность уже сами по себе — противопоставление и вызов тирании, насилию человека над человеком. С другой стороны, гражданско-публицистическая лирика Г. Табидзе — это защита гуманизма с классических высот. На 38-й странице книги читаем: «...обязательное условие нравственного существования человека — свобода. В порабощенной стране не может жить свободный человек: «Общество не может стать свободным, если оно не освободит каждого человека в отдельности», — писал Энгельс. Галактион Табидзе верил в то, что если человек получил внутреннюю свободу, если он сумел стать индивидом, если он правильно увидел национальные и социальные интересы своего народа и, наконец, если этот человек не одинок, то родине его ничего не угрожает».

Концепция человека в литературе и искусстве не всегда развивается по позитивной «прямой». Во время социального и нравственного кризиса гуманистическая концепция человека испытывает дискредитацию, и тогда основным смыслом ее становится протест: концепция человека выражает дисгармоническое, полное скепсиса мироощущение. Сформировавшееся в разгар первой мировой войны поколение «голубороговцев» устанавливало свои взгляды на человека и общество на основе нравственного эпатажа и деэстетизации восприятия мира. Мы считаем, что З. Абзианидзе сумел вскрыть причины и оценить ситуацию, обусловившие силу модернистской художественной мысли в поэтическом творчестве грузинских символистов.

Послушаем автора: «Концепция человека в творчестве Тициана Табидзе создавалась под влиянием настроений, характерных для грузинской интеллигенции того времени. Настроения эти были продиктованы не только национальной неудовлетворенностью, но они выражали глобальное чувство «потерянного поколения», охватившее сразу же после первой мировой войны всю Европу и Америку».

Дисгармоничная фатальная концепция человека естественно выражала горький опыт, который получило человечество во время первой мировой войны. В грузинской же действительности ко всему этому добавлялась боль, причиненная глубокими национальными ранами и борьбой с «рутиной и филистерством» (это слова Тициана Табидзе) новоиспеченного класса мещанства. О какой же гармонии можно было говорить?..».

Тициана Табидзе, сына угнетенного самодержавием народа, отличало от больших мастеров символизма чувство национальной ущемленности. Естественно, что проблема человека для Тициана Табидзе была органически связана с национальным достоинством. Неудивительно и то, что, несмотря на нигилистские декларации «голубороговцев», несмотря на их номинальное отступление от грузинских поэтических традиций XIX века, именно на почве XIX века развилась их патриотическая лирика.

Из сказанного видно, что Заза Абзианидзе делает правильные выводы: «В период крушения общественных этических норм в человеке усиливается внутренний протест против всех установленных истин. Намеренная деэстетизация этого протеста оставила явный след на позиции Тициана Табидзе. Тициан Табидзе пишет не о Нестан-Дареджан, а о Фатьме («Фатьма-хатун», 1917). Он раздражает читателя, делая табу объектом своей лирики, хотя бы кощунственной фразой старается вывести читателя из состояния безразличия, душевной лени».

Ограничение концепции человека национальными и патристическими интересами, то есть отождествление человека и патриота — наиболее осязаемо в лирике Георгия Леонидзе. По мнению автора, лирический герой Г. Леонидзе не только двойник поэта; он является также его идеалом нового человека. В некоторых стихотворениях поэта проблема человека отождествлена с судьбой родного края... В связи с этим З. Абзианидзе говорит: «Георгий Леонидзе сказал грузинскому читателю, что спасение его многострадальной отчизны — историческая закономерность. При этом он предлагает ту эстетическую, гражданскую позицию по отношению к родине, которая для него, поэта, является признаком утверждения новой жизни».

В литературе, в частности в поэзии, нравственно-историческая программа действий главного персонажа произведения, так называемого лирического героя, как правило, бывает шире биографического опыта самого автора. Главный герой должен установить для нас концепцию человека, что, разумеется, превосходит рамки жизненного опыта самого автора; лирический герой, естественно, воплощает не только и не столько авторское «я», сколько концепцию человека, высказанную поэтом, после установления нового представления о человеке следует качественное перевоплощение лирического героя. Концепция человека, содержащая в себе весь социальный опыт автора, может измениться, обновиться, что и происходит в действительности. Но в пределах определенного периода времени концепция эта единственная, и именно она является «этическим эталоном» писателя...

И действительно, совершенно обновленную, явно «осовремененную» концепцию нового человека высказывает Симон Чиковани. В поэтической практике 20-х годов его главный лирический персонаж приобретает определенные художественные черты. «Литературная миссия Симона Чиковани сначала же была ясной, — пишет З. Абзианидзе, — он должен был ввести в поэзию нового человека, должен был установить новый гуманистический идеал. Изгнание человека из литературы, эстетическая мизантропия, проповедь того, что человек «незначительный винтик» гигантского механизма, естественно, были противопоставлены этой великой цели.

В представлении Симона Чиковани человек являлся либо врагом, либо другом, героем или же наоборот, но всякий раз — личностью, и только не безымянным винтиком, ничтожеством. Именно такое мировоззрение определяет отношение поэта к действительности».

В книге прекрасно сказано, что люди, которых дотоле считали незаметными песчинками, сплошь и рядом оказывались теми, кто в минуту Великой Отечественной войны вершил нечеловеческие подвиги, являл безграничную самоотверженность во имя Отчизны, ибо понимал, что от него зависела судьба нашей Родины, спасение ее от врага и наша окончательная победа.

На таком же уровне с литературной достоверностью З. Абзианидзе разработал три последние главы книги. Глава пятая «Истина, испещренная вопросительными знаками» — проблема самовыражения личности в двух лирических циклах Ираклия Абашидзе, где последовательно рассматриваются сложные и интересные вопросы веры и безверья, противопоставления веры и свободы, взаимосвязи разума и догмы...

В шестой главе — «Рождение Турмана Торели» (проблема нравственного выбора в лирике Григола Абашидзе) с наибольшей силой проявился гражданский пафос автора книги «Концепция человека в современной грузинской лирике», вложившего в нее всю свою гражданскую смелость и патристическую непримиримость самих стихов Турмана Торели.

«Сын века, поэт, — по словам З. Абзианидзе, — не может не почувствовать долю ответственности за происходящее, и если он справедливо сочувствует каждому великому открытию или радости своего времени, то так же болезненно воспринимаются им трагические картины эпохи. Рухнется эфемерный мир, существующий в его представлении, сквозь рассеивающийся туман отчетливее прослушают очертания предметов и этот герой Турман Торели стоит словно очнувшийся от летаргического сна, удивленный и взволнованный».

Глава седьмая — «Метаморфозы лирического героя Анны Каландадзе» — наиболее полная и законченная часть этой книги. В отличие от других глав ав-

тор рассматривает здесь все творчество Анны Каландадзе и параллельно ис-
следует наиболее значительный мотив своей работы, ее основное направление.

В этой части дан убедительный ответ на то, почему появление Анны Калан-
дадзе в поэзии напоминало возвращение «вечной весны» в артистические
круги послевоенного, обесцвеченного, поблекшего Тбилиси 1946 года. Не ме-
нее убедительно и то наблюдение, что душевные метаморфозы поэта взаимо-
связаны с определенными чертами и путями нравственного, исторического и
культурного развития человека. По мнению автора книги, в ее поэзии существ-
вуют два измерения времени, «второй план» сегодняшних духовных метамор-
фоз — путь исторического развития человечества... Не будем втискивать эту
особенность в прокрустово ложе какой-то схемы. Давайте просто проследим за
последовательностью перевоплощений «поэтического двойника» Анны Калан-
дадзе. Мы помним ее охотника за единорогами на той доисторической земле,
которая потом будет называться Урарту («Я обращусь к урартским пещерам»),
восклицание жреца из храма Изиды: («О, огонь безначальный, жизнь и благо
несущий, всемогущий и вечный...»). При каждом перевоплощении мы находим
ассоциацию с вехами истории человечества и поэтому естественно воспринимаем
появление христианского пантеона в лирике Анны Каландадзе (так в свое
время поэты-символисты вернули общекультурной жизни эллинский пантеон).

В несомненно интересной книге Зазы Абзианидзе есть и определенные
просчеты. Так, ошибочно заявление автора о том, что строфы Арчила, приве-
денные в книге, перекликаются со знаменитым 66-м сонетом Шекспира, пред-
ставляющим собой, по мнению шекспирологов, небольшой поэтический эскиз
«Гамлета». Мы же возьмем на себя смелость добавить, что сонет этот в об-
щем — литературная модель самой жизни.

В этом случае З. Абзианидзе, движимый чувством добросовестности в
литературе, делает искусственные выводы.

При наличии богатого языкового поэтического наследия жанр лирики у нас
устанавливается позднее. Это обстоятельство, возможно, следует сравнить с тем
явлением, что мы, имея богатую историографию, в своих летописях находим
интимно-личные сцены и реалии, записанные с непонятной скупостью. Заа Аб-
зианидзе не может примириться с этим фактом. Он пишет: «Происхождение
грузинской лирики пока еще покрыто мраком, мы не знаем, был ли грузинский
стих повторением пути развития египетской, греческой или римской поэзии...»
(с. 4) и т. д. Трудно представить, чтобы при наличии существования этого
жанра в грузинском языке до нас не дошел хотя бы один фрагмент.

Лирический персонаж «Синих коней» Галактиона Табидзе, не «монада, сбыв-
шаяся с пути в бесконечности мира», и «единственным смыслом жизни его» не
«является магический импульс», как это считает З. Абзианидзе, а напротив, ок-
ружающая его действительность осмыслена им социально, исторически и эстети-
чески.

Даже для квалифицированного читателя остается непонятной и нерасшиф-
рованной мысль, кроющаяся во фразе: «Лирика его (Галактиона) постепенно
освобождается от «стихийного экзистенциализма» и т. д. Думается, не по на-
значению употреблено в книге и понятие «амбивалентность». Прекрасно пони-
мая его значение, автор неправильно пользуется им на деле.

В заключение хочется сказать, что книга Зазы Абзианидзе, беря в руки ко-
торую уже испытываешь эстетическое удовлетворение (на ее любовное оформ-
ление не пожалела ни вкуса, ни своих художественных возможностей художник
Олеся Тавадзе), являет собой пример действенной грузинской критической про-
зы. Культура эссеистского жанра у нас имеет свою традицию, и яркий труд
«Концепция человека в современной грузинской лирике» продолжает ее на вы-
соком уровне. Он достигнут еще и благодаря подлинной культуре последова-
тельного литературного мышления и письма: критик, уделяя большое внимание
содержанию, смыслу каждой фразы, не изменял ни собственному вкусу, ни за-
боте о стилистической чистоте и прозрачности.

Георгий ДЖИБЛАДЗЕ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Когда читаешь высказывания молодого И. Чавчавадзе, полные возвышенной морали, содержащие целый ряд удивительно тонких предсказаний и предчувствий, невольно проникаешься глубоким уважением к юному поэту. И действительно, сколько благородства и нежности было в его душе. Какие светлые мысли, какая самоотверженная человечность звучат в каждой строке. Как ясно и правильно представлял он себе будущую жизнь — необъятную арену борьбы и труда. В результате глубоко прочувствованного и всесторонне продуманного анализа поэт совершенно правильно определяет сущность жизни и бытия, формулирует правильную точку зрения на содержание и назначение брака. Все это огромное богатство справедливо считается неперменным ингредиентом человеческого счастья. Любовь определяется как источник сил и надежды человека, стимул для действия, прекрасный венец жизни. Далеко не каждому удается видеть в любимом существе доброго гения и ради него выступить на поле борьбы с рыцарской самоотверженностью. Для этого нужны благородный дух, возвышенное чувство и кристально чистое сердце.

Все это Ольга Гурамишвили хорошо осознала: как видно из писем Ильи Чавчавадзе, она с абсолютным доверием отнеслась к искреннему чувству поэта и, несмотря на определенное противодействие со стороны отца, навсегда связала свою судьбу с молодым вождем «тергдалеული».

21 апреля 1863 года сбылась заветная мечта поэта: в этот день Илья Чавчавадзе и Ольга Гурамишвили обвенчались. Все, о чем писал поэт в своих любовных письмах, он выполнял до самого последнего вздоха; Ольга же оказалась именно той, кого надеялся видеть в ней Илья Чавчавадзе на протяжении всей жизни.

Несколько интересных фактов относительно этого бракосочетания передает Гига Кипшидзе. Шаферами со стороны И. Чавчавадзе были Давид Кайхосроевич Кипиани и Николай Дмитриевич Чавчавадзе, а со стороны Ольги Гурамишвили — флигель-адъютант полковник Илья Заалевич Чолокаев (Чолокашвили) и коллежский ассесор князь Сулхан Николаевич Туманов (Туманишвили). Сведения об этом первый биограф Ильи Чавчавадзе обнаружил в церковных документах, в которых отмечалось, что новобрачных обвенчал Николай Ардазманов¹. Г. Кипшидзе пишет, что бракосочетание состоялось «в Троицкой церкви без всяких церемоний. Жених с невестой и сопровождающие их шафера прибыли в церковь на двух экипажах. Из родственников в церкви никого не было, ни со стороны жениха, ни со стороны невесты. По-видимому, Тадеоз Гурамишвили, состоятельный и заносчивый помещик, не был доволен тем, что его дочь вышла замуж за сравнительно бедного князя Чавчавадзе»². Тадеоз Гурамишвили лишь значительно позже примирился с выбором своей дочери, оце-

¹ И. Чавчавадзе. Сочинения, т. I, 1914, с. XXX.

² Там же, с. XXXI.

Продолжение. Начало в №№ 4, 5, 6, 7.

нив подлинные достоинства своего зятя. Но вначале отношения между зятем и тестем не были вполне нормальны, как это явствует из частных писем самого Ильи Чавчавадзе.

Как отмечает Г. Кипшидзе, Ольга Гурамишвили оказалась преданной и любящей женой, «с мягким характером, готовой всем помочь, сочувствующей всему доброму, боготворившей талант своего мужа. Она буквально смотрела ему в глаза и всю жизнь старалась не сделать ему ничего неприятного и обидного»¹.

«...Мягкий характер заботливой жены, — продолжает Гига Кипшидзе, — Илья Чавчавадзе очень ценил и относился к Ольге с любовью и уважением; ей он посвятил собственноручно написанный сборник стихов и лучшие произведения и, в частности, поэму «Отшельник» — этот подлинный венец своего поэтического творчества»².

Как единодушно отмечают современники, умная, нежная и ласковая по натуре, привлекательная по внешности Ольга Гурамишвили, получившая образование в Институте благородных девиц, сразу же правильно поняла мысли и стремления друга своей жизни. Юная девушка (ей было 20 лет), связав судьбу с молодым поэтом, всю себя, без остатка посвятила ему. Она создала мужу идеальные условия для плодотворной работы. «Когда Илья писал и работал в своей комнате — то в доме царил абсолютная тишина, никто не смел шуметь. Сама Ольга ходила по комнатам на цыпочках, чтобы даже малейший шум не помешал работе Ильи»³.

Илья Чавчавадзе был целиком поглощен редакторской и издательской работой. Он урегулировал вопрос своевременного выхода журнала «Сакартвелос моамбе» (первый номер, по вине типографии и цензора, вышел с запозданием), но, как мы отмечали выше, он просуществовал только один год, после выхода в свет последнего, 12-го, номера его издание прекратилось.

И. Чавчавадзе приходилось издавать свой новый журнал в крайне тяжелых условиях. И хотя «Сакартвелос моамбе» с его боевым задором и прогрессивными взглядами удалось до некоторой степени преодолеть общественный индифферентизм, этого отнюдь не было достаточно для того, чтобы целиком покончить с ним, создать необходимые средства существования для журнала, несмотря на то, что время для этого было, по-видимому, наиболее благоприятное.

Это было период, когда после крестьянской реформы 1861 года в России назревали условия для отмены крепостного права и в Грузии. Аналогичная реформа была осуществлена здесь в 1864 году. Именно в начале этого года Илья Чавчавадзе поступает на государственную службу «для получения материальных средств». Поэта посылают в Западную Грузию (в Имеретию) «чиновником особых поручений при кутаисском генерал-губернаторе». На него было возложено изучение тех взаимоотношений, которые установились между помещиками и крестьянами в результате господства крепостничества. Илья Чавчавадзе настолько ревностно защищал интересы крестьян, что вызвал большое недовольство и даже негодование со стороны местных князей и дворян. Этот факт отмечал поэт в своем письме, посланном из Кутаиси 22 мая 1864 года: «...Наш приезд (в Кутаиси. — Г. Д.) был им не по душе: «Вот они, мол, наши губители, которые отнимут у нас крепостных». Особенно сильно, оказывается, лягают меня, так как я не здешний и, по их мнению, приехал из другой страны»⁴.

Это вполне понятно, ибо автор «Рассказа нищего», «Видения», «Человек ли он?», «Разбойника Како», воспитанный на идеях Белинского и Чернышевского, не мог, разумеется, и в сфере практической деятельности не выступить против варварского социального института. Это подтверждает Христофор Мамацашвили в своем кратком воспоминании «Эпизод из жизни Ильи Чавчавадзе», где приведены два весьма значительных факта из времен отмены крепостного права.

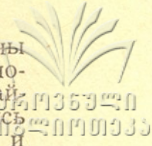
В связи с крестьянской реформой в Грузии был создан княжеско-дворянский комитет. Прежде чем принять то или иное решение, губернский предводитель дворянства Д. И. Кипиани попросил ряд влиятельных лиц высказать письменно свое мнение относительно того — освободить крестьян вместе с землей или без земли. Как рассказывает Христофор Мамацашвили, «из опрошенных лиц прислали ответ только двое: Иосиф и Константин Мамацашвили,

¹ И. Чавчавадзе. Сочинения, т. I, 1914, с. XXI.

² Там же, с. XXXII.

³ Там же, с. XXXI.

⁴ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. X, 1961, с. 239.

которые оповестили Д. Кипиани, что крестьяне должны быть освобождены вместе с землей». При таких обстоятельствах комитет, разумеется, постановил, что крестьяне должны быть освобождены без земли, и созвал чрезвычайное собрание дворянства. Были зачитаны протоколы, после чего начались прения. «В это время, — пишет Х. Мамацшвили, — поднялся молодой поэт и публицист Илья Чавчавадзе и во всеуслышание заявил, что крестьянам надо дать землю. Большинство присутствующих встретило это требование враждебно. Один князь даже обнажил кинжал и с бранью бросился к Илье. «Пусти-те меня! Я убью его!» — кричал он. Взбешенного князя с трудом уняли и вывели из собрания»¹. Обстановка настолько накалилась, что друзья Ильи Чавчавадзе решили поочередно охранять молодого поэта, чтобы уберечь его от подобных эксцессов. Х. Мамацшвили рассказывает далее: «Я служил тогда в Гомбори. О случившемся мне сообщил Илья Цинамдзвришвили, который писал: «Поскорее приезжай в Тбилиси, мы должны объединиться вокруг Ильи и довести до конца дело уничтожения крепостного права». Я тотчас же выехал в Тбилиси. Несколько молодых людей, в том числе А. Пурцеладзе, Илья Цинамдзвришвили и я, всегда находились вблизи Ильи и были готовы в любую минуту прийти ему на помощь».

В связи с выступлением Ильи Чавчавадзе против дворянства, за освобождение крестьян с землей Х. Мамацшвили вспоминает и другой случай: «На втором собрании против освобождения крестьян с землей выступил генерал-лейтенант И. Мухранский. Он заявил, что освобождение крестьян без земли удовлетворит все дворянство, а с землей — лишь несколько человек. Илья Чавчавадзе схватил оратора за руку, повернул к себе и спросил: «Кого вы имеете в виду, кто такие эти человечки?». Мухранский ответил, что он неправильно выразился, что вместо «человечки» хотел сказать «несколько человек». Так молодой поэт заставил извиниться старого князя в мундире генерал-лейтенанта, которого в дальнейшем «отхлестал» в своих «Загадках».

А вот заключительные строки воспоминания Х. Мамацшвили: «Илья Григорьевич в самом начале своей деятельности едва избежал гибели в связи с защитой интересов крестьян, но и в дальнейшем никогда не изменял своим убеждениям. Покойный поэт был последовательным сторонником социального равенства».

О том, что Илья Чавчавадзе был действительно сторонником отмены крепостничества, причем требовал освобождения крестьян вместе с землей, свидетельствуют воспоминания и других близких ему лиц. Приведем некоторые из них: «Будучи еще совсем молодым, Илья пришел к нашим отцам и сказал: «Братья, падение крепостничества, ваше освобождение обрадовало меня, наверное, больше, чем вас самих; в знак моей радости я передаю эти имения в полную вашу собственность, мне не надо никаких налогов и оброков. Живите, будьте счастливы и учите ваших детей». Радостный, он долго говорил с нами, затем вручил нам соответствующие документы и ушел»². «Когда Илья распределял между освобожденными от крепостной зависимости крестьянами наделы земли, мы держали в руках десятисаженную веревку, а Илья шел вместе с нами, — рассказывает Т. Папиашвили. — Здесь же были князья, дворяне, их жены и даже священник. Дворяне на каждом шагу спорили с Ильей. С ненавистью они говорили нам: «Паршивцы проклятые, до какого дня мы дожили, нашу землю вам дали мерить!»... Помню, Илья со смехом сказал, обращаясь к Шабуришвили: «Настанет время, когда крестьянам достанутся все ваши луга и леса». Как только помещики начинали шуметь и выражать свое недовольство, Илья подмигивал нам и давал тем самым знак: тините, мол, ребята, веревку, а затем вскидывал высоко голову и, тихо посмеиваясь, говорил: «перепрыгивайте»... Илья понимал, что при натягивании, когда веревка удлинялась, межа передвигалась соответственно и нам прибавлялось земли; это, конечно, радовало нас, и мы придумали прозвище: «Господин Перепрыгивайте», которым и окрестили своего любимого Илью Чавчавадзе, работавшего в то время мировым посредником в Душети»³.

На должность мирового посредника в Душети Илья Чавчавадзе был назначен в конце 1864 года, когда в Восточной Грузии было отменено крепостное право. Как отмечает Г. Кипшидзе, «барон Николаи, возглавлявший Совет при наместнике, а в дальнейшем министр просвещения, хорошо знакомый с Кавказом, поздравил, между прочим, Илью Чавчавадзе с назначением на эту

¹ Х. Мамацшвили, Эпизод из жизни Ильи Чавчавадзе. — См. в кн.: «Смерть и похороны Ильи Чавчавадзе», 1907, с. 67.

² «Литературили матиане», 1940, № 1—2, с. 173. Ш. Шаманаури. Немного об Илье Чавчавадзе.

³ «Литературили матиане», 1940, № 1—2, с. 175. Т. Папиашвили. Господин Перепрыгивайте.

должность: я надеюсь, — добавил он, — вы докажете, что молодость — не недостаток, а достоинство... Илью не надо было упрашивать. Он и сам стремился получше разобраться во взаимоотношениях между помещиками и крестьянами крепостными, и по мере возможности содействовать их мирной жизни»¹.

Обязанности мирового посредника Илья Чавчавадзе выполнял с присущими ему усердием и добросовестностью. Главное — он был глубоко знаком с жизнью народа, с его нуждами и тяготами. В этот период Илья Чавчавадзе действительно часто находился среди крестьян, беседовал «со своим «умным Петре», добрым Габро, с болтливым Глаха Чрнашвили, с мохевцем, который так опечалил его своим рассказом и заставил глубоко задуматься, когда писатель повстречался с ним в Дарьяльском ущелье, возвращаясь из России»². Все это было очень важно для молодого писателя, который поставил целью своей жизни служение народу.

В должности мирового посредника в Душети Илья Чавчавадзе находился до 1868 года, то есть до тех пор, пока на Кавказе проводилась судебная реформа. Когда она была завершена, ему там же, в Душети, предложили должность мирового судьи. Как свидетельствуют документальные материалы, Илья Чавчавадзе выполнял свои обязанности с исключительной добросовестностью и прилежанием. Защитник и друг крестьянства, он всеми силами старался облегчить участь сельских тружеников, помогая им не только советом, но и — наиболее нуждающимся из них материально³.

Дошедшие до нас приговоры мирового судьи И. Чавчавадзе свидетельствуют о том, как объективно и справедливо решал он спорные дела, как защищал неграмотных крестьян от бывших хозяев, как боролся с несправедливостью, чтобы и практически осуществить великий идеал «освобождения труженика», который так вдохновенно выражен в его поэтическом творчестве. 4 октября 1868 года Илья Чавчавадзе в связи с жалобой казенного крестьянина Ниника Томашвили по делу дворянина Чрдилели, незаконно выселившего своего казенного крестьянина из дома, приговаривает дворянина к двухнедельному заключению⁴.

Интересно также судебное решение по делу крестьянина Гио Цулиашвили от 18 сентября 1869 года. Протокол по этому делу был составлен лично И. Чавчавадзе. В нем сказано, что дворянин Иосиф Климиашвили, который возбудил жалобу против крестьянина Цулиашвили, виновен, так как он первым ударил крестьянина, который только после этого, защищаясь, применил физическую силу. Илья Чавчавадзе выносит следующее постановление: крестьянина Гио Цулиашвили освободить от всякого наказания по вышеотмеченному обвинению, а судебные расходы возложить на жалобщика дворянина Иосифа Климиашвили, «как на недобросовестного обвинителя»⁵.

Такою же позицию занял Илья Чавчавадзе при разборе дела временнообязанного крестьянина Гогилы Шноевича Экаладзе, возбужденного против дворян Зураба и Элиазара Алексишвили. Братья Алексишвили самовольно, без ведома Гогилы Экаладзе забрали 40 снопов хлеба из собранного им урожая.

10 ноября 1870 года, публично рассмотрев это дело, Илья Чавчавадзе вынес следующий приговор: дворяне Зураб и Элиазар Алексишвили приговариваются к 6-дневному заключению в Душетской тюрьме, причем с них должно быть взыскано в пользу крестьянина Гогилы Экаладзе 12 рублей; возложить на Зураба и Элиазара Алексишвили оплату судебных расходов»⁶.

Илья Чавчавадзе сурово осудил поступок князя Георгия Ивановича Химшиашвили, который избил и оскорбил крестьянина Датика Цамаладзе. 11 сентября 1872 года И. Чавчавадзе выносит по этому делу приговор: признать виновным князя Георгия Ивановича Химшиашвили, который в течение одного дня два раза избил крестьянина Датика Цамаладзе, наказать его при этом словесное оскорбление, и заключить его на три месяца в тюрьму Душетского уезда; с него же взыскать судебные издержки.

Как видим, еще совсем молодой поэт Илья Чавчавадзе стремится защитить интересы поработанного, неграмотного, измученного нуждой, непосильным трудом крестьянства, борется против обладающих властью, образованных, сытых и блаженствующих тунеядцев — дворян. Именно поэтому крестьян-

¹ И. Чавчавадзе. Сочинения, т. 1, 1914, с. XXXIII.

² Там же.

³ См.: Собранные Литературным музеем в 1937 году материалы под общим названием: «Сагурамские крестьяне об Илье Чавчавадзе». — «Литературули матиане», 1940, № 1—2, с. 198—218.

⁴ «Саисторно моамбе», 1947, № 3, с. 186—191.

⁵ Там же, с. 188.

⁶ Там же, с. 567.

ство высоко ценило работу Ильи Чавчавадзе в должности мирового судьи, тогда как дворяне негодовали.

Аналогичные факты приводятся и в кратких воспоминаниях Нико Оситашвили¹. Мы видим, что Илья Чавчавадзе защищал крестьян и от произвола торгашей и ростовщиков. Когда душетский торговец предъявил к оплате крестьянину Лалиашвили фальшивый вексель на сумму 60 рублей, И. Чавчавадзе лично проверил вексель и установил его подделку (фальшивый документ был составлен на пять лет раньше, нежели указанная в нем дата); крестьянин был оправдан, а торговец привлечен к уголовной ответственности². И. Чавчавадзе оградил крестьянина Наскида Папашвили от притязаний ростовщика из селения Мухрани, который обманным путем хотел вторично получить от него данные займы деньги.

Любовь крестьян к И. Чавчавадзе подтверждается словами того же Наскида Папашвили: «Один раз у меня было дело к этому судье грузину (т. е. к И. Чавчавадзе. — Г. Д.), после чего я несколько раз вызывался в суд, но подобных ему людей уже не встречал»³.

В период работы И. Чавчавадзе в Душети мировым судьей был один интересный случай, о котором он лично рассказал Ионе Меунаргия. Последний так передает этот рассказ: «Когда я был судьей, один крестьянин оспаривал землю у Казбеги.

— Господин, земля моя, я ее купил еще в царствование Теймураза, у меня и свидетель есть, а Казбеги хочет теперь отнять у меня эту землю, помоги мне, спаси меня, — обратился ко мне с жалобой крестьянин.

Я вызвал названного крестьянином свидетеля.

— Ты свидетельствуешь о том, что такая-то земля куплена этим крестьянином при царе Теймуразе?

— Да, уважаемый, я свидетель и готов поклясться: я и ногти свои давал стричь.

Оказывается, в старину был обычай: когда кто-нибудь покупал землю, то присутствующему свидетелю стригли ногти. За это ему платили вознаграждение, и этот свидетель был обязан рассказать своему старшему сыну относительно совершенной купли-продажи. Сын рассказывал об этом внуку, и таким образом история об этой купле передавалась из поколения в поколение. Если у какого-нибудь свидетеля не было детей, он рассказывал об этом старшему в роде.

Илья ранее не слышал об этом обычае, который ему понравился, и он присудил спорную землю крестьянину.

Казбеги не замедлил подать апелляцию, в которой писал: мировой судья поднял из земли мертвых, берет от них показания, мертвых допрашивает. На это Илья возразил: «В Вавилоне нашли на одном камне надпись, гласящую: это имене куплено таким-то, а свидетелем этой покупки является такой-то, ногти которого находятся в этом камне. Разбили камень и нашли в нем ногти»⁴.

Поиски аналогов вышеупомянутого грузинского обычая в жизни других народов — свидетельство серьезной заинтересованности И. Чавчавадзе вопросами истории и этнографии. Уже в пожилом возрасте писатель с увлечением следил за развитием исторической науки, интересовался проблемами народов мира, в частности историей Египта.

О том, с каким интересом изучал Илья Чавчавадзе историю древней страны, свидетельствуют его записи, относящиеся, по нашему предположению, к 1904 году. По-видимому, читая одну из книг по истории Египта, поэт делал заметки, которые свидетельствуют о его стремлении разыскать корни грузинской культуры в далеком прошлом. Всего сделано 24 заметки. Первая из них такова: «Не идет ли из Египта частое упоминание солнца в грузинской литературе и языке?».

Однако Илья Чавчавадзе увлекался отнюдь не только историей древних стран и Грузии. Его внимание всегда привлекали вопросы современности, и он до конца своей жизни сохранил этот интерес. В частности, он делал пространные выписки из сборника материалов конгресса социологов, состоявшегося в 1895 году. Делал пространные выписки из трудов Маркса, Вайндекгруна, Штаммлера, Бернштейна, Зомбарта, Лассалья, Бюхера и др.⁵

¹ Два воспоминания, помещенные в «Литератури меквидреоба», 1935, 1, с. 566—569.

² Там же, с. 567.

³ Там же, с. 569.

⁴ И. Меунаргия. Грузинские писатели, II, 1947, с. 186—187.

⁵ Фонд Ильи Чавчавадзе № 97, хранящийся в Институте рукописей им. К. Келидзе.

Почти десять лет (с 1864 по 1873 г.) Илья Чавчавадзе работал в Душети. В течение этого времени он продолжал редактировать свои ранние произведения, писал новые, собирал фольклорные материалы; особенно важно, что, работая в Душети, И. Чавчавадзе сумел глубже познакомиться с жизнью крестьянства.

Это знакомство он широко использовал в своей дальнейшей литературной деятельности (поэзия, проза, драматургия, публицистика). И все же, несмотря на это, жизнь И. Чавчавадзе в Душети не только была трудной, но и никак не могла удовлетворить духовных запросов великого поэта. В письмах к жене он жалуется на свое затруднительное положение, на отсутствие сносного жилого помещения («нас шесть человек живет в одной комнате», 1868 г.), на материальные трудности, на одиночество и т. д.

Тяжелые переживания поэта, препятствия, с которыми сталкивался он в своей творческой работе, хорошо видны из его письма Петре Умикашвили, написанного в июне 1872 года. Приводим отрывок из этого письма: «Ты прошу меня прислать что-нибудь новое, но у меня нет ничего нового, полностью законченного, вернее, не написано ничего такого, что бы стоило напечатать. Ты, наверно, удивляешься, но, поверь, причина этому — не лень; я, по правде говоря, человек слабого сложения. Мне нужен нормальный отдых, нужны определенные условия, чтобы я мог что-нибудь написать, но до сих пор, пока я не брошу эту чиновничью службу, все это для меня — несбыточная мечта; когда начинаю писать и мне ничто не мешает, я быстро завершаю начатое, но стоит оторваться — и кончено: я долго не могу вернуться к начатому. Вся беда в том, что у меня нет свободного времени, и поэтому так бездарно и бесплодно проходит жизнь. Очень горько понимать это, но выхода нет. Думаю бросить службу, но чем жить? Вдруг еще больше времени уйдет на то, чтобы заработать кусок хлеба?»¹.

Во втором письме к П. Умикашвили (август 1872 года) И. Чавчавадзе пишет: «...Ты пишешь, чтобы я непременно переехал в город (подразумевается Тбилиси. — Г. Д.)... но ведь и там придется служить. Я должен быть вне службы... — вот главное, что связывает меня по рукам и ногам»².

Все понимали и чувствовали тяжелое положение И. Чавчавадзе, но практически никто ему не помог.

Великий поэт сумел избавиться от опостылевшей ему службы в Душети только после того, как «князья и дворяне Восточной Грузии отложили часть денег, пожалованных им в период освобождения крестьян, для создания кредитного банка, необходимого для нужд страны, — банка, прибыли которого пошла бы главным образом на воспитание и образование дворянских детей»³. Как вспоминал сам Илья Чавчавадзе, большие споры велись по вопросу о том, какой характер должно было носить упомянутое кредитное учреждение. Камеральное образование поэта, по-видимому, в значительной степени содействовало тому, что он сумел внести ясность в этот вопрос: по его совету решено было учредить земельный банк. В комиссию по составлению устава банка был введен и И. Чавчавадзе. Составленный комиссией устав был одобрен в том же 1873 году⁴ Илье Чавчавадзе было поручено отправиться в Петербург для утверждения этого устава в правительственных органах. «И я, в связи с этим делом, — пишет он, — оставил государственную службу (в Душети. — Г. Д.) и отправился в Петербург».

В первых числах июля И. Чавчавадзе выехал в Петербург. 12 июля он сообщает жене, что уже находится в Москве. И. Чавчавадзе полагал, что он быстро выполнит порученное ему дело, утвердит устав. Но надежды его не оправдались. Несмотря на то, что устав был составлен в соответствии с «указанным правительством к руководству пособием образцов уставов», для утверждения его понадобилось целых десять месяцев. Очевидно, царская бюрократия сознательно затягивала утверждение устава (Илья Чавчавадзе говорит и о взяточничестве среди высокопоставленных чиновников).

Правда, устав был составлен таким образом, что в нем «полностью исключалась частная заинтересованность в прибыли»; кроме того, доходы банка должны были использоваться не только для нужд землевладельцев (князей и дворян), но и для общих нужд земледельцев; несмотря на это, утверждение устава все более затягивалось, и Илья Чавчавадзе оказался в исключительно тяжелом положении.

¹ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. X, 1961, с. 36—37.

² Там же, с. 37—38.

³ И. Чавчавадзе. Полн. собр., соч., т. XI, 1957, с. 309—310.

⁴ Илья Чавчавадзе ошибочно указывает 1874 год.

Его письма Ольге Гурамишвили на протяжении этих десяти месяцев лучше всего свидетельствуют о том, какая путаница и волокита была создана вокруг этого не столь уж сложного дела.

В первом же письме (12 июля) Илья Чавчавадзе писал: «Спешу в Петербург, так как говорят, что дела нашего банка очень плохи. Министр будто бы не утверждает проект по той причине, что у нас мало денег. Если это действительно так, то ничего хорошего ждать нельзя»¹. Создавшееся положение вынуждает Илью Чавчавадзе прибегнуть к самым энергичным мерам. Результаты не заставили себя ждать, и через две недели он сообщает жене: «Правда, дела с утверждением нашего устава идут теперь хорошо, но зато нас не пускают ни в один банк и мы не имеем возможности ознакомиться с их работой. Мы находимся в большом затруднении. Я написал в город (имеется в виду Тбилиси. — Г. Д.) о создавшемся положении, но не знаю, какой последует ответ. Деньги я почти все израсходовал...»². Илья Чавчавадзе, однако, готов перенести любые испытания: «лишь бы общественное дело, с которым я связан волею судеб, закончилось хорошо, и пусть наши личные горести и переживания будут залогом успеха этого дела»³, — пишет поэт.

Столь длительное пребывание в Петербурге и Москве по делам банка, несмотря на тяжелые переживания и затруднения, о которых поэт пишет почти в каждом письме, не прошло для него бесследно. Здесь он взялся за перевод Шекспира и вместе с Иване Мачабели, в то время студентом Петербургского университета, к началу 1874 года полностью перевел на грузинский язык трагедию «Король Лир». И. Гришашвили отмечает, что еще раньше, в 1859 году, когда 22-летний И. Чавчавадзе возвратился из Петербурга на лечение в Грузию, он намеревался перевести на грузинский язык это гениальное произведение Шекспира. Находясь в Петербурге, Илья Чавчавадзе, конечно, не мог не быть покоренным игрой гениального американского исполнителя ролей шекспировских героев — негра Айры Федерика Олдриджа, который в 1858 году находился на гастролях в России. О его исполнении роли короля Лира говорил тогда весь Петербург. По сведениям биографов, в этот период в бывшей Первой Тифлисской гимназии, где в свое время Г. Эристави устроил первое грузинское представление, И. Чавчавадзе осуществил постановку живых картин из «Короля Лира». В этих картинах, между прочим, принимали участие дочь и сын Александра Чавчавадзе — Софья и Давид. Роль короля Лира исполнял сам Илья Чавчавадзе... Это была первая постановка живых картин в Грузии»⁴. Много времени спустя, 16 февраля 1886 года, когда «Король Лир» был поставлен на «большой сцене» с участием писателей и известных актеров, Илья Чавчавадзе исполнял роль Кента, роль Лира сыграл Котэ Кипиани, шута — Котэ Месхи, Корделии — Мако Сафарова-Абашидзе, Эдгара — Васо Абашидзе, Эдмунда — Александр Казбегидзе⁵.

Как выясняется из письма дочери Михаила Туманишвили — Варвары (письмо написано 16 февраля 1873 года, т. е. за несколько месяцев до поездки И. Чавчавадзе в Петербург)⁶, вождь «тергдалеули» еще в 1873 году собирался написать критическую статью, в которой намеревался провести параллель между Гамлетом и героем «Вигязя в тигровой шкуре» Тариелом. Но И. Чавчавадзе не написал это исследование. Как раз в этот период он переезжает на работу из Душети в Тбилиси. Как мы указывали выше, в связи с банковскими делами в первых числах июля И. Чавчавадзе едет в Петербург, где он познакомился с Иване Мачабели и вместе с ним приступил к переводу на грузинский язык «Короля Лира». В этом деле Илья Чавчавадзе выполнял главную роль: параллельно с изучением английского языка поэт глубоко проник в шекспировский текст, нашел соответствующую грузинскую поэтическую форму — нерифмованный четырнадцатисложный стих, позволивший до такой степени сохранить близость к оригиналу, что Дмитрий Кипиани, сравнивший этот перевод с многочисленными изданиями Шекспира, не смог сделать никаких замечаний в отношении точности передачи смыслового содержания. Дмитрий Кипиани, который в то время уже был опытным переводчиком Шекспира (в 1841 году им был осуществлен перевод «Ромео и Джульетты», как об этом упоминает Николоз Бараташвили в частном письме, в 1872 году был напечатан перевод «Венецианского купца», а в 1865 году — «Двух веронцев»), посылает Илье Чав-

¹ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. X, 1961, с. 288.
² Там же, с. 289.
³ Там же, с. 290.
⁴ И. Гришашвили. Литературные очерки, 1952, с. 263.
⁵ Там же, с. 269.
⁶ Это впервые опубликовал И. Гришашвили, см. также его «Литературные очерки», 1952, с. 263.

чаввадзе из Квишхети 31 октября 1879 года письмо такого содержания: «Когда вы (20 этого месяца) предложили мне исполнить роль Лира (Илья Чавчавадзе послал свой перевод Дмитрию Кипиани с просьбой, если ему понравится, принять участие в спектакле в роли короля Лира. — Г. Д.), я вам ответил, что узнаюсь с переводом и после этого отвечу, смогу принять участие в спектакле или нет. Я прочитал ваш перевод, да еще как! Я разлскил перед собой шесть книг: 1) подлинный Шекспир, изданный Таухницем в 1868 году, 2) подлинный Шекспир, изданный значительно раньше Рутледжем, 3) Шекспир в переводе на французский язык Бенжамена Лароша 1857 года, 4) перевод Виктора Гюго 1861 года, 5) Ваш перевод на грузинский язык 1877 года и 6) английско-французский и французско-английский словарь Саллера. Обложившись этими книгами, я приступил к чтению Вашего перевода. Я работал со всей тщательностью и прилежанием... Ваш перевод успешно выдержал эту критику, критику беспристрастную и суровую. Вы предали огромный труд и выполнили его с поразительным талантом. Однако Вами допущена одна ошибка: в сочинениях Шекспира, которые написаны очень давно, встречается много архаических слов, которых давно уже нет в обиходе; но это разговорная живая речь, принятая в обществе как в прошлом, так и в настоящем. У Вас же речь больше книжная. Ваш перевод, несомненно, прекрасен, но так тогда никто не разговаривал. Если можно сделать какое-нибудь замечание в адрес Вашего перевода, так это только относительно разговорной речи и больше абсолютно ничего...»².

Симптоматично, что такой авторитет, как автор упомянутого письма, дал столь высокую оценку грузинскому переводу «Короля Лира». Сам И. Чавчавадзе, всегда скупой и сдержанный в оценке своих произведений, на этот раз был доволен своей работой. Об этом свидетельствует хотя бы его письмо к жене из Петербурга от 19 декабря 1873 года: «Перевод действительно получился превосходный, читатели будут благословлять переводчиков, настолько он хорош. По возвращении мы собираемся поставить его на сцене, это получится замечательно. Ты не можешь себе представить, как хорошо зазвучал Шекспир на грузинском языке. Ни один русский перевод не сравнится с грузинским... Ты ведь знаешь, что я сам не люблю хвалить свою мазию, но это такой перевод, что просто жаль его не похвалить. Этот перевод прямо-таки с ума свел здешнюю молодежь, все без конца им восторгаются»³.

Перевод «Короля Лира» действительно стал выдающимся событием грузинской литературы XIX века. За ним последовали классические переводы других трагедий Шекспира, осуществленные Иване Мачабели и создавшие целую эпоху в истории грузинского переводческого искусства.

Как мы уже отмечали, затянувшееся утверждение канковского устава в конце концов успешно завершилось, и в 1874 году И. Чавчавадзе возвратился на родину. Началась большая организационная работа, в результате которой в 1875 году был основан земельный банк. 5 сентября 1874 года председателем правления банка был избран Илья Чавчавадзе; и несмотря на то, что выборы председателя проходили каждые три года, что между так называемыми «чавчавадзистами» и «мачабелистами» велась ожесточенная борьба, Илья Чавчавадзе проработал на этом посту свыше тридцати лет, до 23 июня 1905 года.

Параллельно с литературной работой и руководством банком протекала исключительно многогранная деятельность Илья Чавчавадзе. В марте 1877 года он основал еженедельный журнал «Иверия», который издавался в течение двух лет (1877 — 1878 годы), после чего был преобразован в ежемесячный журнал, а с 1886 года — в ежедневную политическую и литературную газету.

Во второй половине XIX века Илья Чавчавадзе был не только главой «тергдалеули», но и идейным вождем всего грузинского народа. И несомненно, что ежегодно отмечавшийся в Сагурамо его день рождения представлял собой не только народное празднество. Этот день использовался для решения разных политических и социальных вопросов, что не осталось незамеченным жандармерией. Приезжавшие на этот праздник представители передовой грузинской интеллигенции совместно с великим поэтом и под его руководством решали жизненно важные для грузинского народа вопросы⁴.

¹ Дата неверна, возможно, Д. Кипиани имеет в виду окончательную редакцию, должен быть 1873 год. — Г. Д.

² Этот отрывок из письма Дмитрия Кипиани приводится по работе И. Гришавили «Литературные очерки», 1952, с. 264—265.

³ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. X, 1957, с. 332.

⁴ См.: «Литератури матиане», 1940, № 1—2, воспоминания Екатерины Габашвили и других, с. 101—218.

Царское правительство, отлично понимавшее, какую огромную силу представляет собой Илья Чавчавадзе, стремилось изыскать наиболее гибкие и действенные формы для борьбы против него. С другой стороны, опасаясь народного гнева, оно старалось в этой борьбе оставаться в тени. В наиболее же сложный период, когда первая революция достигла своего апогея, царское правительство вынуждено было пойти на некоторые нежелательные для него уступки. В апреле 1906 года Илья Чавчавадзе избирается членом Государственного совета и, хотя он был делегирован дворянством, прекрасно понимал, что это была лишь формальность, и справедливо считал себя представителем всего грузинского народа, защитником его насильственных и социальных интересов.

Даже при простом перечислении всех областей практической деятельности И. Чавчавадзе поражает широкий круг интересов великого поэта. Еще в 1877 году он был избран вице-президентом Императорского Хозяйственного общества, где проработал до 1881 года на выборной должности председателя. И. Чавчавадзе часто избирался также в разные комиссии¹.

После избрания председателем правления земельного банка, как пишет Иона Меунаргия, «...перед Ильей открылось широкое поприще деятельности на пользу Грузии. С этого дня в течение тридцати лет в Тбилиси ни одно общественное дело не начиналось так, чтобы его не возглавил И. Чавчавадзе. Пока был жив Дмитрий Кипиани, пока звучал голос епископа Габриэла, пока Григор Орбелиани смотрел свысока на новые поколения, их имена иногда еще ставились выше имени Ильи Чавчавадзе, но после их смерти Илья стал в Грузии первым человеком...

Илья — глава банка, Илья — редактор, Илья — председатель Общества по распространению грамотности, Илья — председатель драматического общества, Илья — член и товарищ председателя правления дворянских школ, Илья — писатель и поэт, Илья — представитель грузинской литературы, радушный хозяин, принимающий иностранных гостей и писателей и т. д. и т. п.»

¹ См.: «Автобиография И. Чавчавадзе», т. IX, 1957, с. 312.

Продолжение следует

Баски и грузины

Когда был поставлен вопрос о генеалогии баскского языка, прежде всего, естественно, следовало выяснить его отношение к иберийскому языку (resp. иберийским языкам). Правда, еще в XVII веке было высказано мнение о том, что баскский простирается из иберийского, но первая попытка дать научное обоснование этого тезиса принадлежит гениальному немецкому лингвисту Вильгельму Гумбольдту (1817, 1821). Впоследствии у него появились и противники¹, но все же основные положения Гумбольдта остаются незыблемыми и подтверждаются не только лингвистической, но и культурно-исторической аргументацией. «Баскский язык по существу представляет собой продолжение и развитие иберийского», — заключил и такой авторитетный исследователь, как Гуго Шухардт, в 1925 году.

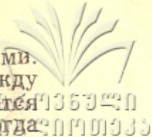
С баскским связывают также языки хамитической группы². Филиппс (1870) и Габеленц (1893) утверждали, что баскский и берберский языки простираются из одного источника. Известный басколог Уленбек, можно сказать, назвал больше всего примеров в пользу этой гипотезы (1942). Хамитическо-баскскую теорию разделяли и другие (Бон-Гигпер, Шультен, Шакомино, Оштор и др.). Шухардт отмечал, что в одном ряду с кавказско-баскскими соответствиями следует поставить хамитическо-баскские соответствия, и этот параллелизм не должен вызывать недоразумений (1925).

Тромбетти считал близким родственником баскского кушитский (1925). Лафон же пришел к следующему выводу: «Что касается родства баскского и хамито-семитических языков, то ни до 1918 года, ни после этого не удалось найти аргументов в пользу этого предположения в виде регулярных фонетических соответствий или морфологических подобий» («Баскский язык»).

¹ Один из главных аргументов исследователей состоял в том, что древние иберийские надписи не читаются по-баски. Это, однако, нельзя считать серьезным возражением: язык на протяжении столетий подвергся огромным изменениям, да к тому же и иберийские надписи расшифрованы далеко не полностью. Поэтому на их основании нельзя делать выводов, имеющих кардинальное значение. Вот одна из аналогий: «Древний албанский язык на Кавказе был языком лезгинской подгруппы. Древнеалбанские надписи выявлены, но по-лезгински они не читаются, хотя албанские языки принадлежали к лезгинскому кругу» (А. Чикобава).

² К ним относятся: берберские языки (Триполи, Тунис, Алжир, Марокко в Африке), кушитские языки (сев.-вост. Африка), древнеегипетский, коптский.

Некоторые авторы доходили до того, что считали баскский язык индоевропейским (Аделунг, Гольдман, Шлегель). Была даже сделана попытка отнести этот язык к угро-финской семье (Клапрот и др.).

Вместе с тем баскский сопоставляли также с палеосибирскими языками. Уленбек отмечал (1922, 1925), что существует полный параллелизм между глаголом в языке чукчей и баскским глаголом. В этих языках не выражается субъект переходного глагола, наподобие объекта переходного глагола, тогда как субъект переходного глагола всегда выражается определенным показателем (это показатель эргативного падежа в баскском, инструментального — в языке чукчей). Боуда говорил: «Язык бурушо, мне кажется, является ключом к тому звену, объединяющему большую группу архаических языков, которое я обнаружил после того, как установил тесную связь, с одной стороны, индокитайского (включая енисейский), австрало-азиатского и австронезийского с баскско-кавказскими, а с другой стороны — языка зауральских чукчей с баскским» (1950). Позднее Боуда связал с той же группой тунгусский в Северной Азии и уто-ацтекский Центральной и Северной Америки. Боуда сопоставил префиксы баскского и абхазского языков (форманты каузативных глаголов) с суффиксом в чукотском (с той же функцией). Вместе с тем он указал на баскско-чукотские лексические совпадения. С этими его сопоставлениями согласился Уленбек. В 1946 году он говорил: «Мы пока еще мало что знаем о внешнем родстве чукотско-корякско-камчадальской группы. В конечном счете может оказаться, что эта группа является ответвлением кавказских языков. Совпадения чукотского и баскского позволяют включить их в сравнительное изучение баскского и кавказских языков». В связи с этимологическими опытами Боуды Ганс Фогг отмечал: «Создается такое впечатление, будто бы этим можно доказать все, абсолютно все».

Голландский ученый Ван Гинекен, попытавшийся внести изменение в традиционное понимание родства языков, считал баскский членом двух языковых семей — кавказских и хамитических. Гинекен придает большое значение скрещиванию языков и заключает, что языки, обладающие субстратом, в равной мере относятся к двум языковым семьям (армянский является и индоевропейским, и кавказским, румынский — и романским, и славянским — именно в этом аспекте рассматривается и генеалогическая проблема баскского).

Фридрих Шлегель относит баскский к коптскому и к языкам Америки на том основании, что в этих языках частицы начинают сливаться со словами, становясь префиксами и суффиксами, легко выделяемыми и частично сохраняющими самостоятельное значение. По мнению Шлегеля, в тех языках, которые вместо флексий имеют только аффиксы, в отличие от флективных языков, корни не являются настоящими корнями. Они образуют не плодородные зерна, а напоминают скопления атомов, которые любой случайный ветер либо сближает, либо удаляет друг от друга: их соединение — чисто механическое, осуществляемое посредством внешнего ядра¹.

Генеалогические связи баскского языка с мировыми языковыми группами выглядят неубедительными.

В науке давно уже выдвинута теория родства баскского с картвельско-кавказскими языками. Как отмечают многие исследователи, наибольшего доверия заслуживает именно эта гипотеза.

С баскско-кавказской теорией мы познакомимся ниже.

Скажем теперь несколько слов относительно истории научного изучения баскского языка.

Поскольку баскский язык включает в себя несколько резко отличающихся друг от друга диалектов, те или иные авторы «Грамматики баскского языка» опираются на диалект, имеющий какие-либо определенные нормы, на так называемый «литературный диалект». Это был главным образом один из центральных диалектов — бискайский или сулетский. Именно на этих диалектах создавались литературные произведения. В этом отношении особое место занимает сизский, представляющий собою восточное нижненаварское наречие. Это — язык одного из лучших образцов баскской литературы — поэзии Бернарда Дечепарре. Так или иначе, из опубликованных грамматик, по характеристике Лафона, ни одна не является последовательной, поскольку они обычно отмечают и особенности разговорной речи, а иногда даже подразумевают материалы других диалектов.

Основа глубокого научного изучения баскского была заложена отцом общего языкознания — членом Берлинской академии наук Вильгельмом Гумбольдтом. Его «Исследования в связи с языком древнейшего населения Испании — басков» (1821) и другие работы имеют фундаментальное значение в области исследования языка и истории басков. Гумбольдт получил философское образование и первоначально интересовался вопросами философии и эстетики, но со второй половины 90-х годов XVIII века еще молодой мыслитель начинае

¹ Ср. Т. Шарадзенидзе. Принципы классификации языков, Тб., 1958, с. 148—149 (на груз. яз.).

филологические исследования, считая, что единственный путь к познанию мира — изучение феномена языка и раскрытие его тайны. С этого времени в работах ученого язык оказывается в фокусе, вокруг которого вращаются все его научные и филологические разыскания. В научном мышлении молодого Гумбольдта произошел перелом: поскольку у него возникло убеждение, что язык — это «ключ ко всему человечеству», он целиком взял ориентацию на лингвистику, поставив перед собой задачу «историко-философского сопоставления» языков (по современной терминологии — этно-лингвистика). В 1795 году Гумбольдт пишет Ф. Шиллеру, что он давно уже ищет категории, определяющие природу и свойства того или иного языка, его своеобразные особенности. Здесь для нас особенно важно, что теоретическо-лингвистические труды Вильгельма Гумбольдта в своих истоках связаны с проблематикой баскского языка. Первоначально интерес гениального ученого к баскам ограничивался историко-этнографическими рамками. Он хотел исследовать язык, историю и обычаи басков, чтобы выяснить, «являются ли баски самобытным племенем или же только частью» более крупного этноса, и окончательно определить место этого таинственного народа в общей генеалогической схеме человечества. В дальнейшем, однако, у Гумбольдта возник более глубокий интерес к баскам, и проблемы их языка постепенно перешли в план теоретического языкознания. «Как бы ни проводить радиусы баскского языка во все точки, все же Гумбольдт пришел к точке зрения сравнительного языкознания... Он «в глубочайших слоях человеческой души» обнаружил точку пересечения философии языка и философии истории»¹.

Огромный вклад в баскологию внес Луи-Люсьен Бонапарт. В его работе «Баскский глагол» приведены исключительно интересные наблюдения в области баскской морфологии. Автор попытался составить исчерпывающие списки глагольных форм. Получены 32 «простых времени» и 104 «сложных времени». Более поздние грамматики (Гавель, Лакомб и др.) отмечают, что ни в одном диалекте в настоящее время не представлены полностью все времена, отмеченные в списке Бонапарта. Ему же принадлежит большая заслуга в области баскской диалектологии. Он составил карту семи баскских провинций, дал первую классификацию говоров и наречий, не утратившую своего научного значения вплоть до наших дней.

Карл Уленбек опубликовал очерки баскского языка, дал анализ важнейших особенностей его грамматики, охарактеризовал значение баскского с точки зрения общего языкознания, довольно широко коснулся вопроса о происхождении баскского языка и др.

Выдающийся исследователь романских языков Гуго Шухардт совершенно естественно заинтересовался баскским языком, поскольку язык этот находится в окружении романских языков и выяснение его профиля представляло интерес и с точки зрения романистики. Перу Шухардта принадлежат замечательные баскологические исследования. Автор попытался восстановить значительную часть системы иберийского склонения (1907), а восстановленная таким образом система склонений «выявила почти полную идентичность с современным баскским разговорным языком; вообще идентичность иберийского с баскским была принята под влиянием огромного авторитета Шухардта. Она встречается во многих учебниках» (Фогт). По словам Лафона, в опубликованной Шухардтом в 1893 году работе о баскском языке приведен составленный из трех или четырех строчек комментарий, представляющий собой самое глубокое из тех наблюдений, какие только были даны относительно структуры глагольной системы баскского языка. «Его статья, являющаяся исключительно важной, не была должным образом изучена и использована, поскольку она чрезмерно компактна, и читателю, перегруженному обилием и разнообразием данных, очень трудно следовать за рассуждением автора». Огромное значение имеют наблюдения Шухардта над баскским спряжением, пассивными конструкциями и др. Шухардту принадлежит попытка связать баскский с хамитическими языками (даны 154 сопоставления). Его воззрения по вопросу о грузинско-баскском родстве мы рассматриваем ниже.

Большой вклад в баскологию внес профессор Ренэ Ладон. В 1944 году вышла его докторская диссертация «Система баскского глагола в XVI веке». Его перу принадлежат весьма важные исследования по вопросам морфологии и фонетики баскского языка. основополагающая работа Лафона «Баскский язык» (1972) переведена и издана на грузинском языке.

Важные работы опубликованы в области фонетики баскского языка. Следует отметить «Баскскую фонетику» Аскуэ (1919), «Основы баскской фонетики» Гавеля (1920), «К сравнительной фонетике баскских диалектов. Исправ-

¹ Р. Гайм. Вильгельм фон Гумбольдт. Описание его жизни и характеристика (перевод с немецкого), Москва, 1899, с. 359.

ления» Уленбека (1923), «Произношение гипурской диалекта» С. Наварро Тома (1925), две книги инструментальной фонетики Ларраскуэ, о сульском диалекте с иллюстрациями, рисунками и палатограммами (1938, 1939) и другие. Особого внимания с точки зрения фонологического изучения баскского языка заслуживает историческая фонетика баскского языка Мечейлена. Работа ценна своим определенным подходом к учету природы всего баскского языка (Лафон).

Крупный представитель структуралистской школы Мартине заострил внимание на системе согласных баскского языка, на ее вероятном исходном состоянии, а также на проблеме баскского ударения. В дальнейшем на основе изучения «эргативной конструкции и элементарной структуры высказывания» он представил формы баскского языка и их характеристику.

Из грамматических работ последнего времени здесь следует назвать «Баскскую грамматику» Пьера Лафитта (1944). Мы опираемся на характеристику, сделанную Лафоном. Автор грамматики — один из лучших писателей басков. Он не является языковедом и, как сам отмечает, даже не пытался проводить лингвистическое исследование. По формулировке Лафона «Баскская грамматика» — пример практического и нормативного подхода. Автор пытается выяснить, что является правильным, и установить нормы литературного языка, который на протяжении шестидесяти лет опирался в основном на лабурдский диалект, хотя содержал и элементы наваррского и подвергался вместе с тем влиянию сульского. Существует определенная тенденция, направленная к тому, чтобы сделать этот язык «общим для всех континентальных басков». Пьер Лафитт называет его литературным наваррско-лабурдским. Ренэ Лафон подчеркивает, что характер работы Пьера Лафитта резко отличается от исследований структуральных лингвистов. Несмотря на это, он обязательно необходим для всех специалистов баскского языка, а также для исследователей общей лингвистики, если они хотят получить ясное представление о структуре баскского языка и о его функциях. Категории, в соответствии с которыми разделен материал, могут быть спорными, добавляет Лафон, но это несколько не мешает точному выяснению функций различных форм, поскольку автор, будучи глубоким знатоком языка, снабдил свое исследование богатейшим иллюстративным материалом, дав его точный перевод.

Исследователи баскского языка в прошлом при рассмотрении вопросов баскской грамматики подходили к ней главным образом с мерками индоевропейских языков, специфика же этого языка оставалась ими без внимания. Вместе с тем, работам их недоставало обобщенных выводов, полученных на основе точного анализа грамматических явлений. Характерны в этом отношении слова Ренэ Лафона: «Эти исследователи даже не пытались, как видно из их письменных или устных высказываний, определить точные функции именных и глагольных форм и выяснить их морфологические и синтаксические взаимоотношения. Кроме того, они игнорировали определенные факты, которые обязательно были им известны, но не казались им достаточно значительными».

В 1918 году была учреждена «Академия баскского языка». Эта академия с самого же начала объединяла в своем составе языковедов, филологов, историков, писателей. В трудах академии опубликовано большое число важных исследований.

Кафедра баскского языка впервые была открыта при Бордоском университете в 1948 году (на факультете литературы и гуманитарных наук). Основателем ее был профессор Ренэ Лафон.

Как отмечает Ренэ Лафон, кафедра дает высшее образование по специальности «баскский язык и литература»; ее выпускники получают диплом доктора третьего цикла, в котором указано: «преподавание баскского языка». Начиная с 1966 года студенты отделений современной литературы и живых иностранных языков при факультете Бордоского университета имеют возможность избрать баскский в качестве «второго живого языка». Вместе с тем после новой реформы высшего образования каждый студент Бордоского университета, желающий получить образование в области современной литературы и живых иностранных языков, может в течение первого и второго года первого цикла избрать баскский в качестве второго живого иностранного языка. Более того, студенты второго цикла того же факультета, желающие получить права и — соответственно — должность преподавателя, также могут выбрать для этой должности «сертификат баскского языка, литературы и цивилизации» как кандидаты на должность преподавателя истории искусства и археологии. По сообщению заведующего кафедрой, эти меры быстро принесли свои плоды. Многие студенты первого и второго циклов избрали баскский в качестве второго языка и получили сертификат преподавателя баскского языка; эти студенты, особенно баски по происхождению, имеющие, естественно, хорошее

практическое знание языка, могут оказать огромную услугу делу изучения этого языка в процессе самой подготовки к экзаменам.

После того как в Бордо была создана кафедра баскского языка, кафедры в Париже и центры по изучению этого языка возникли и в других местах: во Франции (По), в Испании (Сан Себастьян, Саламанка, Пампло, Деусто и др.).

С 1961 года в Тулузском университете курс баскского языка («Введение в изучение эускарско-романской проблематики») начал читать специалист романских языков Жак Альер. В Испании, в Сан Себастьяне, был создан семинар баскской филологии имени Юлио де Уркуйло, руководителем которого избран Луис Мичелена. Создана кафедра баскского языка в Саламанкском университете имени Мануэля де Ларраменды. В 1965 году основана «кафедра-институт баскского языкознания» при «Духовном университете» Дауста (Бискайя). Баскский язык изучают в Памплоне, в Наваррском университете (частное заведение, основанное в 1952 г. и в 1960 году преобразованное в университет). В эти три учебные заведения были приглашены французские баскологи, прочитавшие там лекции и доклады. В Джорджтаунском университете (США) введен курс «Введение в баскское языковедение», чтение которого поручено Хон Бильбао, баску по происхождению. Существует «Общество друзей баскского музея» во главе с Л. Дассансом; установлены тесные связи между музеем и Бордоским университетом. Музей располагает богатой картотекой топонимов и антропонимов (сведения мы приводим из одной статьи Лафона).

В 1976 году при отделении языка и литературы Академии наук Грузинской ССР было учреждено «Общество баскского языка и культуры».

С сентября 1976 года в Тбилисском государственном университете введен курс баскского языка (читается на филологическом факультете).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОБЛЕМА РОДСТВА БАСКСКОГО И ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Родство баскского и грузинского (resp. кавказских) языков нельзя считать таким генетическим отношением между языками, которое может быть легко установлено на основе поверхностного лингвистического сопоставительного анализа. Это родство следует обязательно искать в глубинах языка. Следует полагать, что здесь мы имеем дело с глубоко скрытым родством, и только путем тонкого, тщательного анализа возможно будет выявить предполагаемое первоначальное единство этих довольно далеких друг от друга языковых групп. Нас не должно пугать то обстоятельство, что грузино-баскские взаимосвязи находятся под густым покровом, поскольку будущие углубленные разыскания — а не фрагментарные исследования — позволят сорвать покров со многих тайн, скрывающихся в недрах баскского и кавказских языков и симитоматически проявляющихся в подтвержденных сегодня важных параллелях и удивительном сходстве. Баскско-кавказская гипотеза выглядит наиболее привлекательной и убедительно обоснованной в современной баскологии.

Исследование родства баскского и иберийско-кавказских языков связано со многими трудностями и препятствиями.

Надо полагать, что грузинский и баскский (resp. древнеиберийские) языки разошлись на очень ранней ступени развития. Поскольку момент этого расхождения предполагается в очень отдаленном прошлом, то естественно, что в ходе исторического развития они приобрели радикально отличающие их друг от друга черты и пошли по разным путям, несмотря на то, что для обоих языков характерен ярко выраженный консерватизм как в грамматической структуре, так и в лексическом составе: грузинский и баскский языки очень похожи друг на друга с точки зрения сохранности архаичных элементов. Это обстоятельство, разумеется, отнюдь не исключает резкой дифференциации между данными языками, вызванной фактором времени. Кроме различий, возникших в результате внутренней эволюции, следует отметить изменения, которые произошли под действием «внешних факторов», — новые явления, возникшие на почве контактов с языками совершенно иной системы. Данный факт, между прочим, сыграл весьма важную роль в деле интенсификации видоизменений обоих языков.

Из всего сказанного выше вытекает, что установить языковое родство трудно в тех случаях, когда следы поверхностного сходства с течением времени стерлись, и только посредством глубокого анализа можно выявить некогда существовавшую взаимосвязь между данными языками.

Сильно осложняет дело и отсутствие древних текстов. Среди иберийско-кавказских языков только грузинский имеет письменную традицию (грузинский литературный язык насчитывает пятнадцативековую историю), тогда как древнее состояние баскского языка нам почти неизвестно, не говоря уже о кавказских горцах, основы для литературных языков которых были заложены только после Великой Октябрьской революции. Насколько облегчилось бы дело, если бы и баски, подобно грузинам, располагали древними письменными памятниками, — мы смогли бы тогда сопоставить древнегрузинский с древнебаскским и приблизиться бы к той эпохе, когда разошлись и оказались в одиночестве оба эти языка.

Пожалуй, не так уж парадоксальна мысль Вандриеса о том, что, если бы мы знали только современный французский язык, довольно трудно было бы генетически увязать его с индоевропейскими языками и могли бы возникнуть более серьезные основания отнести его к языкам семитической или финно-угорской системы. Данную мысль повторяет и Шухардт.

Вместе с профессором Гансом Фогтом мы скажем, что науке совершенно неизвестны материалы трех или четырех тысячелетий, отделяющих нас от эпохи баскско-кавказского единства, которое допускается в древних грузинских текстах (VI—VII вв.). История доиндоевропейских народов нам в какой-то степени все же известна. Баскские диалекты и кавказские языки могли переместиться в совершенно разных направлениях, удалиться друг от друга на тысячи километров, полностью потерять всякие контакты между собой и подвернуться (каждый в отдельности) каким-то внешним влияниям, о которых мы почти ничего не знаем. Следовательно, как в баскском, так и в кавказских языках чрезвычайно трудно провести различие между первичным, древним, и новым, которое само по себе, между прочим, может оказаться и очень древним.

Как уже говорилось выше, и для баскского, и для грузинского характерны архаизация, консервативность фонетической системы и грамматической структуры, что обязательно следует учитывать при сопоставительном анализе и реставрации древнего положения. «Общий источник современных диалектов баскского языка не должен быть очень уж удален от современных разговорных диалектов. Таким образом, сопоставитель, способный использовать в своей работе все известные факты, имеет достаточно твердую опору. Господин Лафон показал, как можно восстановить общую глагольную систему баскского языка путем изучения древних фактов и сопоставления всех известных диалектов» (Фогт).

Говоря о трудностях, возникающих при попытке установить генетическую связь между баскским и картвельским (и вообще кавказскими) языками, — а трудности эти объясняются главным образом тем что вышеупомянутые языки, надо полагать, отделились друг от друга очень давно, — следует учитывать также препятствия иного рода, с которыми сталкивается баскско-кавказская гипотеза. Прежде всего необходимо установить, каким было древнейшее состояние иберийско-кавказских языков; это создало бы благоприятные условия для исследования их исконных отношений с баскскими языками. С другой стороны, и разнообразие диалекты самого баскского языка не изучены с должной глубиной. Существуют и сложности частного характера. Так, например, консонантная система баскского языка сравнительно бедна, — число фонем не превышает двадцати, из которых к тому же некоторые явно вторичны, причем эта система противостоит довольно богатой системе кавказских языков. Грузинская система с ее 28—30 фонемами сравнительно проще, но на Северном Кавказе встречается система согласных, представленная 60—70 различными знаками. Фогт отмечал, что если баскский язык родствен кавказским, то необходимо, чтобы каждой баскской фонеме соответствовали по меньшей мере 3—4 кавказские фонемы, несомненно, большее число согласных, зубных или заднеязычных. Фогт говорит: «Допустим теперь, что мы имеем дело с одним баскским словом, в результате анализа которого установили аффиксы или основу, состоящую из одной или двух фонем. Этим фонемам могут соответствовать удвоенные или утроенные кавказские согласные. Разве нельзя было бы в 30 или 40 кавказских языках, имеющих различную лексику, всегда подыскать морфемы и путем такого же их анализа получить желаемое фонетическое соответствие такого значения, которое бы не противоречило сближению (довольно редкий случай)? Разве это не есть одна из причин, благодаря которым число сближений с языками Севера значительно больше, чем с гораздо более простыми языками Юга? Ответить на этот вопрос довольно трудно. Во всяком случае, — продолжает Фогт, — здесь мы имеем дело с реальной трудностью, которая не может быть преодолена механическим применением традиционного метода. Это — такая трудность, которая противоречит всякому сопоставлению

морфем, отнесение которых к общекавказскому не может быть доказано их существованием во всех группах кавказских языков» (Фогт).

После этих общих замечаний познакомимся с баскско-кавказской языковой группой.

* * *

Прежде всего — несколько слов о кавказских языках.

Кавказ многонационален, но не все языки, существующие на Кавказе, можно признать «кавказскими». На территории Кавказа встречаются языки, принадлежащие различным семьям. Здесь имеются индоевропейские языки (русский, украинский, армянский, осетинский, курдский и др.), алтайские, то есть тюрко-татарские языки (азербайджанский, кумыкский, балкарский, карачаевский), представители семитической семьи (арамейско-сирийский), угрофинской семьи (эстонский) и другие.

Кроме них, на Кавказе распространены самобытные языки — так называемые (упрощенно) «кавказские языки», называемые в науке «иберийско-кавказскими языками» (иберийско-кавказская языковая семья). За пределами Кавказа только баскский является единственным живым языком этой семьи. Таким образом, к числу «кавказских языков» (resp. «иберийско-кавказских языков») по лингвистической классификации не относятся все языки, распространенные на территории Кавказа.

Термин «иберийско-кавказские» объединяет в себе как «иберийские языки» (т. е. так называемые картвельские языки), так и «языки кавказских горцев». Основа для этого терминологического объединения состоит в том, что кавказские языки двух вышеупомянутых групп (или языки Южного Кавказа и Северного Кавказа) в советском кавказоведении считаются родственными — иберийско-кавказские языки генетически образуют одну языковую семью.

Ранее кавказские языки называли иначе: академик Н. Я. Марр пользовался термином «яфетические языки» (1916—1920); «яфетическими языками» он называл картвельские языки в 1908—1916 гг., тогда как академик И. Джавахишвили говорил о «грузинско-шароматских языках» (термин «шароматский» подразумевает языки горцев Кавказа).

Параллельно с «картвельскими языками» употребляется термин «иберийские языки» (начиная с Франца Боппа).

Иберийско-кавказские языки делятся на четыре группы: картвельские, абхазско-адыгские, нахские и дагестанские.

К группе «картвельских (иберийских) языков» относятся: собственно грузинский (Н. Марр называл его «картским»), «занский» (или «колхский») и сванский. Грузинский язык стал национальным языком для всех картвельских племен.

В группу «абхазско-адыгских языков» входят абхазский, адыгейский (или черкесский), убыхский (в настоящее время на нем говорят в Турции).

Группа «нахских языков»: чеченский, ингушский, бацбийский.

В группе «дагестанских языков» объединяются две подгруппы: хунзахско-андийско-дидойский (северо-западная зона) и лезгинский (юго-восточная зона), а между ними — даргинский и лакский (центральная зона).

Продолжение следует

Леван МАЧАИДЗЕ

ШКОЛЬНАЯ ОТМЕТКА:

вчера,
сегодня,
завтра.

●
●
ОБ ОДНОМ ЯРКОМ ОПЫТЕ ГРУЗИНСКИХ ПЕДАГОГОВ, НАЗВАННОМ ПОВСЕМЕСТНО «ТБИЛИССКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

НУЖНА ЛИ школьная отметка? Приносит ли она пользу? Стимулирует ли в полной мере учебу школьников или в арсенале педагогики есть другие более эффективные средства, развивающие интерес учащихся к учению, к самому процессу познания? Непростые эти вопросы давно уже волнуют педагогическую общественность.

Во многих школах нашей страны сейчас ставятся эксперименты, направленные на решение проблемы, так сказать, «безотметочного» обучения. Но всдъ еще и сегодня школьная отметка столь традиционна, казалось бы, настолько «извечна», что даже сама постановка вопроса о том, быть или не быть отметке в школьном журнале (да и ему самому), вызывает недоумение не только у большинства педагогов, но и почти у всех родителей.

За многие десятилетия такие понятия, как «отличник», «ударник», «троечник», «двоечник», прочно закрепились за школой и школьниками, так укоренились в быту каждой семьи, пожалуй, во всех странах мира, что кажется: отметка — понятие бесспорное, непоколебимое и вечное, узаконенное навсегда. За неимением других эквивалентов...

Но сегодня вряд ли стоит всерьез говорить о «вечности» школьной оценки. Налицо — солидный опыт, полученный в итоге кропотливого пятнадцатилетнего практического исследования, проведенного в ряде школ столицы нашей рес-

публики грузинскими педагогами и психологами.

...Если вспомнить минувший учебный год в тбилисских школах, то многие педагоги подчеркнут, что наряду с заметными позитивными изменениями в школьной жизни несколько сильнее, чем в прошлые годы, проявилась и так называемая «погоня за оценками». Определенную (увы, немалую) группу учащихся (да и их родителей) больше всего беспокоила «отметка как таковая», Сумма отметок! Годовая оценка! Общий балл!.. Нередко слышались такие родительские рассуждения: «у сына тройка по грузинскому, но ее перекрывает пятерка по физкультуре: в среднем это составит четверку» или «у моей дочери тройка по математике, а по географии — пятерка. Значит, в сумме — четверка» и т. д. и т. п. Речь, как видите, ведется не о знаниях, а лишь об оценках. Иные ученики и родители долгие вечера проводили в домашних анализах цифр: подсчитывались итоги, прикидывались варианты. Кое-кто, не найдя в табелях своих чад коэффициентов, необходимых для «проходного балла», делал попытки различным способом «давить» на учителей, добиваясь завышения отметки сыну, дочери. Все было направлено на самоцель: любыми средствами добыть

повышенную оценку, независимо от того, отражает она истинный уровень знаний или нет.

Педагогика имеет свои непреложные истины, узаконенные жизнью. Одна из них: знания должны быть оценены! В этом заинтересованы и школа, и ученик, и родители, и общественность. Такая заинтересованность понятна: ведь помимо общепризнанного стимула к учению, отметка является и руководителем к действию. Однако цифровой символ оценки знаний ученика далеко не полностью удовлетворяет тех, кому он должен служить.

Понятно, что — по идее — и школа, и родители, и ученики должны конкретно реагировать на отметку. Однако реакция каждой стороны весьма специфична, хотя, казалось бы, и направлена на решение одной и той же задачи.

Уже на этом этапе становится ясным, каким ненадежным носителем информации является цифра: ведь в конечном счете она несет лишь минимум самой неконкретной информации. Да, минимум! За цифрой не разглядишь главного: что зафиксировано в ней — сумма знаний или какая-то незначительная ее часть, случайный факт или отражение устойчивого положения? И, вникая глубже, понимаешь, что школьная отметка, такая знакомая, традиционная, общепризнанная, такая «вечная» — очень и очень неконкретна. Необходимость ее расшифровки с целью проведения каких-то определенных мероприятий становится очевидной, как только встает вопрос, что же конкретно предпринять и как улучшить положение. Как поднять качество знаний учащихся, изменить отношение ребенка к процессу обучения, как привить к нему любовь и заставить осмыслить истину, что отдаленная цель — получить знания — не может быть подменена суррогатом настоящей цели — получить отметку.

Нужно ли все это объяснять или лучше присмотреться к методу на практике?..

В последнее время много говорят и пишут об акселерации и акселератах, о повышенных возможностях детей младшего школьного и школьного возраста. По наблюдениям ученых, именно для этого возраста характерно не основанное на каком-либо расчете бескорыстное стремление узнавать, открывать для себя новое, целый мир.

Итак, пятнадцать лет назад родители одной из групп тбилисских школьников сразу же после 1 сентября испытали необычное волнение, которое день от дня нарастало. Происходило это потому, что у их детей не было дневников. На все вопросы об успехах детей, об отметках

по тому или иному предмету учителя отвечали: «никакой».

«Как же это можно без отметки?» — тревожились папы и мамы. «Нам беспокойтесь, — успокаивали их педагоги, — знания у вашего ребенка хорошие и объем их больший, чем у других его сверстников». Родители успокаивались, но ненадолго. Наступал конец четверти, и снова возникали вопросы взволнованных родителей: «А что вы поставили сыну по грузинскому? Какая отметка по математике?..». «Никакой», — снова отвечали учителя и вместо табеля предлагали оригинальную характеристику знаний своих подопечных, ставшую плодом серьезных и вдумчивых наблюдений.

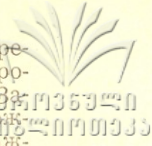
И вдруг родители увидели простую и ясную картину истинных знаний своего ребенка, поняли всю глубину тончайшей, поистине ювелирной учебной работы, которую ведут преподаватели их детей...

У руководителя эксперимента — ведущего лабораторией Грузинского научно-исследовательского института педагогических наук имени Я. Гогешавили доктора психологических наук Шалвы Александровича Амонашвили и его соратников по эксперименту — большая почта. Пишут им со всех концов страны. Обильная почта и из-за рубежа. Во многих письмах один и тот же вопрос: «Отметка при всех ее недостатках, — стимулирующее начало. Чем вы заменили ее?».

Ш. А. Амонашвили и его коллеги очень внимательны к письмам и на поставленный вопрос отвечают примерно так: «Отметку мы заменили творческим соревнованием, которое проводится в атмосфере, начисто лишенной нервозности и страха. В классах организуются выставки рисунков, сочинений и других работ, а призы победителям «изобретателей» и готовит весь класс. Правильность ответов на уроках также определяет весь класс. Практикуются вопросы: «Что я знаю? Чего я не знаю? Что знает мой товарищ? Чего не знает? Чем я должен пополнить свои знания по этому предмету?» и т. д. Часто учитель, возвращая тетради, предлагает ученикам самим найти и отметить ошибки, советует обменяться тетрадями с товарищем и сравнить работы.

Даже из этих примеров видно, какое важное значение придается самостоятельности учащихся, развитию навыков контроля и самоконтроля, эмоциональной насыщенности урока.

...А вначале все было ой как не просто! Ведь практически начинали эксперимент с нуля. Была разработана специальная учебная программа и материалы системы тестов и упражнений. Разумеется, за весь подготовительный пе-

риод, предшествовавший опыту, основная нагрузка лежала на подготовке самих учителей. Правда, для них не было недостатка в методических занятиях на семинарах, курсах, консультациях.

Над экспериментаторами дамокловым мечом нависло поначалу негативное отношение родителей. Уже в первый день все они единогласно высказались против эксперимента. Постепенно, убеждаясь в реальных успехах своих детей, они склонялись в пользу опыта. К концу же второго года обучения число сомневающихся составило лишь 29 процентов. А сегодня таких больше нет. Ни одного! Родители голосуют только «за»!

Научные сотрудники Института педагогики имени Я. Гогобашвили внимательно изучают каждый поступок учеников, анализируют их действия, их самооценки своих действий на всех этапах школьной жизни.

Любопытен итог одного из ранних опросов, проведенных ими в обычной школе. Детей, каждого в отдельности, спросили: «Какую оценку ты получил? Доволен ли ею? Как исправил ошибки?».

Результат был самым неожиданным. Оказалось, что свои отметки дети, все до единого, помнят «назубок», а допущенные в работах ошибки вспомнила лишь одна пятая учащихся. Что же касается вопроса «как их исправили?», то вспомнили эти исправления лишь 17 процентов.

В тот начальный период главным для всех была отметка, а все лишь побочно связанное с ней казалось второстепенным, незначительным, не воспринималось и в результате не запоминалось. А не говорит ли само за себя изучение работ учеников третьего класса. Отвечая на вопрос: «Почему я учусь?» — они искренне писали: «чтобы обрадовать родителей», «чтобы иметь хорошие отметки», «чтобы хорошо устроить свою жизнь».

Надо сказать, что все уроки в экспериментальной школе, по какому бы предмету они ни проводились, насыщены и интересны. В классе стоит нестихающий гул. Но он никому не мешает. Это рабочий гул. Гул творчества, творческого процесса.

...Идет урок родного языка и литературы. Учитель читает стихи о весне. К следующему уроку ребята должны их выучить наизусть. Учитель спрашивает: «Какое понравилось больше?», «Почему?». «Объясни, пожалуйста, как ты понимаешь вот эту строку из понравившего тебе стихотворения? Что, по-твоему, означают эти слова?» и т. д. В обсуждении принимает участие весь класс. Дети не просто выучили стихи наизусть. Они смогли выразить и свое отношение к ним. Примерно в такой же атмосфере

проходит и урок математики. Уже в третьем классе дети легко оперируют простыми геометрическими категориями. Задается вопрос, как правило, более сложный, чем на предыдущем уроке. Каждый ответ, пусть даже неверный, выписывается на доске. Учитель не поправляет, не спешит дать правильное решение. Пока перед ним одна задача — действовать сотворчеству. Исполдволь он подключает к обсуждению тех, кто, по его мнению, недостаточно активен.

Преподаватель не боится бурных реакций класса на то или иное решение: ведь такое непосредственное выражение эмоций рождено в результате самостоятельных и пусть маленьких, но уже открытий. В такой обстановке работают все. Весь класс. Безучастных, равнодушных нет и в помине. Для такого состояния класса характерна атмосфера доверия, доброжелательности: учителя к классу, учеников — к учителю, друг к другу.

Пора сказать и о результатах такой работы. Теперь уже научно доказано, что у учеников экспериментальных классов в целом складываются и развиваются более высокие мотивы познания, чем у их ровесников из обычных, так называемых контрольных классов.

Множество раз различные компетентные комиссии проводили внезапные экзамены в экспериментальных третьих и обычных — четвертых классах. Хочу особо подчеркнуть: **в экспериментальных третьих и в обычных четвертых классах.** Итог сравнения знаний по грузинскому языку и математике по программе **четвертого класса** таков: средняя оценка в экспериментальных классах по родному языку — 4,4, а в обычных классах — 3,7; по математике — 3,8 против 3,2.

Комиссия в этом случае была просто вынуждена прибегнуть к выставлению оценок — для сравнения. Однако тут же было отмечено, что ученики экспериментальных классов демонстрируют более глубокие знания, большую самостоятельность мышления и лучшую способность к анализу. Превосходство учеников экспериментальных классов подтвердили и психологи, подчеркнувшие, что по всем показателям те превосходят учеников обычных классов. К слову говоря: ученики экспериментальных классов сами находили и исправляли 90 процентов допущенных ошибок, а дети обычных классов лишь 35 процентов своих ошибок.

Ни один урок в экспериментальных классах не похож на другой. Все они удивительно интересны, захватывающи, содержат игровые моменты. Даже без пояснений педагогов видно, что в основе «безотметочного» обучения лежит умение учителя вызвать живой детский ин-

терес, способность участвовать в мыслительной деятельности.

Руководитель опыта профессор Шалва Александрович Амонашвили на своих уроках, например, постоянно «ошибается». Но мальчишки быстро разгадывают суть его «ошибок», правильно замечают в этом игровое начало и охотно, с особым оживлением включаются в исправление «промахов» своего учителя. Чтобы быстро их заметить, класс внимательно следит за мелом в руке педагога, уверенно рисующего на доске цифры (урок математики). «В итоге должно получиться восемь», — говорит кто-то негромко, и сразу раздаются звонкие детские голоса со всех концов. «Восемь, восемь, восемь!» — скандирует класс. Но учитель настаивает на своей «ошибке», и тогда увлеченный мальчишка вскакивает с задней парты и, пробежав между колоннами, начинает у доски горячо объяснять, в чем «ошибка» учителя. Ш. Амонашвили считает, что этими своими «ошибками» он добивается независимости суждений. Видимо, так оно и есть.

Заметили перемены в своих детях и их родители. Многие прямо говорят, что их сыновья и дочери начали «критически мыслить». Мол, нас, родителей, такое положение заставляет относиться к детям более серьезно.

За полтора десятка лет многие положения, выработанные в результате эксперимента, уже вошли и входят в учебники и учебные пособия для вузов, выпущенные в Москве. В учебнике Н. А. Сорокина «Дидактика», выпущенном издательством «Просвещение» в 1974 году, например, говорится: «По мнению некоторых психологов, например, Ш. А. Амонашвили, отметка недостаточно отражает познавательную деятельность учащихся, так как получение отличных и хороших отметок становится нередко самоцелью и главным, если не исключительным, мотивом учения. Школьники стремятся к получению «пятерок» и «четверок» не ради знаний, а ради сохранения и повышения своего престижа. Многие учащиеся, которые по различным причинам не могут добиться желаемых отметок, теряют веру в свои возможности и пассивно реагируют в дальнейшем на отрицательные отметки».

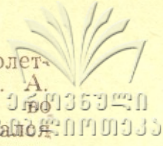
Ряд учебных пособий, разработанных лабораторией в соответствии с принципами общего развития и содержательно-оценочной деятельности школьников, уже издан в нашей республике. Это «Математика» для подготовительного, первого и второго классов (авторы Ш. Бакурдзе и Ш. Иашвили), «Природоведение» для второго класса (авторы Ш. Хундадзе и В. Капанадзе), «Упражнения по русскому языку» Т. Гелашвили, «Упражнения по развитию речи»

для подготовительного, первого и второго классов (группа авторов), «Русская речь» — для первого класса (авторы В. Ниорадзе и И. Манджигадзе), «Упражнения по формированию навыков письма и развитию письменной речи», «Подвижная азбука» и т. д. Издана очень нужная, интересно составленная и ярко оформленная книжка о правилах поведения в обществе — «Как, где себя вести»... Все эти учебники рассчитаны на аналитическую и содержательно-оценочную деятельность, позволяющую детям глубже вникать в сущность предмета и овладевать способами активного его познания.

Есть и другая цель: побудить школьников к учению, создать для них положительные мотивы учения. В соответствии с этим обучение строится на идее общего развития, основные положения которого были разработаны известными советскими психологами Л. С. Выготским и Д. Н. Узнадзе. Они утверждают, что в обучении основной упор должен приходиться не только и не столько на овладение знаниями, в особенности на начальном этапе обучения, сколько на развитие тех психологических сил, которые участвуют в процессе овладения знаниями. С этой целью, утверждают ученые, необходимо этим внутренним силам (воля, эмоции, мышление, наблюдение и т. д.) подать соответствующий материал. В совокупности с ним придут в действие силы, которые ныне уже действуют, и те, что выявятся завтра. Иными словами, в каждом индивидууме содержится огромное богатство различных, очень разнообразных, многосторонних задатков. Необходимо создать такую всестороннюю среду (отношение учителей к ребенку, методики обучения и воспитания, учебники), социальные условия жизни (семья, двор, улица), которые вызывают к деятельности, к действию настроенные к активизации силы ребенка.

К примеру, традиционная психология утверждает: ребенок способен только на конкретное мышление и к абстрактному мышлению перейдет, мол, только в определенном возрасте (в 11 — 12 лет). Если же изменить среду, то есть способ обучения, способы соприкоснуть ребенка с внешним миром (учебным материалом, предметом, учебниками и т. д.), то можно получить совершенно иную картину. Ребенок еще в начальных классах овладевает способами абстрактного мышления и уже в раннем возрасте будет иметь возможность понять многие закономерности и теоретические проблемы, научиться мыслить абстрактно.

Таким образом, экспериментаторы пришли к выводу о том, что внешняя среда должна поощрять деятельность внутренних сил, которые содержат тен-

денцию познания сутубо человеческой деятельности. С этой целью тбилисске экспериментаторы в своей работе добиваются освобождения процесса обучения от тех довлеющих и принуждающих сил и факторов, которые не поощряют познавательную деятельность ребенка, а принуждают его (отметка и все связанное с ней).

Многие деятели просвещения не только задумывались над этой проблемой, но и оставили свои очень важные выводы, касающиеся этого вопроса. Еще до революции, в 1911 году, Н. К. Крупская, критикуя современную буржуазную школу и мечтая о школе будущего, говорила: «В современной школе все направлено на то, чтобы разредить учеников, а не сближать их. Отметки, соревнования — все это ведет к развитию зависимости, тщеславия... Школа будущего должна всячески развивать в детях чувство солидарности. Всякий формализм должен быть изгнан из школы. Должно отсутствовать всякое принуждение» (Н. Крупская, с. 138, т. 1, Москва, 1960). Сущность нашего метода, — говорит профессор Ш. А. Амонашвили, — заключается в формировании у учащихся содержательно-оценочной деятельности, не связанной с ныне действующими школьными отметками, в условиях их общего развития.

Лучше всего и здесь обратиться к опыту. В двух третьих классах (экспериментальном и контрольном) после уроков, в конце дня детям было сказано:

— Сегодня дополнительных заданий не будет. Если кто хочет, пусть сам выберет себе любое задание по любому предмету и выполнит его на листке бумаги. Отметок не будет и проверки не будет. Хотите делайте, хотите нет...

На другой день в контрольном классе лишь шесть-семь учеников сделали работу. Из них трое выполнили работу по двум предметам, остальные — по одному. С двумя школьниками пришли их родители, узнать: правда ли, что заданий на дом не было? Выяснилось отсутствие интереса, неумение творчески заниматься...

В экспериментальном же классе все выполнили по две работы (многие по три-четыре и больше): написали свои рассказы, стихи, один третьеклассник решил задачи четвертого класса, перевел новеллу с русского языка на грузинский и наоборот. Он же изготовил книжку и собрал в нее рассказы, сам придумал математические задачи, кроссворды...

В декабре 1975 года газета «Правда» в статье «Испытание новым» писала: «Зная его лишь по газетным и научным публикациям, представляешь себе ма-

ститого ученого, умудренного многолетним опытом; о работе педагога Ш. А. Амонашвили доводилось слышать в многих школах страны. А он оказался совсем еще молодой. И молод его эксперимент...».

Откуда же такой запас прочности, столь быстрый взлет человека и дела? За объяснениями идти недалеко: они на виду. Была группа энтузиастов — учителей и психологов, увлеченных идеями развивающегося обучения. Группу заметили, оценили ее перспективность и объединили в лабораторию экспериментальной дидактики НИИ педагогики Министерства просвещения Грузинской ССР. Предложения энтузиастов испытывались вначале индивидуально, потом в контрольных классах. Идея заключалась в том, чтобы освободить младших школьников от сковывающего влияния формальных отметок — учитель пользуется системой «оценочных суждений», характер обучения меняется так, чтобы, как говорил К. Д. Ушинский, «сделать серьезные занятия занимательными».

С первых шагов эксперимент был обеспечен деловым, заинтересованным вниманием Министерства просвещения и партийных органов республике. В спорных случаях, в конфликтных ситуациях (а оппоненты у экспериментаторов серьезные), прежде, чем делать выводы, обращались к мнению специалистов республиканской Академии наук, к московским ученым, добивались максимально объективной, научной оценки.

Эксперимент шагнул в одну школу, в другую. Теперь по новой методике работают начальные классы целых районов. Сравнительные исследования показывают, что учащиеся экспериментальных школ в усвоении знаний, в интеллектуальном развитии, как правило, заметно опережают своих сверстников. Сам Ш. А. Амонашвили на вопрос, что способствовало успешной работе его творческой группы, сказал лаконично: «Компетентное внимание, товарищеская критика и поддержка. И в первую очередь поддержка Министерства просвещения Грузинской ССР».

Сегодня экспериментаторы заняты осуществлением нового проекта, связанного с ориентацией учебно-воспитательного процесса в начальных классах. Он так нов, что даже не имеет еще названия. Суть опыта заключается в удлинении учебно-воспитательного процесса. Но речь — вовсе не об уже существующем в школах продлении дня и даже не об имтернате. В новом проекте заложена идея общего развития и оценочных действий школьников. Экспериментаторы исходят из известного положения о том, что личность формируется в деятельности.

За счет сокращения уроков до 35 минут они после уроков и перерыва на обед ввели такие формы деятельности, как танцы, музыка, рисование, шахматы, физкультура, знакомство с театром. занятия по изучению правил поведения в обществе (издали и свою книжечку), и все это в ненавязчивом, но обязательном порядке для всех.

Такое уплотнение учебного времени, сокращение уроков, разнообразная деятельность учащихся, рассказывает Ш. А. Амонашвили, не только не утомляет, но наряду с расширением сферы общего развития выявляет новые способности каждого индивидуума. Вместе с этим возникла возможность и сокращения учебной недели, доведение ее до пятидневки. Это в свою очередь даст возможность большего общения родителей с детьми по субботам и в воскресные дни, позволит проводить им совместные походы, выезды за город, совместно приобщаться к природе, ходить всей семьей в театр, в кино и т. д. Все это говорит в пользу эксперимента, рамки которого расширяются и углубляются. И сегодня можно определенно сказать: эксперимент оправдал себя. Это зафиксировано в постановлении президиума Академии педагогических наук СССР «О психолого-педагогическом исследовании лаборатории экспериментальной дидактики НИИ педагогических наук им. Я. Гогобашвили по безотметочному обучению в младших классах», утвержденном 4 мая 1976 года. Пункт первый постановления гласит: «Одобрить общую направленность эксперимен-

тальных и психологических работ лаборатории экспериментальной дидактики НИИ педагогических наук им. Я. Гогобашвили по проблеме построения учебного воспитательного процесса в младших классах».

Так что, может быть, пора бить в колокола победы?..

Ученые считают: рано! Рано ставить вопрос о всеобщем переходе на безотметочное обучение во всех школах, так как к этому прежде всего нужно готовить... педагогов. И может быть, не столько в системе повышения педагогической квалификации, сколько в самих педагогических вузах. Нужно прежде всего готовить самих преподавателей будущих преподавателей. Вот какая цель...

Нет, это не тонкая, еле заметная и очень слабенькая ниточка, какую она была в первые годы нащупывания нового метода. Это — зримое, реально ощущаемое звено в сложной цепи обучения, которое уже работает на перспективу. Уже сегодня совершенно ясно, что обучение без отметок вполне реально и что оно станет одной из надежных основ теории будущей школы.

Безотметочное обучение в экспериментальной школе — не самоцель, не голый призыв его автора к ликвидации отметок как таковых. Сегодня безотметочное обучение является одним из ярких доказательств того, что у новой методики, обеспечивающей сознательное отношение школьников к учебе, вызывающей их постоянный интерес к ней и радость творчества, большое и обнадеживающее будущее.

ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ ИЗУЧИТЬ ЯЗЫК РУСТАВЕЛИ

ГРУЗИНСКИЙ язык единственный не только из картвельских, но и из всех прочих кавказских языков, который обладает не только древней письменностью, но и богатым литературным наследием, заключающим в себе памятники, датированные V в. н. э. Интерес к этому языку с каждым днем возрастает как в СССР, так и за пределами нашей Родины. Соответственно возникает все большая потребность в самоучителях грузинского языка.

А их у нас не так уж и много. Первой подобной книгой был «Самоучитель грузинского языка» Годердзия Пиранова, изданный в 1820 году в Санкт-Петербурге. Затем уже после установления Советской власти в Грузии с целью облегчения изучения грузинского языка многие как у нас (Н. Марр, В. Цулейскири, П. Чашицвели, П. Хубутиа, Н. Некелиа и др.), так и за рубежом (Мари Броссе, А. Лири, К. Чхенкели, М. Кравейшвили, Г. Нахуцришвили и др.) начали издавать соответствующие учебные пособия. И вот теперь профессор Тбилисского государственного университета Г. Н. Цибахашвили обогатил библиографию литературы подобного характера, издав недавно свой «Самоучитель грузинского языка». Тем самым оказана неоценимая помощь всем желающим изучить грузинский язык — один из древнейших письменных языков мира.

Самоучитель предназначен для грузин, изучающих грузинский язык и не знающих с его основами. Книга знакомит читателя с различными сторонами жизни нашей республики, помогает ему общаться с грузинами. Лексика самоучителя базируется на основе наиболее употребляемых слов разговорной речи.

Издание этой книги, с одной стороны, обусловлено тем, что другие самоучители давно уже стали библиографической редкостью, а также значительно возросшим в современных условиях интересом русских к грузинскому языку.

В предисловии указывается, что, по данным переписи 1970 года, грузинский язык считают своим родным 3. 245.000 человек, что на нем кроме грузин говорят еще и живущие в Грузии армяне, осетины, русские, азербайджанцы, курды, ассирийцы, греки, абхазы, евреи и люди других национальностей. Характеризуя древнейшие памятники грузинской письменности, книга отмечает причины, из-за которых не сохранились письменные памятники дохристианской грузинской литературы, указывает места нахождения древнейших памятников грузинского языка. Самоучитель называет зарубежных грузинистов и исследователей, внесших значительный вклад в научное изучение грузинского языка, приводит высказывания академика Н. Я. Марра и известного ученого Д. Аллэа о гибкости, богатстве и выразительности грузинского языка.

Имеется у самоучителя и авторское предисловие, подчеркивающее структуру и назначение книги, рекомендуемое методы ее использования читателями-негрузинами.

В книге дан материал для 35 занятий. Каждое из них ставит своей целью четко определенную задачу; например, сначала русский читатель приобретает основные сведения по грузинскому письму и чтению. Подчеркивается, что в грузинском языке нет заглавных букв, отсутствует расхождение между написанием и произношением, обращается внимание на то, что ударение в грузинском

очень слабое, указывается, что в отличие от русского языка в нашем языке нет грамматической категории рода.

На втором занятии автор дает характеристику тех 10 звуков (и соответственно букв), которых нет в русском языке. Тут уже дана таблица грузинской азбуки и ее алфавитное название. Охарактеризованы гласные и согласные грузинского языка. По нашему мнению, автор поступает правильно, давая грузинские слова в русской транслитерации. Это облегчает как произношение, так и понимание значения слова русскими читателями.

Система грузинского счета также дана очень просто и доступно. Хорошо составлены связанные с этим упражнения, вопросы, предложения. Возьмем, к примеру, восьмое занятие. Оно знакомит с глаголом «aris» (есть). Г. Цибахашвили учитывает не только морфологические особенности и функции в предложении грузинского вспомогательного глагола, но и его употребление в русском. Хорошо составлен связный текст «Мой город».

Отдельное занятие отводится образованию множественного числа существительных, указывается, что оно образуется при помощи суффикса -ев. Затем дается характеристика и спряжение глаголов: hqavs, akvs и подобных. В конце занятия приводится упражнение — на составление маленьких предложений с правильным употреблением глаголов akvs, hqavs — в разных лицах, числах и временах.

Правильно указание на то, что грузинский глагол значительно сложнее русского. Без преувеличения можно сказать, что изучение грузинского глагола фактически означает изучение основных вопросов морфологии и синтаксиса грузинского языка. В этом контексте уместно вспомнить крылатые слова известного картвелолога Г. Шухардта: «Кто знает глагол, тот все знает, кто имена, тот — ничего не знает». Автор рецензируемой книги сопоставляет формы грузинского глагола с русскими и таким путем выявляет сходные и различительные черты.

Самоучитель составлен не по так называемому систематическому принципу преподавания грамматического материала. Автор избрал более удачный концентрический принцип, что представляется вполне оправданным, так как книга предназначена для тех, кто не знает грузинского языка.

Сведения по фонетике, морфологии и синтаксису, а также лексические единицы, которые строго подобраны и адаптированы, безукоризненны и в методическом, и в научном отношении.

Особо останавливается автор на грузинских фамилиях, именах, отчествах и других названиях.

В доступной форме преподнесены сведения об образовании новых слов в грузинском языке.

В конце книги после последнего — 35-го занятия даются тексты для чтения — небольшие и вполне доступные, привлекательные по содержанию, дающие весьма разнообразные сведения о нашем крае.

Заслуживает одобрения внесение в самсучитель афоризмов из поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и их русские соответствия.

Книга снабжена парадами спряжения некоторых глаголов на разные разговорные темы: «знакомство», «выражение чувств», «почта», «магазин», «рынок», «болезнь», «лечение», «отдых», «развлечение», «время», «поездка», «пища», «цвета», «движение», «состояние», «отношение к кому-либо, к чему-либо», «погода», «родственники» и др.

К книге прилагаются краткий русско-грузинский разговорник (приветствия, ответы на них, выражение признательности), а также краткий грузино-русский словарь антонимов, русско-грузинский и грузино-русский словарь. В конце даются основные практические пособия по грузинскому языку (на русском языке, на европейских языках), основные словари (грузино-русские, русско-грузинские) и общие сведения о грузинском языке (на русском языке, на европейских языках).

В грузинской действительности это первый труд, в котором в научном и методическом отношении безукоризненно показана природа и особенности нашего языка. Он стоит на уровне развития современного языкознания. Удачно используя сравнительно-сопоставительный метод, автор книги на его основе убедительно показывает природу и особенности русского и грузинского языков. А это в свою очередь помогает пользующемуся самоучителем выработать навыки наблюдения, установления различия, обогащает устную и письменную речь читателя, развивает его мышление, помогает в изучении новых слов и понятий.

При объяснении отдельных фактов из области культуры, повседневного поведения, обычаев и т. д. в книге используется так называемый лингвострановедческий комментарий, который в настоящее время широко используется для изучения русского языка иностранцами. Этот прием является, по нашему мнению, самым ценным и в книге Г. Цибахашвили, в которой в нужных местах используется принцип сознательности, наглядности, систематичности, доступности и активности.

Новый самоучитель грузинского языка — нужная, полезная и интересная книга, свидетельствующая о глубокой

компетентности автора в исследуемой теме, глубоком знании методической науки и языковых фактов.

Выпуск издательством Тбилисского государственного университета этого

пособия способствует пропаганде грузинского языка, овладению им всеми заинтересованными в его изучении.

Р. ШАМЕЛАШВИЛИ

ЗВУК ОСТОРОЖНЫЙ...

...и глухой

Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

Незавершенный звук полустрочия вынесен на обложку книги. Она кончается стихами о Гелати, а это для Даниила Чкония — звук счастья. И он ни с чем не рифмуется в этих стихах. Зато прорезывается там тихий-тихий стон родника...

Перед книгой несколько вступительных слов. Под ними — дорогое для меня имя Александра Цыбулевского. Шура пишет о «врожденных достоинствах» автора, помянув и другие, благоприобретенные.

Мне хочется отметить впечатлительность Чкония к звукам жизни. Это врожденный, а затем и образованный слух.

А имя это, в том и дело,
Таким причастно чудесам,
Что я окликну дочку: — Белла! —
И вздрогну от испуга сам.

Надо понимать, что не робость, а благоговение рождает испуг: имя современницы так много значит... так много звучит, хочется сказать, для автора. И это — свидетельство сердечной чуткости Д. Чкония. Белла Ахмадулина жива, и ей самой, конечно, нужны те чувства, которые она пробуждает в людях. А чувства эти прекрасны!

В критический обиход вошел модный термин: «тихая лирика», вошел и, естественно, ничего не выразил. Разве только это: «Я поэт, я очень извиняюсь». Но тот, кто написал глухой звук, заметил, что поэзия есть сознание правоты, а слово сопряжено с властью над сердцами.

Я, признаюсь, боялся, открывая столь осторожно названную книгу, что вот сейчас услышу: извините, я вас побеспокоил, я больше не буду... Этого не случилось. Послушайте:

Ты не напрасно рождена
Колочей, словно злая стужа.
И ты прекрасная жена
Уныло любящего мужа,
Которому всегда должна
Платить за щедрые заботы
Угрюмой нежностью, нежна
И ласкова. Но отчего ты
Мою бессмысленную речь
Выслушиваешь? Осторожно!
Я легкомыслен. Так ведь можно
И здравым смыслом пренебречь...
А впрочем, этим смысл и здрав!
Люблю тебя! Люблю — нет мочи!
И луч прорвался, разодрав
Покров предательницы-ночи.

Стихотворение безупречно: сбивчивые психологический рисунок в его начале мешают «сильные» слова. Но с пятой строки начинается движение сакраментального сюжета. Правда жизни, ее свободных и подавленных желаний, правды чувств и сопутствующего им «смысла», который неизвестно чем «здрав». Эта смуга подхвачена прерывистым ритмом, а мечущийся «здравый смысл» — синтаксисами, перепрыгивающими со строки на строки. Все совершается стремительно, замирая только в цезурах, и разрешается единственно возможным образом: люблю тебя... Стихи дышат. Дышит читатель. Думает свою думу. И только ханжа, знающий все про добро и зло, не дышит, не думает — он просто делает выводы.

Теоретиков «тихой лирики» соблазнила, видимо, Ахматова. Она написала, что в се взяла у ночной тишины. Она же, я думаю, была невольной родоначальницей и тихих «отрицательных» добродетелей. Не делать плохого. Не говорить общеизвестных великих истин и т. д. Лирики бросились громко признаваться: я молчу, я не хочу славы и пр. и это похмелье чужого пира вменить себе в доблесть. Никто не задумывался об активном по существу и стойком по внешности темпераменте Поэта. Ничего, впрочем, удивительного здесь нет: под-

ражание великим примерам так часто оборачивается пародией.

Некоторые признания Д. Чкония заслуживают упрека. Все же чужая усталость и слабость и чужое безразличие к жизни становятся порой его словами. И тогда стихи, в лучшем случае, прилично-литературны.

Они хороши там, где жива боль — чужая ли, своя ли.

Курортник не прочь приволокнуться за длинноногой официанткой. Поэт его ободряет:

Старушка-мать и крошка-дочь
Давно во флигеле уснули...
Соперников вы шуганули,
И, кажется, за вами — ночь...

Но герой слышит ироничное «пока» — ему отказано сегодня, отказано завтра... Кончается сезон. Пошлость требует исхода, и тот, кто шуганул соперников, уже вдохновился терпением, уже врет, что влюблен...

А женщина ночами плачет.

Доброта — врожденное достоинство Д. Чкония. Она делает его внимательным психологом. «А ветерану двадцать девять лет. Еще он молод, мощен и раскован». Последний эпитет предполагает едва ли не старческую опытность автора. К счастью, он продиктован талантом че-

ловека такого же молодого. «Мы встретимся. Такими же. Другими». Узнаю антитезу Цыбулевского: «Постепенно, постепенно, вдруг». Но уже узнаю в этом и Даниила Чкония; «Пока звучит концерт Вивальди, я твой. Ничей». А когда в стихах о Пиросмани — очень хороши они все — появляется известный «Дворник» — фигура зловещая — и мы готовы, во всяком случае, к обороне, вдруг слышим:

Поседевший, тощий, жалкий,
Для зевак ты тоже — власть.
Но в руках метла — что палка,
Лишь бы только не упасть.

Думаю, Пиросмани был бы рад такому взгляду на строгого блюстителя чистоты и порядка, совершенно невозможных в тесном, живом, беззаботном, миллом городе...

Кто мы?
Дворник и художник.
Два разбитых старика.

Если рецензия на стихи может на что-то повлиять, я хотел бы остановиться на последних строчках. И пером критика вывести слово реализм. И придать ему эпитет: человеческий.

Владимир ЛЕОНОВИЧ.

«Греза Фрески» Гастона Буачидзе носит совершенно своеобразный и необычный характер. О Ладо Гудиашвили сказано немало, но подобного художественного очерка еще никто не написал.

Автор ставит своей целью постичь суть, «душу» наиболее известных произведений художника, дать их эмоциональную интерпретацию. Хронологическая последовательность стро-

го не соблюдается, перед нами — мозаика впечатлений, расположенных тематически и создающих в своей совокупности весьма интересную картину творческого мира Гудиашвили. В тексте много тонких наблюдений и характеристик, хотя, естественно, авторские оценки содержат и субъективный момент — иначе и не может быть.

Кроме того, в «Грезе Фрески» имеется немало

ценных сведений (в частности о Сулоаге и Фужите), обогащающих наше представление о художественной среде, в которой происходило становление Гудиашвили в период его жизни в Париже. Большая часть этих сведений (включая и записи бесед с художником) публикуется впервые.

Академик
Вахтанг БЕРИДЗЕ

19 апреля 1973 г.

Гастон БУАЧИДЗЕ

Фрагменты из книги.

...Любитель картин живет в зачарованном обществе перенесенных на полотно грез.

Шарль БОДЛЕР

«Улыбка Фрески», гуашь, 1955

Взгляд осторожно, чтобы не задеть слой красок, скользнул по гулкой белой стене сверху вниз. Здесь все притихло и все поет. Коричнево-зеленая масса с рыжеватыми светлыми разводами—вязь столетий. Когда именно вошла в нее и застыла, едва заметно оттеснив слой красок, эта женщина в легкой круглой шапочке с ниспадающей накидкой? Неизвестно. Скорее всего вместе с еще прохладным и пахнущим лимоном косым солнечным лучом, мгновенно и неуловимо перекатившимся по прозрачной вуали головного убора, залившим левую щеку, подбородок, лоб и небольшую дугу под приподнявшейся писаной бровью.

Через капризный изгиб подбородка, рассекая надвое сомкнутые, но уже тронутые движением губы, по самодовольно-неизменному изгибу носа, вверх к неожиданно пробившейся из-под белой вуали челке черных волос идет водораздел столкновения света и тени. Толща тени осталась за женской головой и ненавязчиво, но отчетливо напоминает о себе двумя заостренными и режущими плоскостями черных с каштановым отливом волос, выступающими по обе стороны лица.

Но не полностью согнал зеленый налет времени лимонный свет. Полумесяцем через подбородок от уголка глаза к уголку глаза пролегла прозелень, справа пропитываемая желтизной, слева — нелюдимой коричневостью застывшего времени. Невзначай пролилась замшелая прозелень на тонкую руку; от изгиба пальцев к обрывающемуся основанию кисти... Кисть и обнаженная шея вытекают из красно-розовых паров. Снизу надвигается, захлестывая все на своем пути, жизнь земная и полнокровная. Появившись из невидимого узкого боко-

вого окна, она кратким и стремительным рывком соединила полудрему, застой церковного объема с будоражащим и бесконечным внешним миром.

От неожиданного притока крови густо налилась краской затененная стена и не то чтобы зарделась, а стала оттаивать в сторону алости. Теплая волна, как зафиксировавшая кровь, собралась на желобке вуали и играючи прокатилась по вздувшейся вдруг округлости тонких губ, шаловливо сделал заусину в уголке рта, отчего тотчас же лукавыми огоньками загорелись зрачки, набухли от сдерживаемого смеха веки, и вверх потянулась, спасая серьезную видимость, искусственная, косметическим карандашом выведенная бровь. Обильная тяжесть белил над левой бровью и переносицей одновременно охраняет от лукавства заколебавшиеся основы порядка и, уступая давлению, медленно и грузно отступает вверх, сдержанно высвобождая в нейтральное пространство излишки крамольной энергии ликования. Больше всего выдали себя кончики пальцев, порозовевшие от удовольствия, сладко потянувшиеся и выгнувшиеся спросонок и даже тайком начавшие поигрывать по потеплевшим губам, словно на губах этих — цекочущий и жужжащий, покрытый тонкой папиросной бумагой гребешок.

Розовые кончики пальцев — микрозеркало, отражающее в себе обнаженные тела гудиашвилевских полотен, неизменно застигающих своих красавиц в мимолетном состоянии вспугнутых или окропленных утренней росой газелей.

И лишь усилием оторвавшись от зазывной, завораживающей розовости томной восточной негой отточенных, нежно-колючих пальцев, удивляешься неожиданности, почти неуместности этого лица на этой стене. Судите сами: пленкой над вскипевшим молоком сморщилась и затянулась запестревшей цветовой массой с отеками еще недавно единая гладь фона. Как только попало сюда это здоровое, цельное, плотское лицо хсленной молодой женщины, лишь побледневшее от длительного пребывания в полумраке? Женщина ничуть не отреклась от потребности покрутиться перед зеркалом, порезвиться с подружками и сдержанно, но всем существом своим тянется к неожиданностям и встречам. О ее лице и не скажешь, что оно красивое. В нем есть нечто от несобъяснимой припухлости Джоконды, от ее доверительной безбровости.

А если взглядеться, то странная игра форм проступает в улыбнувшейся Фреске: в обращенном к вам лице с убегающим наискосок взглядом — два лица. Присмотритесь к правой половине изображения: отчетливо проступает взбалмошный профиль с капризными губами и плывущими по течению запрокинутой лодкой-бровью и рыбой-глазным вырезом. Зрачок с белой точкой на этот раз безмятежно и невозмутимо смотрит прямо на вас.

Стоит отойти на шаг, и видение исчезает, сливаясь с лицом Фрески, а переменчивый взгляд снова скользит влево и вдаль. Сомнений не остается: проступающая от потока жизненных сил Фреска вот-вот потянется к жизни сама. Но все еще сильна в ее жилах зеленая прохлада времени. И видения мелькают перед ее любознательным, заинтригованным взглядом.

Фреска грезит.

I. На кутеже цвета в подвале

ПОМИНАЛЬНЫЙ ТОСТ

«Поминальный тост Пиросмани», бумага, карандаш, 1940

Есть у Гудиашвили вещи странные, рационально до конца не объяснимые. К ним относится и «Поминальный тост Пиросмани».

Кинто с перекинутым через плечо ремнем от шарманки стал на краешек могильной плиты. Под тяжестью тела другой конец плиты приподнялся. Этим воспользовался олененок, прошмыгнувший под нее, присевший на сырую землю и подставивший спину под пропитанный могильным холодом камень. Верный олень Пиросмани и здесь хочет хоть немного отогреть его. Острая морда его грустно потуплена, спина и еще только разрастающиеся рога напряжены, точеные ноги чатаются как струны. Столько преданности и признательности в олененке, решившем взвалить на себя непосильное бремя Атланта, что жаль, что его не упоминает выведенная по камню надпись:

«В 1918 г скончался художник Никола Пиросманашвили В знак братства камнем почтили меня мои друзья Читающий это помяни меня»

В надписи продолжает жить Никола: и в ее подпрыгивающих буквах, от которых рябит в глазах, и в свободном переходе от третьего лица к первому и второму, и в отсутствии пунктуации, и в хакетинском произношении слова «помяни», и в незлобивой иронии, где над горечью возвышается братство.

Пусть клюет ноги покойника подлый ворон, зато не забыл в срок принести к его изголовью дань дружбы кинто, отложивший на время и пиры, и заботы, и проделки, чтобы сердце на минуту сжалось от щемящей тоски на одинокой могиле. Оттого и виноватая улыбка, опущенные веки, расстегнутый ворот и стывшее на устах: «Вай мэ! Горе мне!».

Оттого и жалобные звуки шарманки, скрестившие на груди руки соседи-покойники, пучки травы, торчащие как клочья вырванных волос, обломанный крест близости и почтивший память художника голубок на краю окрипшего музыкального ящика.

Оттого и рука кинто, вместо того чтобы лихо выхватить из-за пояса платок для кинтаури, тягуче, будто растягивает незажившую рану на лопатке, тянется вверх. Вино из чаши льется на землю, утоляя ее жажду — в память о художнике Никале.

Облака на небе замедляют свой бег, словно притихшая стая журавлей. Но нет разъеденной плиты, неотесаного булыжника, которые карандаш художника изобразил на рисунке. Нет — потому что неизвестна могила Пиросмани.

Как-то я спросил о ней Ладо Гудиашвили. Вот что он рассказал:

— В последний раз я видел его на улице Потийской, 35, где он тогда жил под лестничной клеткой.

Сразу по возвращении из Франции я пытался навести справки о нем. Однако там, где он раньше жил, на Потийской, 35, мне показали на ту подвальную каморку, где он жил, и сказали, что да, здесь жил «пьяница Никала». К тому времени эту конуру переделали в уборную.

Затем я отправился в железнодорожную больницу, куда его повезли, уже тяжело больного. Там я спросил у медсестер, как они оформляют прибывших к ним больных, может быть, остался какой-нибудь след от его пребывания в больнице? В ответ мне сказали, что всю документацию по истечении десяти лет они сжигают. Тогда я спросил, где обычно хоронят людей, которые скончались в больнице и у которых нет родственников. Они мне ответили, что на Махатской горе, в братских могилах для бедного люда.

Искать могилу Пиросмани было, естественно, бессмысленно. Тем не менее в конце тридцатых годов такую попытку предприняли. Люди хотели знать, где же все-таки он захоронен.

На одном из старых тбилисских кладбищ собрались представители общественности. Один старик сказал, что от церкви, которая находится на этом кладбище, нужно рыть на расстоянии двадцати шагов за церковью. Это было нелепостью, потому что, как я и сказал тогда людям, которые руководили поисками, в двадцати шагах от церкви в любом из направлений находились захоронения богатых людей и бедного человека никто бы здесь не похоронил. Искать здесь могилу Пиросмани было высшей нелепостью. Тем не менее доверились этому человеку и начали рыть в двадцати шагах. Рыли, рыли и на определенной глубине вырыли гроб. Оказались останки женщины. А того человека, который посоветовал здесь рыть, между тем, и след простыл.

Вот такие события и размышления и навели меня позже на мысль создать графический лист «Поминальный тост Пиросмани»...

В пасмурный день, заслышав звук шарманки и шорох льющегося на землю вина, облака на небе замедляют свой бег, словно притихшая стая журавлей.

МНОГОДЕТНЫЙ БЕДНЯК

«Я и Пиросмани», масло, 1949

Молодой Ладо Гудиашвили, в костюме и при бабочке, сошел в подвал Пиросмани. Гость сидит на табурете. Хозяин стоит перед ним, почти вплотную. Подвальная каморка давит косым изгибом свода.

Пиросмани показывает свою работу. На полу стоят Мальчик в шляпе и Олень. Ладо рассматривает Царицу Тamar. Пиросмани подкарауливает впечатление, которое произведет его живопись. За спиной гостя — обшарпанная стена с подвешенным мольбертом, на полу — ведро с кистями. Опрокинутая бутылка в углу и закрепленная на стене наклонившаяся керосиновая лампа — шаткие знаки почестей для повелительницы, поставленной то ли на кирпичную печь, то ли на запрокинутый деревянный ящик.

Отпрянувшее лицо и церемониально вытянутая в восторженном изгибе рука не скрывают добрых чувств зрителя.

На сером сюртуке хозяина — щемящие зеленые и желто-коричневые разводы, штаны — мутно-синие, сорочка — не первой белизны. Лицо истрадав-

818-1110133

шегося старика чутко следит за молодым посетителем. Усы и борода чахлыми побегам подземелья соскальзывают на впалые щеки с резко выступающими скулами, волосы зачесаны набок, из-под пробора проглядывает лысина. Набухшие веки и мешки под глазами — плата за отверженный труд и лишения.

Но в мрачной безысходности Пиросмани сохранил гордость и независимость, непомерную дерзновенность самоутверждения. С покровительственным мужеством легла нагруженная рука мастера на край изображения солнцеликой Тамар. Волею его десницы на мгновение — не самодержец она, а — ребенок. Произведение, плод вдохновения, по добротности не уступает изделию честного столяра или плотника.

В унылую сырость стен и в удушливость мрака вселил художник свою избыточную молодость и удивление детского взгляда. Оттого-то и дети вокруг: ребенок — Мальчик в шляпе, дитя — Олень, пухлая девочка — царственная Тамар. А Пиросмани — светозарный и счастливый многодетный отец, будто пририсованный к его же картине «Миллионер бездетный и бедная с детьми».

Вот почему молодой просвещенный гость ни на единое мгновение не чувствует себя в стеснительном состоянии посетителя, пришедшего к бедняку: его принимает щедрый, хлебосольный хозяин на празднике цвета в подвале.

ОДИНОЧЕСТВО, ЛЮДИ И ЗВЕРИ

«Портрет Нико Пиросмани», масло, 1964

Сквозь почтительный лаконизм письма отчетливо просматривается стремление Ладо Гудиашвили ко встрече откровенной и достоверной, смиренным свидетельством чему служит и выписанное, вопреки его принципам, ухо натуры.

На Пиросмани темно-коричневая, европейского покроя шляпа, на плечи накинута такого же цвета пиджак, воротник единой гладью расстилающейся белой сорочки наглухо застегнут и завязан коричневым галстуком бабочкой. Итак, шляпа, волосы, брови, двумя пышными птичьими крыльями ниспадающие усы, борода клином и тонкое ответвление ее, окаймляющее челюсть до уха, пиджак, бабочка и даже контур воротника сорочки — все решено в коричневой гамме, преимущественно темно-насыщенной, но и с выходами к более светлой тональности, как, например, в передаче волос.

Включая светло-коричневые блики на лице и шее Пиросмани, розовато-коричневую тень, заливающую его ухо, единый цветовой аккорд с отголосками сообщает облику художника древесный оттенок, а точнее — перекликается с обильно насыщенной пигментом древесной корой. Начало волное и естественное, расцветшее и утверждающееся во взаимодействии с теплым ветерком и иглами ливня, с солнечным лучом и бархатом ночи.

Темно-голубой воздух с незначительным просветом за шеей, согласно имманентным своим свойствам, свидетельствует одновременно и о мечте, в которой жил художник, и о холоде, постоянно прописанном в подлестничных стенах, и о близоруким безразличии людей к его живописи. Накинутый на плечи пиджак из древесной коры предохраняет от высыхания соки безнадежно жизнелюбивого творчества. Высокая тонкая шея с вздувшейся жилкой и покатые плечи говорят о всепрощающей мягкости и о беззащитности. А в каштановых зрачках на светло-голубых с белыми вспышками белках запечатлелось безотчетное и безраздельное любованье мириадами душ цвета. Глаза-каштаны ладят с корой каштанового дерева и с голубизной безоблачного в постоянстве мечты неба.

Извилистый росчерк бровей и ресниц, непроницаемые для взгляда каскады усов подтверждают, что их обладатель довольствуется в жизни малым и отдает ей все. Весь его облик, аккуратная и заранее продуманная, пусть и небогатая одежда, гладко выбритое лицо и приглаженные усы не скрывают, что в этот день Пиросмани вышел к людям с открытой душой, в том состоянии братания с ними, о котором он исповедовался пришедшему к нему юноше Ладо. Развернутое щедрое живописное пространство рубахи, где на тепло-серой основе оспаривают друг у друга оживленное ликование блики розовые и зеленые — ненавязчивый и негромкий призыв к этому. По всему видно, что в этот день Пиросмани позволил себе небольшую толлику кокетства и тщеславия и что он хочет нравиться людям. Но в своем одиночестве и стеснительности, в детской робости всепринятия перед чванливой пустотой, единственное, чем он осмелился выделиться перед рассеянным прохожим, чьи мысли заняты хлебом насущным или балом имущих, — то, что он подвесил под бабочкой (нет, не вместо нее!) две спаренные, мгновенно залившиеся густой краской вишни. Бедь они так же доступны каждому, как и радость всего сущего, которую он предлагает разделить с первым встречным!

Но мы-то ведь знаем, что на прогулку Пиросмани вышел не один и что за ним длинной и чувствующей себя в безопасности вереницей потянулись косуля и медвежата, поросята и волк, ослик и барашек и даже огнедышащий лев. Весь этот созданный им с окрестных склонов и из дальней пустыни новорожденный и потягивающийся от удовольствия зверинец!

II. В водовороте Парижа

ЧАРЫ ЧЕРНЫХ СТРУЙ

«У черного ручейка», полотно, масло, Париж, 1925

Гудиашвилевская «повесть о мире в красках» с особенной наглядностью читается, если ступить на берег Черного ручья.

Картина, написанная в конце пребывания Ладо Гудиашвили в Париже, может служить колористическим отчетом в том, что молодой художник принял во Франции, чему он научился и к какой внутренней переработке воспринятого пришел. Подобно тому, как одна и та же сыпучая масса дает в песочных часах разные сочетания, сведенное до минимума сюжетное, фабульное начало максимально раздвигает здесь колористическую гамму, дает волю любованию картиной мира.

Обнаженная молодая женщина сидит на белом коврик под деревом, прислонившись к нему головой. Ногу она опустила в струю Черного ручейка, а за нею расстилается фантастический пейзаж.

Прочтение картины удобно вести в направлении ее колористического решения снизу вверх, следуя за поступательным движением воды, жидкости, наполняющей сосуд, потому что замысел художника здесь так же естественно заполнил пространство холста, как вода заполняет подставленный под нее сосуд.

Низ — это земля. Земля первозданная, плодородная и неплодоносящая: ни травинки на ней, ни цветка. Пустынная земля людей, рыхлая, но не вспаханная, охотно делится линией своих изгибов с Черным ручьем. Земля разлеглась во всю ширь и породила Камни фантазии и Деревья Отдыха.

Желтое тянется к окре, густота — к свету. Изнутри земли, из глубины ее пластов, светит солнце. Свет наполняет тело женщины и разливается по каменным глыбам. Из-за дерева, постепенно расширяясь, словно высвобожденные из кос черные волосы, течет ручей. Чернота воды вбирает отблески земли, праздник пейзажа и женского тела.

От земли отделяются пары тепла.

Ручей вместе с землею олицетворяют начало земное, жизненное, к которому приобщается тело женщины. Подобно грузинской народной сказке-приказке о козе, съевшей виноградные листья, ружейной дробью, съевшей козу, и т. д., и гудиашвилевская живопись не пренебрегает «бурением по аналогии»: Ручей прильнул к земле, женщина прильнула к Ручью, дерево прильнуло к женщине, небо прильнуло к дереву... Держись, приятель! Руки у тебя полны даров.

Но на то Черный ручей — ручей, чтобы не останавливаться на этом. Глядь, а в переливе волны мелькнет ночное небо отчизны, та теплая, пиросманиевская чернота Грузии, что противостоит черноте печали.

Соседствуют с Черным ручьем соответственно тепло и холод. Теплы земля и ручей, холоден голубой раствор пейзажа. Порожденные земной массой и ручьем, камни и часть деревьев — грудные дети, бунтующая молодежь. Эгоистическим холодом отвечают они на материнское тепло и отеческую заботу.

Связующее звено на полотне — обнаженное женское тело. До талии его захлестывают теплые тона, выше — кровь в жилах стынет. Воск охраняет ноги и бедра, пока бледная желтизна, замерзая, не сходит с желтого на белый. Женская нога впитывает тепло Ручья. От сладкого воска и подогретой мути кружится голова и немного тошнит. И все же это лучше бескровного синего озноба деревьев.

От кончика ноги молодой женщины, опущенной в Черный ручей, к бедру, от бедра к правой груди и вверх по руке, согнутой в локте и заложеной за голову, идет сгибающаяся линия, вторящая изгибу ствола дерева за ее головой.

В таком двойном, повторенном изгибе земля с Ручьем, через посредничество женского тела и ствола дерева, соединяются с небом.

Женщина одну ногу опустила в ручей, другую согнула в колене и спрячала под левой ногой, одну руку заложила за голову в привычном для гудиашвилевских женщин движении, а вторую, согнув ее в локте, царственно опустила

на белый плед, слегка приподняв при этом плечо. Так же надменно и властно рука могла бы опуститься на ручку старинного кресла или царственного дерева.

Голова женщины покрыта синеватым прозрачным платком, которого по отдельные места коснулось розовое. Платок ниспадает по ее каштановым кудрям и с двух сторон окаймляет ее тело, выделяя его на белизне пледа и в то же время вступая с ним в цветовую игру. А кроме того, розовое коснулось сосков молодой женщины, разлилось по шее и, особенно интенсивно, — по лицу с лепестками губ и их двойником — лепестками век, будто порозовевшими от плача, а на самом деле — набухшими от теплых струй Черного ручья.

Обнаженная молодая женщина, разумеется, грузинка. В подтверждение ее физического облика на белом коврик лежат атрибуты Грузии: кувшин для вина или нектара с длинным горлышком, тонким изгибом ручки, и — пиала. Предметы вовлечены в борьбу стихий: тона кувшина холодны, а стенки пиалы пропитались терпкой краснотой кахетинского вина — вновь скрестили шпаги тепло и холод. Силы неравные — примерно одна треть площади занята землей с Ручьем, около двух третьих — у холодного пейзажа.

Белизна коврика наиболее уязвима: различными более или менее стусавшимися цветовыми пятнами прихотливо вбирает она краски окружения. На холодной плоскости ковра выигрешно выделяются и восковые теплые ноги молодой женщины, и ее рука.

Стволу дерева за спиной молодой женщины передается ее тепло. В свою очередь, ветви дерева питают множество листьев красных, т. е. жизнерадостных. Из-под пледа выступают причудливой формы не то камни, не то сталактиты. Справа внизу они напоминают наполненные вином мягкие бурдюки, а повыше — фантастические яичные скорлупы. Природа — вымышленная и не может быть приписана к какому-нибудь конкретному месту или даже географической полосе. Абстрактный пейзаж оттеняет конкретную человеческую фигуру с ее предметами — сносками к образу Грузии.

Будь изображен один только пейзаж и при условии, что мы бы убрали из него все-таки правдоподобно выписанные деревья, он мог бы сойти за творение Сальвадора Дали или другого сюрреалиста: нет почти ни одного объекта или очертания, о которых в точности, положи руку на сердце, можно было бы сказать, например, что это скала, а не пень, листва, а не трава... И в то же время пейзаж вызывает в представлении различные ассоциации с горами, со скалами... На что он и рассчитан.

За головой женщины красуется своеобразный веноч, составленный, очевидно, из различных пород камней. В веноч прихотливо вплетаются породы красно-пунцовые, с вишневым оттенком, породы откровенно желтые, цвета яичного порошка. В них вклинивается пласт розоватый и далее венчает глыба бледно-желтая, напоминающая закаренную с помидорами яичницу. Яичный желток, пропитанный соком свежих помидоров, аппетитен, как итальянская пицца. Над венком вздымается подобие гигантской каменной ракушки — белой, с разводами голубыми, красными, розовыми. Веноч, читающийся в перспективе головы молодой женщины, как бы символически венчает ее от имени природы.

Итак, пейзаж заключает в себе противоборство тепла и холода, родины и чужбины, чувственного и мечты, конкретного и абстрактного. В момент, запечатленный художником, солдаты Холода и Тепла смешались в рукопашной схватке. Теплый ствол дерева за фигурой женщины — более мощный, потому что питается соками жизни, а слева — тонкий ствол с редкой листвою и хилое деревце — холодно-голубые.

Коричневое теплое дерево заземленно земное. Оно питается соками земли. Голубое же дерево и темно-голубое деревце вырастают не из темной и теплой земли, в которую вливается Черный ручей, а из участка сине-зеленого, причем бледное дерево вырастает из участка побледнее, а темное деревце — из темного.

Скрывая в живописной подпочве упорядоченность, как растение скрывает в земле свой корень, игра цветавольна и хаотична. Разноцветными пятнами кружатся на уровне талии молодой женщины, у основания голубого дерева — оранжевое пятно, а справа, за спиной — желтое. Игра парасолей, примерно симметрично расположенных в разных частях полотна, — скорее следствие индивидуального восприятия, нежели живописная аксиома, в то время как нагромождение каменных глыб слева и справа в глубине выдает задуманное соответствие, параллелизм. Причем параллелизм истолкован: возле коричневого жизненного ствола — светящаяся синяя накидка, а за темно-голубым стволом — каменные глыбы заметно побледнели, потеряли свою ярко выраженную, воинственную голубизну, позеленели и даже приобрели вызывающе красное пятно.

Приглушенный и растворившийся цветовой спектр идет горизонтальным разворотом снизу вверх, по упомянутому принципу жидкости, заполняющей сосуд. За темной землей и более темным Ручьем следует, с переборами и в сложном переплетении гамм, полоса зеленая, за нею зеленовато-розовая, затем жел-

то-розовая, снова желто-зеленая с переходом в полосу розовую. Цветовые гребни венчает приглушенная голубая полоса, приводящая вас от начал земных, от страстей бранных — вождения, любви плотской — к началу небесному к мечте, поэзии, прекрасному, грезе...

При всем том женщина, опустившая ногу в Черный ручей, недвусмысленно выбрала приобщение к силам земным.

И вот об этом-то, в переводе на язык сказочный, то есть на свой излюбленный язык, сказал художник, определяя сущность авторского замысла:

— Под Черным ручейком я подразумевал заманчивые колдовские силы. Движимая любопытством, девушка опускает ногу в его струи. Но это — не больше как шалость. Она вовсе не поддавалась чарам черных струй...

МОДИЛЬЯНИ ДЕЛАЕТ ДВА НАБРОСКА В РОТОНДЕ

Амедео Модильяни, Портрет польской девушки,
бумага, карандаш, 1919

Многие годы рисунки хранились в папке, и только один или два раза их владелец с тихой гордостью сказал к слову:

— А ведь у меня есть два наброска Модильяни.

Затем они появились на стене мастерской — под стеклом и в раме. Еще через некоторое время их прикрыла специально для них сшитая и натянутая на металлическую проволоку занавеска, откидываемая лишь на то время, пока вы смотрите вещи.

— Бумага, знаете ли, поблекла от времени. А раньше лист был ярко-белый.

Наклоненный овал, нанизанный на росчерк молнии, — формула Амедео Модильяни.

В одну сторону наклонена голова Дамы с черным галстуком и в противоположную направлен ее взгляд. Набок наклонилась голова госпожи де Парди, Девочки в голубом, Зборовского, Жанны Эбютерн... С большей или меньшей долей драматизма головы модильяниевских персонажей подкошены и лишь в первую минуту после этого по инерции остаются лежать на шее, от которой их отделили. Бывает и так, что голова вместе с шеей отделяются от туловища, как на портрете Хуана Гриса. Чаще всего глаза модильяниевских портретов разные, нередко они косят или же один глаз зрячий, а другой будто отсутствует. Драматическая диспропорция — постоянная величина Модильяни.

Голова Лючии Чаковской тихо скосилась и легла на поддерживающие ее ладонь и плечо.

Два наброска ее неизвестной соотечественницы относятся к тому ряду персонажей Модильяни, которые сравнительно более прочно ощущают себя в жизни и в которых менее сильна фатальность уносимых ветром осенних листьев. В таких случаях лица портретируемых поставлены прямее, ближе к вертикали, через которую проходит у Модильяни равновесие, апломб и житейская хватка, воплощенная в карандашном наброске Пикассо 1915 года.

К вертикали приближается и незнакомая польская девушка, два наброска которой Модильяни сделал в парижском кафе Ротонда в 1919 году, сидя за одним столиком с Ладо Гудиашвили.

Как и на многих других портретах Модильяни, линия излома проходит не только и, в данном случае, не столько между лицом, шеей и туловищем, сколько через излом линии носа. Излом передает борьбу за равновесие в жизни, к которому девушке удалось подойти довольно близко. Об этом свидетельствует правильная волнистая линия рта, подчеркнутая двумя вертикальными складками, которые как чаша весов поддерживают портрет ближе к вертикали и в состоянии действенного равновесия.

Ноздри уверенно отмечают своими двумя таврами лицо девушки и как бы понуждают его к горизонтальному равновесию. В отличие от них, излом носа намечает возможность падения и разрушения. Им вторит беспокойная диспропорциональность глаз. Портрет косит: один глаз чернее другого и кажется даже больше него благодаря четко выраженному двойному веку над ним.

Здесь, как и в других своих вещах, Модильяни беспощаден и мало утешителен. Во всяком случае — не льстит, и поэтому нетрудно понять реакцию пор-

третируемой незнакомки: далекая от подобного взгляда на себя, она не узнает себя и возвращает рисунок художнику.

Модильяни, взбешенный, поворачивается к столику Гудиашвили.

— Ладо, возьми эти наброски. Они — твои. Эта дура ничего не смыслит в искусстве.

ПОЛЯК ДУШИ ПОЛУГРУЗИНСКОЙ

Полотна Зигмунта Валишевского, хранящиеся во Львовской картинной галерее: «Пейзаж Мо» (1927) и «Натюрморт с грушами» (1928). Портрет Валишевского работы Гудиашвили

А может быть, важнее всего — безмятежность и радость жизни, сохранные Грузией, не смотря на соседство с понурой и мистической Византией?.. Та безмятежность и радость жизни, что столь явственно видна в творчестве нашего Валишевского, художника с польским именем и поляка по происхождению, но души, по меньшей мере, наполовину грузинской?

Ежи МАДЕЙСКИ.

С Зигмунтом Валишевским, здоровье которого надорвано, но не поколеблена ностальгическая влюбленность в жизнь, Ладо Гудиашвили вновь встречается в Париже.

С портрета Валишевского в свое время, в Тбилиси, начинался Гудиашвили. Валишевский много работал в те годы — и маслом, и, особенно, карандашом, подписывая зачастую свои вещи одним лишь именем: «Зига».

Так под одним небом начиналась новая грузинская и новая польская живопись. Для Ладо и для Зиги то было время поисков.

Небольшое полотно Гудиашвили в светлых тонах, на условном фоне роз и зеленого. Цель — добиться портретного сходства. Мечтательное лицо юноши со славянскими чертами, наблюдательный, немного меланхоличный взгляд карих глаз, высокий лоб, упрямо сомкнутые губы и борозда в углу рта, выдающая волю и одержимость. Легкая тень от шляпы покрывает большую часть лба, но лицо озарено и светло. О портрете еще трудно сказать, что он — кисти Гудиашвили (так же как по ранним вещам Матисса нелегко угадать высвобожденный почерк мастера), но для познания Валишевского он, несомненно, ценен. В 1917 году, когда писался портрет, Валишевскому было двадцать. Созерцатель. А ведь за плечами — уже участие в качестве добровольца в войне. Еще раньше — учеба в студии Н. В. Склифосовского.

Неугомонный созерцатель и лихорадочный репортер жизни. Три года спустя тифлисской персональной выставкой он проведет предварительный смотр сил. Нужно торопиться. Еще в детстве юный честолюбец поставил перед собой задачу: в двадцать лет писать, как Рафаэль, или — застрелиться. О чем он думал в двадцать на портрете?

К выставке он пришел со знанием людей и с вопросами. С частичкой Грузии. Его притягивают Ван Гог, Тулуз-Лотрек, футуристы, Пикассо и — «грузинский таможенник Руссо» Нико Пиросманашвили. В городе Пиросмани он пишет занавес для оперного театра и расписывает стены в кафе «Ладья аргонавтов», «Братское утешение», «Химериони».

«В 1917—1921 годах уже, несомненно, проявляется как предзнаменование всеобъемлющий, врожденный, инстинктивный характер искусства Валишевского — чувство декоративности, сила экспрессии, богатство фантазии, импровизационная спонтанность, остроумие, ирония, юмор и много других качеств. Цвет не находился еще на первом плане его тогдашних интересов». Так пишет в книге о Валишевском польский исследователь Мацей Масловски.

Семь лет спустя после того, как Валишевский позировал Гудиашвили, он увидел его в Париже. Встретились они, не стовариваясь, потому что сходными путями вело их призвание. Странное дело! Все выглядит так, будто грузин передает поляку эстафету поиска: 1919—1925 — в Париже работает Гудиашвили, 1924 — 1930 — его сменяет Валишевский. Прибудь Валишевский годом позже, для встречи было бы слишком поздно.

С жадностью вбирает впечатления Валишевский. В Лувре он встречается с Тицианом, Веронезе, Веласкесом, Вермеером, Гойей, Делакруа, Сезанном, Ван Гогом, Матиссом... Остановимся на Гойе: в преемственности к нему снова встретились Валишевский и Гудиашвили. Валишевский в Лувре совсем не солиден. Всадит себя как мальчишка. На шутилом рисунке он заранее изобразил себя, пробегающего по залу Франца Хальса и пытающегося захватить в охапку его полотна. А если кто не поверит, что он — без царя в голове, пусть полистает многочисленные, навязчиво преследующие его изображения рехнувшегося ламанчского рыцаря в сопровождении славного Санчо Пансы.

За Лувром — Париж. За Парижем — Франция. Нужно обежать Париж и Францию — как зал Франца Хальса! Уже замелькали Кань, Валанс, Кап Мартен, Авиньон... И местечко Мо под Парижем, о котором — ниже.

Вид Мо. Первое, что приходит на ум, — духовное родство с Ван Гогом. Эту мысль рождает задающее тон всей картине дерево, ствол которого начинается у нижнего края полотна, чуть-чуть правее от мысленной срединной вертикали. В дереве задан характер картины. То, что дерево — с характером, видно хотя бы по тому, что ствол его не подымается вертикально, как нормальный и уважающий себя ствол, а идет под легким углом вправо (продолжая оттягивать намеченную отправным пунктом композицию). Затем он вдруг прогибается влево, образуя узел, от которого в разные стороны отходят три толстых ветви, дающих, в свою очередь, начало многочисленным мелким ответвлениям, причудливо изгибающимся, изламывающимся, как заломленные в молитве жилистые и костлявые руки старенькой сказочной ведьмы, с длинными запущенными в небо когтями в виде сухих колючих заключительных веток.

Разумеется, на дворе поздняя осень и дерево оголено. Заломленные ветви, готовый разлететься в клочья простор неба. Мягущееся и раздражаемое противоположными действиями дерево очень даже может сойти за иносказательный автопортрет или, по меньшей мере, «исповедь минуты» или проекцию внутреннего клубка противоречий. Свой запас электричества дерево целиком отдает мелкопятнистому и тоже по-вангоговски мятущемуся небу.

В фокусе собирается, отражается, преломляется жизнерадостная многокрасочность окружающего. Ибо в светящейся густой и влажно-теплой голубизне неба есть примесь всех или почти всех цветов пейзажа с небольшим домом, рядом намеченных в втором плане, за главным деревом, других мелких оголенных деревьев, кустарников и кипариса: бледно-желтый, бледно-коричневый, зеленый, серо-белый и всеобъемлющий морковочный. В морковочной рыжести кустарников, ставен и черепицы, как в морковочном отливе неба, пожалуй, скрыт ключ жизнерадостности Валишевского. К нему из располжившейся внизу массы кустарника подымается капустно-молочный отвар.

Ежи Вольф вспоминает о том, что Валишевский в Париже.. «всегда ставил недалеко от своей кровати натюрморт, чтобы глаза, по пробуждении, смотрели на прекрасное; день он хотел начинать с пластического волнения».

Лежал ли «натюрморт с грушами» у изголовья художника, прежде чем лечь на его полотно?

Небольшой, почти квадратный натюрморт с четырьмя грушами в сопровождении их собственных листьев-шлейфов и проглядывающим куском пятой, высоким продолговатым фужером с красным (вишневого отлива) вином, другим круглым порожним фужером и масленкой с открытой и приставленной крышкой. Сезанн, пожалуй, прокрася в зеленоватые отливы от листьев на грушах и на скатерти. Колорит, близкий к пейзажу Мо, еще более насыщен и сведен в компактный сгусток. И хотя здесь морковочному цвету не место, он, кажется, тайно присутствует в насыщенном фоне, который вновь резюмирует, как небо над Мо, и усиливает цветовые компоненты натюрморта, выдержанного в желто-коричнево-красно-бордовых тонах с зеленоватыми отливами.

Пейзаж и натюрморт объединены негромким, сосредоточенным интроспективным поиском, причем натюрморт спокоен и трезво упорядочен, а в окружающей осенней природе мечется неприкаянное дерево, от которого, в силу разных обстоятельств, — путь к дальнейшему Валишевскому.

ФОСФОРЕСЦИРУЮЩИЙ ФУЖИТА

В предисловии к изданной в Токио после смерти Фужиты книге посол Франции в Японии Луи де Пенго прибегает к двойному эпитету: «японский художник, французский художник». В самом деле, творчество Фужиты представляет своеобразный синтез двух традиций — Дальнего Востока и сердца Запада.

Художник родился в Японии, его настоящее имя — Цугуару Фужита. В 1913 году он приехал в Париж, где познакомился с Пикассо, Сутиним и Морицци дильни и сразу же включился в жизнь Монпарнаса. Долгие годы пришлось Фужите добиваться признания и известности и прокладывать свой путь в искусстве. В 1949 году Фужита вернулся в Париж, в 1955 году он принял французское подданство, в 1959 — католицизм и был крещен в церкви Сен-Реми в Реймсе. Тогда-то он и переименовал свое имя Цугуару на Леонар — Леонар Фужита — и начал расписывать часовню в Реймсе. Похоронен он перед часовней Нотр-Дам де ла Пэ, план и витражи которой, а также главный портал и некоторые другие детали принадлежат ему. Могила Фужиты погружена в зеленый оазис, умиротворенное место для вечного успокоения. Поросшая травой, вымощенная плитами дорожка, ведущая к церкви, почтительно огибает могилу художника.

На обратной стороне японского альбома — карандашный набросок кошки. Кошка связующим символом проходит через художественный мир Фужиты. Постоянный японский элемент в его творчестве — эстетическом, тонком и поэтическом одновременно.

Неизменны и некоторые штрихи внешнего облика художника: такова, начиная с портрета 1921 года и до последних его автопортретных изображений, челка волос, сначала черных, потом — с проседью и, наконец, белеющих с годами, но по-прежнему прикрывающих лоб и опускающихся до бровей, напоминая гладко расчесанную солому. Таковы круглые очки и, на некоторых автопортретах, серги в ушах. Художник по-бальзевски окружает себя своими любимыми предметами: большим фарфоровым сосудом с французской надписью «Табак», трубками, различными изделиями из фарфора и фаянса, предметами обихода, блюдами. Взгляд художника сквозь стекла очков — пристальный и любящий.

Кошки на картинах Фужиты сопровождают женщин. Обнаженная на картине 1921 года лежит примерно в позе махи Гойи. Взгляды кошки и женщины параллельны, направлены в сторону зрителя, спокойны и беспокойны одновременно и проясняют, дополняют друг друга.

Следя за перелистываемыми страницами альбома, Ладо Гудиашвили как-то заметил:

— Обратили ли вы внимание, как часто Фужита изображает кошек?

И продолжил:

— К нему невозможно было пройти в мастерскую без того, чтобы с десяток кошек не ринулись на вас с разных сторон. Кошки встречали вас у Фужиты, а у Пикассо вас тесным кольцом обступали собаки.

В облике кошки Фужита находит основные моменты своего художнического видения мира: с одной стороны — четкая и грациозная очерченность линий, с другой — предельная гибкость и адаптивность, умение непринужденно прилагаться к телам и предметам, отсутствие застылой твердости, неподатливости, «кинетического консерватизма», заостренности. Все это дает возможность бесконечно развивать жизненную модуляцию линий, ситуаций и объемов, не теряя контакта с жизнью биологической и реальной. Кошка — поводья Фужиты, как лань — поводья Гудиашвили.

Перекликается у японца и грузина также тонкий и живительный эстетизм, соединяющий воедино разрозненные образы мира. Фужита с равным наслаждением выписывает драпировки, фарфоровые безделушки, скатерти, орнаменты стола, мебели, изысканные линии человеческих, в частности, женских тел. Ко всему кончик карандаша или кисть художника прикасаются любовно, приемля и восторгаясь. То здесь, то там рассеяны признаки времени, словно для того, чтобы свидетельствовать о его быстротечности. Расположение предметов на столе, лист календаря, старинная гравюра с большей или меньшей точностью фиксируют дату создания натюрморта или интерьера, отмеряют эфемерным впечатлениям толику площади на восходящих или нисходящих ступенях бытия. В поющей графической линии обнаженных женских тел и в приглушенной моделировке светотени — начало, родственное черно-белой графике Гудиашвили. Оба художника — мастера мизансцены. На картине Фужиты 1922 года обнаженная вместе со своим ложем как будто прорвалась то ли сквозь матерчатую занавеску, то ли сквозь бумажную, разрисованную сценами стародавних времен. Так строится диахрония, временная глубина Фужиты.

Ряд автопортретов с кошкой создает ощущение того, что художник сделал с себя серию мгновенных снимков, на которых его задумчивый и пристальный взгляд меняется мало, а выражение кошки составляет подвижную и динамичную шкалу настроений. На одном из двух автопортретов 1926 года кошка смотрит вверх на хозяина, который приподнял ее за шею. Глаза кошки смотрят на лицо художника и в то же время как будто хотят скользнуть вниз, чтобы посмотреть на рождающуюся его живописную работу. Правой рукой художник

держит кисть и подпирает подбородок. В беспокойных глазах кошки — своей воле и необузданность, заключенные в ее природе. Изгиб морды неправильный, вытянутый в одну сторону, неуравновешенный. Вперед выступает клык. Рядом со зверьком природа человека выглядит уравновешенной и гармоничной в призме восточно-философского восприятия. На втором автопортрете кошка успокоилась и кокетливо устремила взгляд вдаль, черты ее правильны, спокойны, и художник лобует ее красотой и неповторимым очарованием.

На портрете девочки с кошкой 1926 года котенок извивается в руках подростка как капризный ребенок, а кошачьи свойства как будто передались озорному и внутренне беспокойному взгляду девочки, волосы которой, внешне ничем не напоминая кошачью шерсть, чем-то неуловимым сродни ей.

Графика Фужиты пластична и объемна. Посующую линию поддерживают и светотени, порождающие объем и мраморность тел. Будто обнаженные тела Фужиты рисовывались одновременно с живых людей и с их мысленного мраморного перевоплощения, которое на миг преображало их перед взглядом художника и затем снова сливалось с живой натурой. В постоянную циркуляцию живого тела и мраморного объема вливаются мягкие разводы фона, складки ложа. Вместе они амортизируют, создают посадочную полосу для приземления на плоскость произведения обнаженных тел.

Портрет 1927 года варьирует положение кошки на портрете 1926 года. Художник охотно возвращается к исходным ситуациям, по-новому прочитывая их. Здесь кошачий нрав сильнее передается облику художника и беспокойной полосатой и пятнистой рябью лег на его рубаху. Позы женщин естественны, расслаблены и полны покоя. У кошек заимствуют они бесконечную живую шкалу гибкости и грации. Варьирует Фужита мотив уснувшей на груди кошки или кошки лежащей на автопортрете 1928 года. Кошка сообщает свой импульс изгибу линии ушей и пальцев. Рука художника, соприкасаясь с телом кошки, взволнована, и, в смятении от этого прикосновения, частыми гребнями изогнулись пальцы.

Под кистью Фужиты кошка иногда превращается во льва, как на картине 1930 года, изображающей обнаженную женщину со львом. Причем до забавности наглядно львы Фужиты, мужа, вырастают из кошек.

Даже обобщенные символы, как на интересном полотне 1930 года на тему о жизни и смерти, Фужита решает в преломлении реалистически выписанных тел, деталей анатомии или интерьера, с учетом материала — будь то мрамор или дерево. На картине имеется белый пудель, морда которого сродни кошачьей и львиной. Перед нами уже тот путь обобщения отдельных аспектов природы, который ведет, в современном искусстве, к собирательному изображению дикого зверя или домашнего животного у художников или скульпторов типа Джакомоцети.

Мотив занавеса прекрасно решен на картине 1934 года, где обнаженная появляется, раздвигая занавес с ниспадающими оборками. Занавес белоснежен. Движение рук, грация тела, ниспадающие волнистые волосы многократно преломляют все ту же тему, которая звучит и в свободных, отдыхающих формах другой обнаженной натуры, лежащей на ложе (полотно того же 1934 года).

На картине 1935 года молодая японка, сидящая на продолговатой софе в позе г-жи Рекамье, дана на фоне четырех резвящихся кошек и котят, причем ее полосатое платье в унисон с расцветкой тел кошек, ради которых женщина, кажется, и надела свой наряд. Композиция произведения свидетельствует еще раз о том, насколько остро Фужита чувствует красоту уже созданную, являющуюся для него и историческим фактом, и живой действительностью. Через обновление эстетической традиции художник стремится не только вписаться в нее, но и слиться с природой.

Котенок персонально изображен на картине 1936 года, где он изогнулся запятой, что-то рассматривает на полу, готовый к прыжку. В кошачьей природе Фужиту привлекает и эта постоянная мобилизованность, боевая готовность во имя жизни.

На автопортрете 1936 года Фужита держит во рту сигарету, а из-за пазухи, на обнаженной груди видны голова кошки и ее хвост. Так Фужита «животом» ощущает кошачье тепло.

Есть в произведениях Фужиты и элемент мифологии и сказочного перевоплощения, как на изображенной на картине 1940 года своеобразной русалке — полуженщине-полурыбе. И в этом слиянии человеческого и животного миров и в анималистическом измерении его взгляда Фужита тоже родствен Ладо Гудиашиви.

На картинах сорокового и 1947 годов художник фиксирует бесконечное разнообразие движений и состояний кошек, выражения морды, глаз, положения когтей, лап, от покоя и дремы до ярости, животной агрессивности и элементарных жизненных отпавлений. Это — живая академия для Фужиты.

Несомненно и связи художника с поэтикой Возрождения; грации на фоне пейзажа 1946—1948 годов вписываются в эту живучую традицию. Наконец, с творчеством Ладо Гудиашвили Фужиту сближает влияние звериного мира и обнаженной женской красоты. Так, на картине 1947 года женщина спит, а к краю ее ложа поднялись звери — собака, кошка, шакал, голуби, волк — и с пристальным интересом рассматривают прекрасное обнаженное тело, словно, как у Ладо Гудиашвили, они задаются извечным вопросом: «Как возникла эта красота, в чем ее секрет?». Будто и они стремятся постичь эту тайну.

Родственна у Фужиты и у Ладо Гудиашвили идея о том, что человеческое тело является венцом природы и ее совершенством. Эволюция животного и звериного мира приводит к созданию прекрасного женского тела.

Красноречива и картина Фужиты 1947 года, внизу которой он по-французски написал название: «Мой сон». В центре картины — спящая. Расположение рук напоминает гудиашвилевское. Правая обхватывает голову, левая свободно спускается вдоль тела. Вокруг женщины — хоровод зверей. В красочных нарядках, нарядные и праздничные, звери окружили спящую женщину, тело которой фосфоресцирует и напоминает перламутр, будто лисицы, зайцы, собака, мыши, обезьяны и, конечно, вереница кошек заморожены. Иные, правда, заняты своим и равнодушно обходят ее стороной.

Вездесущая кошка появляется из-за угла на каком-нибудь натюрморте 1939—1940 годов и лапой тянется к разложенным на столе крабам.

Ряд вещей Фужиты перекликается с творчеством французских импрессионистов. Чередуются виды старого Парижа, люди, дети, женщины, ученые. Художника привлекает также жизнь бедняков и нехитрые аксессуары повседневности. Опоэтизированы сабо, свисающие со стены дома, сохнувшие на веревке носки, плотные ряды горшков с цветами, старый стул — плоть от плоти обшарпанных вангоговских стульев.

Силы природы омывают создания Фужиты, и, как у Ладо Гудиашвили, ощущаешь присутствие водной стихии, наподобие случая с пльвущими по реке кинто. На портрете 1956 года лицо будто погружено в воду, в волосах женщины застряли рыбы и медуза, а между пальцев плывут маленькие рыбы.

Звери Фужиты ликуют и даже устраивают пиршества, как на картине 1957 года, где за столом в полном сборе звериное царство, возглавляемое собакой и курицей. За трапезой, конечно, экспрессивнее всех динамичная, хохочущая во всю пасть кошечка в детском ночном колпаке. Она — душа общества и веселья. На стене — изображение обнаженного женского тела — идеал красоты.

Примерно с шестидесятых годов в творчестве Фужиты появляются библейские мотивы: прекрасна Ева в первоизданном изобилии природы, держащая в руке плод познания добра и зла; прекрасны мадонны, перекликающиеся с мотивами Леонардо, Рафаэля, классического наследия европейской живописи.

Так два пришельца с востока — Фужита и Шагал — обратились на земле Франции к религии и витражам. Мать и дочь, сестры, дети — излюбленные мотивы Фужиты. На картине 1967 года дети сидят на низкой каменной ограде, а на проводах вереницей примостились птицы.

Перелистана последняя репродукция в альбоме Фужиты, и на сетчатке глаза постепенно угасает фосфоресцирующее мерцание его видений.

Окончание следует

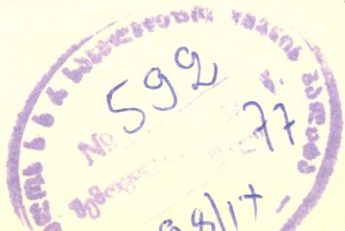
Сдано в набор 8 июля 1977 г. Подписано к печати 9 сентября 1977 г.

6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 2358

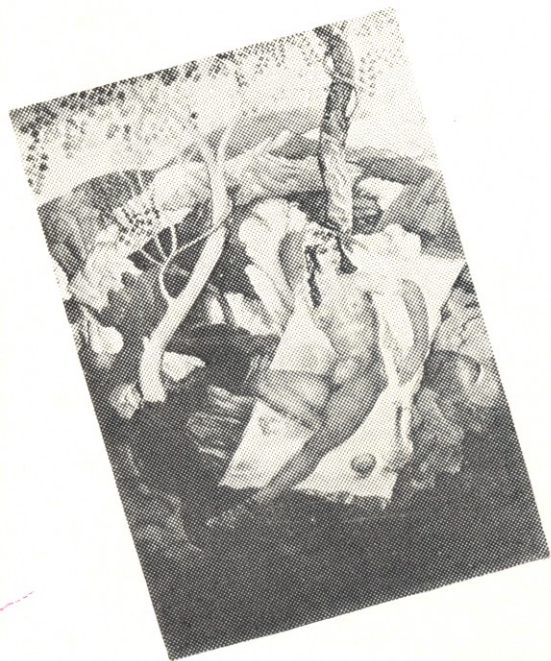
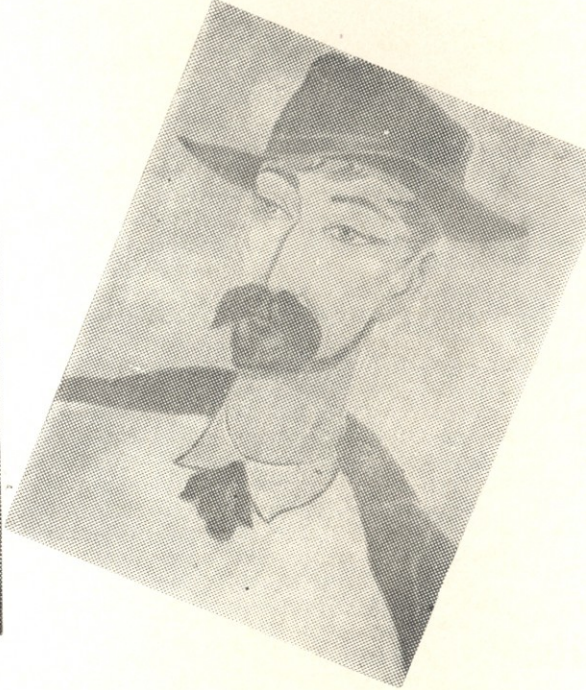
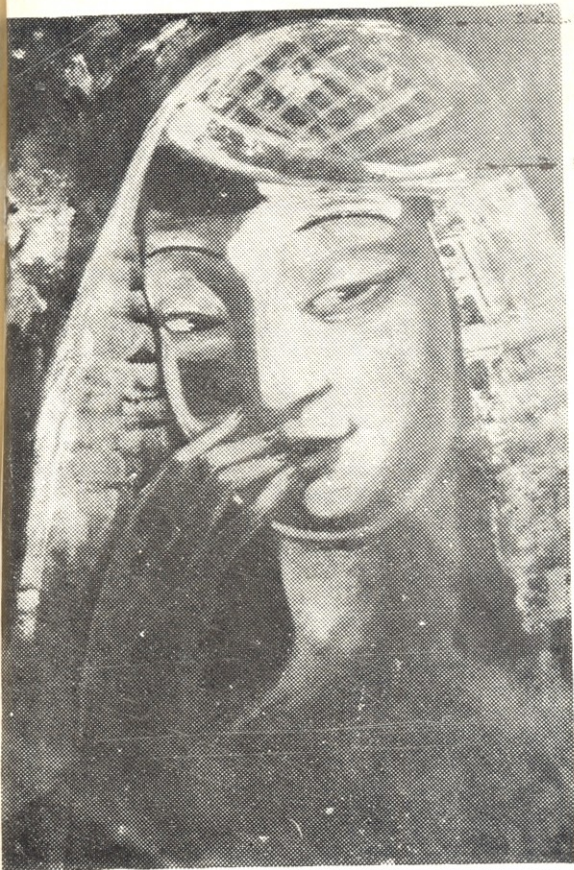
Тираж 7.000

УЭ 01683

К СТАТЬЕ ГАСТОНА БУАЧИДЗЕ «ГРЕЗА ФРЕСКИ»

საქართველო
ზინტონი

ЛАДО ГУДИАШВИЛИ. Вверху слева «Улыбка Фрески». Справа — портрет Нико Пиросмашвили. Внизу справа — «Поминальный тост Пиросмани». Слева — «У черного ручейка».

26-77

77-592

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა